

СВЕТЛО

ISSN 0131—6656

№ 15 АВГУСТ 1983

НОВАЯ ФОРМА
ШКОЛЬНИКОВ

Поезд в ЖЖ

Игорь КУВШИНОВ

О Таллинском железнодорожном ПТУ имени А. А. Мюрисепа — лауреате премии Ленинского комсомола

В вагоне

Фирменный поезд «Эстония» от Ленинградского вокзала в Москве отошел по расписанию и прибыл в Таллин минуту в минуту. Вагон был теплым, проветренным, чистым. Проводница оказалась приветливой, внимательной женщиной.

Да-да, она знает училище имени Мюрисепа, недалеко от вокзала. Многие ее сослуживцы учились там. Хорошее училище, очень известное. Нет-нет, сама окончила лишь восемь классов. Это теперь настало время, когда нужно всему обучаться.

— А нужно?
— Нужно, — твердо сказала она. — Раньше хватало опыта, теперь требуются еще знания. Люблю ли свою работу? Привыкла. Люблю. Заработки хорошие — до двухсот. Не каждый мужчина так зарабатывает. Тяжело, правда, бывает, особенно в зимний период. Но зато постоянно новые, разные люди — интересно.

— Так, может, детей своих в это училище отдадите?

— Ну, по нынешним дням детей не отдают — они сами идут куда вздумается. Выберут этот путь — что ж, препятствовать им не стану.

Ночью поезд шел очень мягко. Соседи мои давно спали, было тихо, только иногда на нас словно обрушивался во тьме быстрый, порывистый ураган — пролетал мимо встречный состав. Изредка мы останавливались ненадолго, вверх по стене проскальзывали неяркие огни маленьких станций, доносились голоса диспетчера, перекличка далеких гудков, близкие негромкие голоса и мелодичный звон колес, когда по ним ударял молоток обходчика. Этот звук, поначалу невнятный, приближался, набирая серебристую силу, потом также растворялся где-то вдали. Наш поезд осматривали, ощупывали, чьи-то руки ласкали его, и мы отправлялись дальше. Мы спали, а на дороге шла непрекращающаяся работа и жизнь.

Устраиваясь под мягким шерстяным одеялом между прохладными, свежестью пахнущими простынями, я думал о том, какими качествами должны обладать эти люди, которых раньше называли изящным, а теперь звучащим несколько старомодно словом «путейцы», эти люди, отказавшиеся от многих привычных удобств и земных радостей? Чтобы работать, подчас трудно работать и чувствовать себя счастливым, что необходимо им иметь в характере и душе? Какие они должны быть, чтобы беспрерывно навстречу нам и за нами вслед на платформах, в вагонах, в цистернах по пустынным просторам проносились не воздвигнутые, но уже замысленные города, плотины, искусственные моря? Чего ради выбрали они для себя беспокойную эту профессию и стараются, чтобы я и подобные мне сегодня ехали в тепле и покое к холодному Балтийскому морю сквозь долгую вьюжную ночь?

В Таллин мы прибыли серым туманным утром. В этом городе очень естественно сопрягается порывистое быстробегущее время сегодняшней жизни с монументальной статикой былых времен. Высокая история — со стремительной будничностью наших дней. Я не случайно об этом пишу. Таллинское железнодорожное училище имени А. А. Мюрисепа — одно из старейших в СССР. Ему больше ста лет. Оно часть города и в какой-то степени живет по тем же внутренним законам, что и весь город.

Несколько строк из истории

Училище располагается в здании прошлого века, сложенном из неяркого камня, и напоминает скорее музей или даже небольшой старый замок. А во дворе перед входом в него установлен так похожий на замечательную игрушку — до того он отмыт и блестящ! — но все же самый что ни на есть настоящий небольшой паровозик с узкоколейки. Кажется, он под парами, даст вот сейчас гудок и поедет, тем более что до железной дороги отсюда рукой подать: она огибает училище, и гул ее стремительных локомотивов, ее рокот, нервное мигание semaфоров, беспорядочная нескончаемая работа входят составной частью в жизнь и учеников и их педагогов.

Здесь, во дворе, на этом небольшом пятачке многое как-то сложилось, устроено так, что сразу душой, нутром ощущаешь незапамятные времена. Потом я еще не раз при знакомстве с училищем столкнулся с этим намеренным, рукотворным сопряжением сегодняшнего дня с днем минувшим.

В 1870 году открылось регулярное железнодорожное движение между Ревелем (так в те времена назывался главный город Эстляндии, или Ревельской губернии Российской империи) и Петербургом.

— А в 1880 году, — рассказывала мне заместитель директора училища по воспитательной работе Хилья Рудольфовна Пинт, — в городской газете появилось сообщение, что Балтийское железнодорожное общество открывает для обслуживания дороги техническую железнодорожную школу, где в начальном и первом классах станут готовить мальчиков по специальностям машинистов, путеобходчиков, телеграфистов. Обучение будет происходить на русском языке. Плата за год составляет десять рублей и — считала необходимым довести до сведения городских обывателей газета «Ревелишер Беобахтер» — взимается в начале учебного года. — Хилья Рудольфовна значительно подняла палец. — Вот так-то, деньги вперед. А теперь у нас не только бесплатное образование, но мы еще учащимся нашим платим...

— Когда наше училище только построили, — говорила она, — а мы до сих пор занимаем и то первое здание, здесь был самый край города, дальше начинались пастбища и сенокосы, «Железка» рассекла эти луга, вспоролла перевозданную тишину. Город очень вырос с тех пор, и теперь училище находится чуть ли не в центре.

Великий рационалист

С директором училища Райво Александровичем Пютсепом я познакомился в его кабинете. Этот уравновешенный, доброжелательный человек очень напоминал мне моего старинного знакомого. Несколько лет назад я ездил в Тольятти и встретился там с директором строительного ПТУ Василием Афанасьевичем Ковалем. Тогда обращала на себя внимание одна его черта. Разговаривал ли я с ним, следил ли за тем, как он работает, как общается с педагогами и ребятами, с городскими властями — в общем, что бы он ни делал, ни предпринимал, чувствовалась спокойная уверенность в справедливости своих идей и поступков.

Мне кажется, что директором училища, вернее, хорошим директором только и может быть человек, уверенный в своей жизненной человеческой справедливости. Потому что ребята, мальчишки, как никто, чувствуют раздвоенность, позу, фальшь и, как никто, нуждаются в доверительном общении с искренним, значительным человеком.

Я пришел, и почти сразу мне в актовом зале показали фильм об училище. Вот так, не теряя

времени на лишние разговоры, я был введен в курс дела, узнал, что здесь обучают помощников машинистов тепловозов и дизель-поездов и эта специальность требует от человека технических склонностей, дисциплины, самостоятельности. Готовят монтеров связи и СЦБ (сигнализация, централизация, блокировка) — за этой аббревиатурой стоит работа с автоматикой и телемеханикой. Отсюда выйдут проводники пассажирских вагонов и ремонтники этих вагонов. Дежурные по станции, которыми нельзя стать без расчетливости, спокойствия, умения принимать решения в сложных, порой пиковых ситуациях. Я узнал, что для всего дорожного хозяйства здесь готовятся профессионалы. А потом пошел посмотреть, где их готовят.

— У нас в училище вы увидите во многих местах следы идущей работы, — объяснял Пютсеп. — Кабинет электротехники мы, например, перестраивали четыре раза. Его я вам сам покажу. А вообще хороший учебный кабинет никогда не надо считать построенным окончательно. Потому что тогда он может стать неживым. Жизнь-то идет вперед.

Да, в этом училище было на что поглядеть. Уроки закончились, мы с секретарем комсомольской организации Людой Финагиной шли по пустым коридорам, я указывал на любую дверь, и, отперев ее, мы входили в учебные классы. Здесь не было одинаковых комнат — вообще ни одной. Разная мебель, различная ее расстановка, кинопроекторы, диапроекторы, графопроекторы, схемы, сложнейшие модели, оборудование. В классе-лаборатории учительница химии с трогательной важностью сказала: даже чтоб быть уборщицей здесь, в ее кабинете, необходимо иметь высшее образование.

— Мальчишки все с удовольствием ремонтируют и ломают, — добавила она вдруг с улыбкой, — а учатся не всегда с удовольствием. Приходится это учиться. Вот это они делали сами. — Она продемонстрировала лабораторный стол замысловатой конструкции. — И вот этот сложный вытяжной шкаф, и вот то, и вот то.

Еще в Москве мне рассказывали, что училище достигло выдающихся результатов в научно-техническом творчестве. 129 медалей получили работы и изобретения ребят и их педагогов на ВДНХ. И вот теперь я мог их посмотреть не в виде застывших музейных экспонатов, а в качестве оборудования для изучения своей профессии или фундаментальных законов науки, или инструментария, который помогает делать урок ярче, концентрированной, занимательней.

В буклете, выпущенном к столетию училища, под одной из фотографий набрана такая вот фраза: «Ухаживают за кабинетом учебные группы под руководством мастера». Здесь не опечатка, не неловкий перевод, а самое точное слово. За кабинетами не следят, не убирают их, за ними ухаживают, как за детьми. Наверное, поэтому, несмотря на то, что в них постоянно идет работа, они и выглядят, как ухоженные дети у матери, — нарядными, чистыми, свежими.

У директора два постоянных рабочих места в училище: директорский кабинет и электротехнический. Этот второй — белый просторный зал. Во всю стену — красным контуром изящный абрис нашей страны, схема ее энергетической системы, напротив — рабочее место учителя, тоже белый, удобный пульт, за которым экраны, доска, видеоматрифон, графопроектор. В аудитории ряд слегка выгнутых полукруглых столов каждый на трех человек, и каждый оборудован микрокалькулятором и телевизором. Ну, не учебный класс, а командный пункт какого-то звездолета. Столько здесь было всего — и кино, и телевидение, и электроника, и до того все красиво, что я, честно сказать, решил: это больше необходимо для гостей, для показа, а не для ребят.

Кажется, Пютсеп рассердился немного:

— Введение в электротехнику я раньше читал

4 часа, теперь с помощью различных технических приспособлений — один час. Техника, правда, мертва, если нечего показать. Необходим системный подход к средствам дидактики, нужны видеотеки, комплекты слайдов, фильмов, транспарантов.

И все-таки в училище так гордились своей технической оснащённостью, так все время именно на эту сторону своей жизни обращали мое внимание...

— Но это не цель, а средство!
Пютсеп распахнул шкаф.

— Вот три тысячи перфокарт, здесь задания и вопросы. С помощью этой контрольно-зачетной системы каждый ученик опрашивается на каждом уроке и на каждом уроке получает оценку. Думаю, главное — мы должны смоделировать уже в училище их производственную жизнь. А в производство, как известно, электроника входит все шире.

Мне подумалось вдруг, что это электротехническое царство нужно не только ребятам. Оно необходимо еще и самому Райво Пютсепу.

— Я в своей жизни совершил две важные ошибки, — признался Пютсеп — почти совершенно серьезно. — Первую — когда после поступления в аспирантуру согласился быть заместителем директора училища, вторую — когда стал директором. Потому что по внутренней сущности я неисправимый педагог, преподаватель, люблю свое дело, уроки... И вот, пользуясь служебным положением, веду их постоянно. На занятиях мы обсуждаем любые проблемы — от сугубо профессиональных до летающих тарелок и лох-неского чудовища. — Райво Александрович улыбнулся, было совершенно очевидно, что о своей педагогической деятельности он вспоминает с удовольствием.

Вот история, которую рассказывали мне несколько разных людей. Может, и есть что-то в ней от легенды, но ведь и легенды просто так не рождаются.

Учился в училище паренек — бывший детдомовец. Бывало, на весь мир сердился. Ожесточался, как дикий котенок, ну только не шипит и не царапается. А бывало, важничал!.. Просто так и не подступиться к нему. Как-то стоит на остановке, троллейбуса нет, а пешком идти не желает. И величественно заявляет друзьям: «Я пешком не хожу и воды не пью». Такой вот принц крови. Но тогда все-таки пришлось ему пройти своими ногами. Шли они вместе с директором. Разговаривали и понимали друг друга. Отец Райво Пютсеп — разведчик-парашютист — во время войны был заброшен в Эстонию в тыл к фашистам, чтоб организовать партизанский отряд, и в одном из боев погиб. Так что Райво часть детства тоже провел в детдоме. А детдомовец детдомовца поймет, наверное, лучше, чем какой-нибудь благополучный, сытый человек. Так что с тех пор паренек этот стал вроде бы поспокойней. Пешком ходить начал. Раз директор училища себе позволяет, ему тем более можно.

Пютсеп не по рассказам знает, что такое голодное военное детство, может быть, поэтому он так и стремится, чтоб нынешние его воспитанники ни в чем не нуждались. Ни одна средняя школа, да и не каждый институт или техникум смогут потянуться своей материальной базой с этим профессионально-техническим учебным заведением. Не хотелось бы, чтоб сложилось впечатление, будто у нас все ПТУ такие благополучные или что здесь нет проблем. И училищ, подобных этому, не столько, сколько б хотелось, да и здесь, как в каждом живом деле, есть свои сложности.

— Случается и у нас то, что называется на сухом языке инструкций «потерей контингента». В несколько групп мы набираем девочек и ребят уже после школы. Некоторые из них женятся и уходят, не закончив образования. — Пютсеп говорит об этом спокойно. — Да, производство недополучает в срок специалистов, но детей надо растить, надо кормить семью. Поезд можно остановить, а жизнь-то не остановишь. У нас многое есть, но, видно, так устро-

ена жизнь и человек, что всегда ему нужно что-то еще. — Райво Александрович усмехается. — Идеально было бы, если б у нас во дворе стоял не только музейный паровозик, но и настоящий тепловоз и вагоны, чтоб ребята их могли изучать, ремонтировать. Нам хотелось бы иметь полигон автоматки. Автоматика уже сейчас такая надежная, что человек может всю жизнь прослужить на дороге, а она не выйдет из строя. А все-таки он, как специалист, должен быть подготовлен в училище и к подобному испытанию. И такой полигон нам, наверно, завести придется.

Когда Пютсеп чуть более пятнадцати лет назад пришел в училище преподавателем электротехники и спецпредметов, в пользование он получил... свободное помещение.

— Мы делали все вместе с ребятами. Комсомольская организация постоянно и очень активно участвует в этой до сих пор идущей работе. Часто гости, нас посещающие, говорят: вам-де легко, вы богатые. Но... Например, внутренняя телесистема нам встала в три тысячи рублей, а могла стоить дороже, если бы мы пригласили мастеров со стороны. Но мы сами ее монтировали. Да, мы богатые, — со спокойной гордостью произносит Пютсеп, — потому что богатство это мы создаем своими руками.

Мне говорили, что на счету у директора больше ста рационализаторских предложений; когда я прошу его о них рассказать, раздаются звонок — у Райво Александровича сейчас по расписанию занятие.

— Вы не расстраивайтесь, — улыбается он уже по пути в класс. — Вы вот найдите Каале Казепалу — это молодой мастер. Кстати, наш воспитанник и недавний выпускник политехнического института. Так он с ребятами такое творит...

Этого молодого мастера я долго пытался найти. Меня посылали то наверх, в кабинет физики, то в мастерские, в подвал — нигде его не было. На другой день увидеться с ним тоже не удалось — в училище началась республиканская олимпиада русского языка, и я, конечно, тоже пошел на нее. Зато, пока его разыскивал, я повстречал здесь двух любопытных ребят, о которых и стоит как раз рассказать в связи с этой олимпиадой.

Нет, эти парни не состязались перед жюри в красноречии. Оба они, в заляпанных белилами робах (один еще в пилотке, сложенной из газеты), видно, ремонтировали что-то в училище. Общее дело свело их вместе будто еще и затем, чтоб воочию показать, какими разными нас всех создала природа. Тот, что в пилотке, чернобровый, с небольшой курчавой бородкой по круглому смуглому лицу, дороднотелый, даже в мешковатом рабочем комбинезоне, казалось, не ходил, а пританцовывал, сам себе напевая. Другой — тонкий, высокий, холодноглазый, северного, скандинавского типа — казался немного медлительным. Прежде чем что-то сказать или ответить, он на мгновение замолкал, обдумывая мысль, фразу.

Разговаривали эти два парня по-русски каждый с акцентом своего родного языка, один говорил легче, другой — трудней, но общая работа и жизнь — просто это тебе дается или не просто — требуют понимания. Туурмаа Тармо родился под Таллином, а Ягуб Садыков накануне XXII Олимпийских игр по комсомольской путевке приехал сюда из Баку на строительство спортивных объектов и вот теперь поступил здесь в училище.

Эти ребята решили стать проводниками поездов дальнего следования. Ребята взрослые — в группу проводников набирают уже с десятилеткой.

Каким, по их мнению, должен быть человек, решивший стать проводником?

— У него всегда должен быть, — быстро ответил Ягуб и посучил пальцами, подыскивая слово, — хороший настроения. — И сразу сам засмеялся.

Туурмаа помолчал, потом сурово, и я бы даже сказал, с некоторой ледяной угрозой добавил:

— Чтобы он других людей не испортил.

Тут уж мы засмеялись все трое. Я лично из-за того, что мне очень понравилась эта нечаянная оговорка: вместо «не портил настроение другим» — «не портил других людей». Ведь правда, нашей резкостью, равнодушием мы очень легко можем ожесточить и мягкого человека.

Хилья Пинт

и ее трудновоспитуемые подростки

В училище я постоянно, подробно, целенаправленно расспрашивал о трудновоспитуемых подростках. Если взглянуть в то, как работают в училище с ними, откроется многое в самой духовной атмосфере учебного заведения. Правда, в училищах не любят про это разговаривать с корреспондентами, но в училище Мюрисела мне отвечали, кажется, без утайки, честно. Работа с трудными ложится прежде всего на плечи замдиректора по учебно-воспитательной работе, его для краткости, как в армии, называют замполитом. Естественно, больше всех своими вопросами я мучил Хилью Рудольфовну Пинт.

— Какие сейчас вообще трудные дети, подро-

стки? — она задумалась. — Как правило, это жестокие юноши и жестокие девушки. Какая-то черствость к чужой боли и страданию объединяет их. Но не всегда. Часто трудные ребята — это ребята просто ни на кого не похожие. Вот был у нас один парень, мучились мы с ним, мучились, а теперь он один из лучших курсантов высшего военного училища.

Несколько лет назад, когда я ездил по ПТУ, трудновоспитуемые были, как правило, детьми из неблагополучных семей.

— Не обязательно, — возразила мне Хилья Рудольфовна. — У нас сейчас есть одна очень избалованная девочка. Собралась в середине учебного года и уехала к родителям. Ее мать с отцом хорошо живут, в любви, достатке, у них трехкомнатная квартира, так что видите...

Еще не раз я свои вопросы начинал словами: «А вот, как правило...», а в ответ получал: «Не обязательно, бывает и по-другому».

— Да, — говорила она, — конечно, и среди благополучных семей встречаются сложные дети. Но вот история. Готовился у нас конкурс чтецов, и даю я одному мальчику отрывок из поэмы Кайсына Кулиева о слезах матери. Он читает его молча, кладет, говорит, что выступать с ним не будет, и уходит. Спустя некоторое время я узнаю, что от них ушла мать. Другому даю — прибегает ко мне его друг, красный, пыхтит, зачем, говорит, вы дали Аллеру эти стихи? У него не мать — мачеха. Он хорошая, говорит мальчишка, но все-таки мачеха — ведь не мать. Даю третьему, — Пинт всплескивает руками, — и этот отказывается.

— А он почему?

— Этот третий мальчик был направлен в училище из спецшколы. Его судьбой озабочены органы милиции, детская комната постоянно наводит у нас справки о нем. Приходила его мать — это пыющая, опустившаяся женщина, а мальчик прекрасный, хорошо учится, не имеет ни одного замечания. Мы предложили ему в нашем общежитии место. Но он отказался и все равно живет дома. И знаете, я тогда очень была горда за него. Понимаете, ведь если человек не сам преодолел свои трудности, он может потерять веру в себя. Если б он ушел от матери, могло б так получиться, что всю жизнь он себя за это казнил. Мне кажется, очень важно, чтоб и молодой человек ощущал ответственность. Так вот, он живет дома и все деньги, которые зарабатывает, тратит на содержание семьи и с большим уважением относится к своей матери. Ну, а на конкурсе он все же читал другие стихи. Прекрасно читал. Это очень тонкий человек с богатым внутренним миром.

— Так за что же такой парень в спецшколу попал? И тут Хилья Рудольфовна меня, ну, если не потрясла, то поразила сильно.

— Мы еще с ним не говорили об этом, — сказала она, — еще не время об этом нам говорить.

Я подивился внутреннему такту этой женщины и ее доверию. Парень на второй курс перешел, то есть уже полтора года в училище, а ей не верится, что его пребывание в спецшколе было закономерным, и она не ранил расспросами неокрепшую душу. Этот замполит работает не с анкетами, а с людьми.

— Хилья Рудольфовна, — спросил я, — а вот, наверное, трудные ребята требуют особенно бережного отношения?

Она засмеялась.

— Иногда с ними происходят какие-то чудеса. Сейчас у нас учится парень. Когда отец его к нам привез и отдал, то сразу предупредил, что у нас с ним будут трудности. И так вроде все и складывалось. И вот однажды он вдруг просит меня одолжить ему денег. Я спрашиваю: «Зачем тебе деньги?» Он говорит, я нашей гардеробщице хочу подарить цветы. Ну, я только головой покачала: он — и цветы, и не девушке какой-нибудь, а старушке. Оказывается, он ехал на соревнования по ориентированию, торопилась, спешил, а она дала ему вещи и говорит: «Успеха тебе». Ему обычно все говорили, что он плохой. И отец и мать. А вот здесь человек пожелал удачи. Если, говорит он, прибегу первым — принесу вам цветы. И представляете — прибегал. — Пинт засмеялась. — Часто доброе слово очень дорого для ребят. А сейчас этот мальчик влюблен. И знаете в кого? — Она улыбнулась. — В Калле Казепалу. Вы с ним говорили? Нет? Обязательно поговорите, он интереснейший человек.

Ну вот, опять этот Калле Казепалу, и директор его хвалил. Все-таки его обязательно надо найти.

— Он мастер этого мальчика, ведет радиотехнический кружок.

Урмас Штубис — солидный человек

Его замполит показала мне на олимпиаде по русскому языку.

— Это Урмас Штубис — помощник машиниста, наш третьекурсник, — сказала она. — Очень солидный человек.

ЗЕМЛЯ МО

Под таким девизом теперь проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

Александр МАЛЮТИН,
художник-оформитель,
г. Балашиха Московской обл.

Два брата

*А на кургане том покато,
На трудном рубеже полка
У Чаус встретились два брата—
Бывалых два фронтовика.
Обнялись б здесь им, на кургане,
За долгий срок после войны.
Но старший врос
В холодный камень
У серой мраморной стены.
Как брату после злой разлуки
Поведать новости сполна:
Что дома им гордятся внуки
И, постарев, все ждет жена...
Бессмертной славой увитый,
В армейской форме полевой—
Молчит при встрече
брат гранитный,
И горько плачет брат
живой.*

Эдуард СУЭТИН,
инженер,
Новосибирск

*В короткие минуты тишины,
Когда земля от взрывов не качалась,
Деревьям снилось, будто нет войны
И будто бы она не начиналась.
И выпрямлялась над землей трава
И закрывала черные ожоги.
И в тишине звучали у дороги
Солдатской песни тихие слова...
Уже давно ожогов этих нет,
Деревья, как и люди, постарели.
Глубокий след той огненной метели
Зарос травой за тридцать с лишним лет.
Но в светлые минуты тишины,
Прекраснейшие в жизни, может статься,
Деревьям снится, будто нет войны
И будто бы она не начиналась.
И выпрямлялась над землей трава
И закрывала черные ожоги.
И в тишине звучали у дороги
Солдатской песни тихие слова...*

Окончание следует.

Рисунки Игоря СУСЛОВА

Я улыбнулся.

— Да, да.— Она не откликнулась на мою улыбку и серьезно настаивала:— Это человек с активной жизненной позицией.

Когда о человеке так говорят, тем более о мальчишке, всегдастораживаешься.

...Он сидел передо мной—галстук, сорочка, жилет—все в тон, на пальце перстень, на запястье—модные, с тяжелым браслетом часы, не машинист тепловоза, а какой-то преуспевающий денди.

— Вот вы хорошо учились и учитесь,—спросил я,—почему вы ушли из школы в училище?

— Я практический человек,—ответил мне Урмас,— у меня душа,—говоря о душе, он постучал себя пальцем по лбу,— к теоретическим вещам не лежит. Пришел я в училище, потому что мне понравился локомотив. И я не обманулся в своих ожиданиях: мотор его вполне постижим, не столько сложен, сколько требует постоянного внимания, иначе может оказаться опасным... Понимаете, в школе оценивают человека по тому, как он учится. А это все-таки не совсем верно. Иначе, что же получается, хорошо учишься—значит, и человек хороший, плохо—плохой. А человек не исчерпывается одними отметками за успеваемость. Здесь к человеку относятся шире.

— И чье же отношение прежде всего на ребят влияет?

— Конечно, мастера. Мы называем мастера «вторая мать».

— Как-то я с подозрением отношусь к подобным сравнениям. Все-таки мать у человека одна.

— Конечно,—согласился он быстро.—Только мастер тоже должен быть хорошим другом, понимать тебя и тебе самому помочь себя понять. Правда, бывают и накладки. К примеру, нас учат, что поезд перед отправлением должен быть весь в порядке и иным он не может выйти в путь. А пойдем мы на работу—все не совсем так: и то не в порядке и это, а едем.

Мы засмеялись оба.

— Чтобы быть машинистом, надо быть веселым, неунывающим человеком,—вдруг сказал Урмас.— Все веселье мира затягивать к себе в локомотив.

— И ты никогда не жалел, что выбрал эту профессию?

— Иногда и у меня бывают минуты, когда я думаю, что могла моя жизнь сложиться по-другому. Редко, но бывают. Я даже думаю, что люди, которые не знают сомнений, которые утверждают, что не сомневаются, они говорят неправду. Главное, чтоб эти минуты или сомнения приносили пользу, чтоб человек находил силы бороться с обстоятельствами или с собой.

Если учесть, что эти слова произнес восемнадцатилетний юноша, еще только стоящий в начале пути, они покажутся удивительными и прежде всего своей неюношеской зрелостью.

— Слушай,—спросил я его напоследок,—ты ведь кончишь училище, наверное, с красным дипломом, пойдешь дальше учиться?

Он помолчал.

— Пока еще поработать надо, потом в армии отслужить, а тогда и посмотрим.

Что ж, Урмас Штубис скоропалительно ничего не решает—воистину человек солидный.

О плодах просвещения

Учителя физики спрашиваю, чем преподавание в школе отличается от его работы здесь, в ПТУ?

— Чем отличается?—переспрашивает он.—Если честно, так тем, что у нас намного больше ребят, чем в школе, которые тяжелее успевают. В промышленности, в строительстве, в лабораториях нам необходимы квалифицированные кадры. Средняя школа прославляет историческое предназначение рабочего класса, его роль, а в ПТУ выпихивает, сплавляет слабых учеников. Я не за то, чтоб хороших учащихся посылать в ПТУ, а плохих учить в школе. А за то, чтоб поднимать престиж профессиональных училищ. Для этого необходима возможность требовательно относиться к ребятам.

Уже общим местом звучит, что жизнь, производство, научный прогресс стремительно развиваются и современному рабочему для успешной профессиональной деятельности просто необходимо быть образованным человеком. Да вот и примеры близкие: сейчас на дороге в машинисты и за долгие годы не выслужившись—надо окончить техникум, а чтоб помощником стать—среднее ПТУ. И вот еще что. После того, как в училищах повсеместно ввели среднее образование, ребята, получая вместе с дипломами аттестат зрелости, могут при желании поступать в институт. Этой возможностью немногие пользуются, но никто теперь по сравнению с выпускниками школ не чувствует себя обделенным. Хочешь такой судьбы—пожалуйста, она не закрыта.

Мне кажется, мы не должны образованию и особенно среднему образованию в ПТУ давать какое-то прикладное значение. Человек изучает курс средней

школы, чтоб стать хорошим тепловозным мастером, токарем или проходчиком—это, конечно, важный, но все же частный момент просвещения. Человек не исчерпывается и не должен исчерпываться своей профессиональной функцией.

В начале 60-х годов мне поручили написать материал об одной студентке. Она училась в университете на геологическом факультете и одновременно по вечерам посещала занятия и сдавала экзамены на искусствоведческом отделении. Это была тихая, скромная девочка, одинаково преуспевающая и как гуманитарий и как естествознавец.

Когда я ее спросил, кем же она все-таки хочет стать, она ответила:

— Я не знаю пока. Еще не решила.

— Зачем же тогда ты учишься?—удивился я.

— Как зачем?—Она тоже удивленно подняла на меня глаза, потом опустила их, еле шевеля губами, добавила:—Чтоб стать хорошим человеком.

Она училась, чтоб стать хорошей,—наивная девочка. Но, теперь ее вспоминая, я думаю, что наивность ее сродни простоте, которая глубока и неисчерпаема.

Петер Мульк— поэтическая натура

Это был мальчик тоненький, хрупкий, кудрявый. Очень опрятный. Когда вошел, очень вежливо поздоровался: прижал руки к бокам и так почтительно поклонился. Потом, сев, руки сложил на коленях.

Тонкие пальцы. Артистичный и такой еще... маленький, да, маленький мальчик, а он ведь будущий машинист, будет грузы возить, людей, и уже совсем скоро чья-то жизнь от него станет зависеть.

— Петер, почему ты выбрал это училище?

Застенчиво улыбнулся.

— У меня бабушка работала на дороге. В детстве (так и сказал—в детстве, будто оно у него закончилось) я очень любил смотреть на поезда, считать в них вагончики, думать о людях, которые куда-то ехали мимо и ничего обо мне не знали.

Да, пока еще более чем романтическое обоснование выбора жизненного пути, ему бы с мамой пока посидеть.

Потом мне рассказали, что он и сидит со своей мамой. Она тяжело болеет, а он стойко ухаживает за ней. Жизнь к ним двоим так повернулась, что отчасти они—мать и дитя—поменялись ролями. И детство у Петера как раз кончилось раньше, чем у других ребят.

Оказалось, не только нежный, но еще и мужественный, преданный мальчик. Но тогда всего этого я не знал.

— Петер, все время приходится ездить, не тяжело?

— В каждом деле необходим порядок. Машинист должен быть очень дисциплинированным человеком.

— Необходимое необходимо, но трудно, наверное?

— Если ты не можешь отказаться от каких-то развлечений и дел, если тебе позвонили и вызвали в рейс, такое ведь часто бывает, а тебя угнетает это, то лучше за такое дело не браться. Машинист должен быть человеком, у которого быстро меняется настроение, который может переломить его.

— Но все-таки бросать постоянно дом, все время быть одному...

— На эту работу,—сказал мне доверительно Петер,—должны идти такие меланхолики, которые за просто могут сесть в поезд и ехать... И однообразие дороги им так же интересно, как и полная приключений жизнь.

Ай да Петер, ай да поэт!

А помните Штубиса, который настаивал, что машинист должен быть неунывающим человеком и буквально затягивать к себе в локомотив все веселье жизни?

— Петер, вчера ваша группа устроила вечер и пригласила гостей из другого училища, а что-то я тебя там не видел.

— Я по вторникам хожу в баню,—ответил он.

— И отказался от вечера?

— Нет, на концерте я был.

— А на танцах?

— На танцах нет.

— Почему?

— Я должен был вымыться.

— Может, стоило потанцевать, а искупаться потом?

— Было бы поздно,—с готовностью разъяснил Петер.

Да, напрасно я беспокоился, что он молод для машиниста. Если даже девушки не сумели заставить этого поэтического парня изменить свой распорядок, ему можно доверить любой состав—приведет в целостности и сохранности, по расписанию, точно в срок.

Это, конечно, шутка. Но все же здесь проявилась некая жесткость, требовательность человека к себе самому. И поэтому, наверное, закономерно, что этого молодого рабочего высоко аттестуют в училище и уверены, что из него вырастет классный профессионал и порядочный человек.

Я-СУДЬБА МОЯ

Павел КАШАЕВ,
преподаватель ПТУ,
Геническ
Херсонской обл.

Минута молчания

Каждой весной, в любую погоду,
Дома на время оставив дела,
Выпускники
Сорок первого года
В школу приходят, в десятый «А».
Их только двое...
Шагов звучание стихнет за партой...
В который раз сердце сжимает
Минута молчания,
И недошедшие входят в класс...

Юрий СВИЩЕВ,
инженер,
Москва

Может, тот романс и про меня.
Потому в ночной тиши шепчу:
«Гори, гори, моя звезда...
Гори,— я так тебя прошу!»
И до меня за много тысяч лет
К тебе другие также вопрошали,
Завидев твой волшебный свет,
Свои заветы, тайны доверяли.
Я не ревную, нет, моя звезда.
Прими слова, звучащие признаньем,
Ты мне нужна, как им была нужна:
И постоянством и молчаньем.
Храни все тайны до конца.
Твой бесконечен путь,
а мой—недолог.
Пусть в обрамленьи тайн
оправлена моя...
Гори, звезда, твой свет мне дорог.

Вячеслав СОРОКА,
инженер-гидротехник,
Черкаскы

Завещание

Атакой дышали вольнее,
Удар сокрушительным был,
Но острую саблю свою
Здесь, в поле, комбат уронил.
Он медленно падал с коня,
И прежде, чем очи закрыть,
Сказал: «Схороните меня,
Чтоб мог я с рекой говорить...»
Давно отзвенели клинки,
Звезда над могилой горит,
И рядышком сабля реки
Покоится в ножнах раки.

Сергей ЛАЗО,
учитель,
Тернополь

Моя книга

Хочу такую книгу написать,
Чтоб были в ней рассветы и закаты,
Чтоб доносились горные раскаты,
И голубых озер сверкала гладь.
Чтоб запах просыхающей земли
Шел от страниц,

а в следующих тихо
Благоухала розово гречиха,
Жужжали полосатые шмели.
Хочу, чтоб иней изваял зиму,
И на заснеженном листе прохожий
Оставил первый след—

ожог на коже.
Пусть будет счастлив он. Я рад ему.
Хочу, чтоб бормотание дождя
Вдруг угадалось

в ритме монотонном,
Чтоб грянул гром,
и смял проем оконный
Веселый ливень, стекла теребя.
Хочу добиться хрупкости листка
Кленового

в безудержье осеннем
И выписать строку как завершенье
Изящества последнего витка.
Вот мне какую книгу б сотворить,
Обложку сделать солнечно-лучистой,
Вложить в зеленый переплет
из листьев
И без названья людям подарить.

Владимир ПЕТРАШ,
журналист,
Новокузнецк

Скажи, ты любишь ковыли?
А я люблю— я сын земли,
Земли просторной и богатой,
Где трав июньских перекаты
Бегут, бегут, бегут куда-то
И тихо шепчутся со мной
О том, как дорог край родной.
И не поля у нас, а степи,
И высоко в лазурном небе,
Где ночью плещется заря,
Орлы свободные парят,
Уроки гордости даря.
И я полет их понимаю,
А значит—сердцем принимаю.
И принимаю говор трав,
И ветерка веселый нрав,
И мощь слепую урагана,
И тайну древнего кургана,
Еще не ясную пока нам.
Я здесь родился, здесь я рос
И доставал душой до звезд.

Валентина НАУМЕНКО,
работник издательства,
Москва

Холодным пламенем горя,
На землю, от забот уставшую,
Цветные листья октября
Летят, как письма запоздавшие.
В них отзвук быстротечных дней,
Пронзенных щедрым зноем полдня.
Они летят, чтобы скорей
Воспоминанием наполнить
Простор души, простор земли
В предзимнем грустном усыпенье.
Вдали маячат журавли,
Как те счастливые мгновенья,
Что нам являются не зря,
Такие дальние, вчерашние...
Цветные листья октября
Летят, как письма запоздавшие.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1349) АВГУСТ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рисунок
художника
Юрия
ИВАНОВА.

- 1 ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС.
Игорь КУВШИНОВ. Рабочая повесть «Смены»
«ПОЕЗД В XXI ВЕК».
- 2 Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
- 4 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК—ЧЕМПИОН.
Евгений БОГАТЫРЕВ. «ПРЫЖОК».
- 6 НОВАЯ РУБРИКА:
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ—ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ.
Сергей ПОПОВ «ЧЕСТЬ СМОЛОДУ».
- 7 КОМАНДИРОВКА ПО ЧИТАТЕЛЬСКОМУ ПИСЬМУ.
Борис ДАНИШЕВСКИЙ «РЕЦЕПТ ОТ СКУКИ?...»
- 8 Альберт ЛИХАНОВ.
«ЖИЗНЬ И КНИГИ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА».
- 9 Рассказ Аскольда ЯКУБОВСКОГО
«КРОКОДИЛ И ЛАПАТОШКА».
- 12 «ПРОФЕССИОНАЛЫ».
Фоторепортаж Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 А ЧТО У ВАС?
- 15 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 16 ОТЕЧЕСТВО. «В ПАРКЕ СТАРИННОМ...».
Фотоочерк Юрия ОСИПОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 18 Стихи Бориса ДУБРОВИНА и Михаила БЕЛЯЕВА.
- 22 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «Пикник в подьезде».
- 24 МИР КАПИТАЛА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР.
Владислав ЧИРКОВ. «ПАЛАЧ ПО НАСЛЕДСТВУ».
- 27 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1983 г.

ПРЫЖОК

Этот очерк о замечательном советском спортсмене — неоднократном чемпионе и рекордсмене Европы и СССР, призере Олимпийских игр — подготовлен по письмам читателей «Смены». Напишите нам, дорогие читатели, с кем еще из наших чемпионов вы хотели бы встретиться на страницах журнала.

Евгений БОГАТЫРЕВ

«Дорогая редакция! В моей домашней библиотеке немало книг известных спортсменов. А не собирается ли взяться за перо заслуженный мастер спорта Игорь Тер-Ованесян, который был участником пяти Олимпиад и пяти Spartakiad народов СССР?»

И. АЛЕКСЕЕВ
(Новосибирск).

Лет десять назад кумир моей юности Игорь Тер-Ованесян дал мне почитать в рукописи свои спортивные мемуары.

Кручу, верчу в руках палку и никак не могу понять, почему же она пролежала недвижимо столько лет в моем шкафу. В поисках ответа мысленно переношу на годы назад и вспоминаю, как долго и безуспешно пытался заставить тогда Игоря дома. Только что назначенный в ту пору заместителем главного тренера сборной страны по легкой атлетике, он без конца разъезжал по соревнованиям и сборам. И, кажется, лишь с 15-й попытки мне удалось дозвониться до него.

И вот я вновь звоню ему, сообщая о находке. Он обрадован. Оказывается, остальные экземпляры рукописи в свое время перешли в издательство АПН, которое содействовало выпуску книги в ряде стран. А тот экземпляр, что нашлся у меня, он считал безвозвратно утерянным. И, приступая к работе над новой книгой, адресованной на сей раз советским читателям, уже подумывал, не заняться ли переводом своей книги с английского языка на русский.

Я же принимаюсь за чтение. И вновь не могу оторваться от рукописи. В считанные часы предомой предстает богатая спортивная жизнь — счастливая и трудная. Снова и снова я переживаю его победы на чемпионатах Европы, на Универсиадах, в матчах с американцами, на зимнем первенстве США, его победы с техасским «кузнечиком» Ральфом Бостоном, несколько лет державшие в напряжении любителей легкой атлетике всего мира, его бесконечные победы на чемпионатах страны, его мировые, европейские и всесоюзные рекорды и, увы, неудачи на Олимпиадах. Но, несмотря на это, неудачником Тер-Ованесяна никогда не считали. Наверное, потому, что побед — значительных, ярких — у него было во много раз больше, чем поражений, и потому, что ему довелось выступать на пяти Олимпиадах (этот рекорд спортивного долголетия прыгуна в длину грядущих поколений, думаю, будет так же трудно превзойти, как и рекорд Бимона), и, наконец, потому, что его прыжки всегда поражали легкостью, естественною, непринужденностью и дарили истинное эстетическое наслаждение. Словно играючи прыгая за 8 метров, он как бы говорил зрителям: «Смотрите, как это легко и просто». И, глядя на его далекие прыжки, мы и в самом деле думали, что они даются ему легко. Что стояло за этой видимой легкостью, я понял, лишь прочитав его книгу.

«Прошу «Смену» рассказать о том, как начинал свой путь в спорте замечательный легкоатлет Тер-Ованесян. Когда я видела его прыжки, то всегда больше поражалась не результатам, а их красоте, настоящему артистизму Игоря.»

Е. АНЧАРОВА
(Ленинград).

Когда Игоря спрашивают: «Как вы пришли в спорт?» — он без всякого лукавства отвечает: «Я в спорт не приходил — я просто родился в нем». И в этом его высказывании особого преувеличения нет: родившись в спортивной семье, он с тех пор, как помнит себя, живет в атмосфере спорта. Однако это вовсе не значит, что он родился чемпионом, хотя

большинство спортивных специалистов и относили победы и рекорды Тер-Ованесяна главным образом за счет его природных способностей.

Скажите, много ли вы знаете наследников чемпионов, которые в спорте сравнялись бы со своими родителями или превзошли их? Возьмем хотя бы легкую атлетку. В числе тех, кто продолжил семейную эстафету побед, всего несколько известных имен: Ирина Турова, Юрий Дьячков, Владимир Ляхов, Василий Анисимов, Игорь Тер-Ованесян, Юрий Тармак, Константин Волков. А наследники других известных мастеров либо ограничивались скромными спортивными результатами, либо вообще не пошли по стопам родителей. Кстати, среди последних и родная сестра Игоря. Выходит, что рождение в спортивной семье вовсе не гарантирует ребенку чемпионских титулов. А как же наследственность? Как же гены? Лично я в этих вопросах солидарен с отцом Игоря, известным спортивным специалистом, заслуженным мастером спорта, профессором, доктором педагогических наук Арамом Аветисовичем Тер-Ованесяном. Вот что он, в частности, писал в журнале «Легкая атлетика»: «Если кто-либо делает скороспелый вывод о том, что одаренность Игоря — результат таинственного влияния кода, заложенного в его генах, то я (хотя это мне и должно льстит) склонен отвергнуть эту точку зрения».

В чем действительно повезло Игорю, так это в том, что с детских лет он попал в общество людей сильных и ловких, смелых и мужественных — в общество спортсменов. Среди тех, кого он боготворил, у кого учился, кому подражал, были такие замечательные мастера, как штангист Серго Амбарцумян, гимнаст Грант Шагинян, пятиборец Игорь Новиков, прыгун с шестом Николай Озолин и многие, многие другие. Проводя с отцом дни напролет на стадионе, Игорь вскоре стал довольно ловко копировать движения легкоатлетов, гимнастов, акробатов, пловцов, штангистов и представителей других видов спорта. Не тренируясь, а просто играя, Игорь освоил многие движения. Повезло ему и потом. Тренеры, которые учили его легкой атлетике — Н. Левитский, А. Мазаха, В. Запорожанов и в особенности Д. Оббарису. — позволяли ему тренироваться играя.

«Много слышал о тренере по легкой атлетике Дмитрие Оббарисусе, у которого проходили «спортивные университеты» Валерий Брумели и Игорь Тер-Ованесян. Мне кажется, что ученики Оббарисуса должны сами, став тренерами, пропагандировать принципы своего учителя.»

В. ЛАТУШКО
(Киров).

Читая в рукописи Игоря страницы, посвященные знаменитой лесной школе Дмитрия Ивановича Оббарисуса, я с сожалением думал о том, что среди нынешних детских тренеров по легкой атлетике не так много приверженцев игрового метода тренировки. А ведь только через игру можно разжечь у детей интерес к далеко не сразу понятному для них виду спорта. С разрешения автора привожу поучительные, на мой взгляд, строки о системе тренировок Оббарисуса, проливающие свет на то, откуда в движениях Тер-Ованесяна естественность, непринужденность, легкость.

«Суть его метода, — пишет Игорь, — состояла в том, что большинство тренировок переносилось в лес, на печаный косогор, поляну. Он считал, что для развития силы не обязательно заниматься только штангой. Ее с успехом заменили поваленные деревья и камни. А для развития скорости можно обойтись без дорожки и туфель с шипами. Ту же работу с большим эффектом мы выполняли босиком на лесной просеке.»

А прыжки в яму с песком стали заменять всевозможными упражнениями в лесу, прыгая через овражки, ручьи, поваленные деревья, вспрыгивая на пни, пригорки или же доставая высокие ветки. Особенно

тяжело избегать по крутой песчаной насыпи вверх. Но зато настоящая работа для ног!

Сам Дмитрий Иванович, несмотря на возраст, был первым заводилой во всех затеях. А в таком упражнении, как лазанье по деревьям, он так и остался непревзойденным. Делал он это необыкновенно ловко, удивительно быстро вскарабкиваясь на ровные, без единой ветки деревья. Казалось, что он просто бежит вверх. Надо было обладать незаурядной силой рук и спины, чтобы суметь это сделать.

Проходил месяц, другой, и ребята, занимающиеся у Оббарисуса, менялись на глазах. Румяные щоки и налитые силой мышцы — все это становилось результатом лесных тренировок. Незаметно и как бы играя, мы выполняли огромный объем тренировок, правда, про себя считая, что «старик» делает что-то не то...»

А на самом деле он делал именно то, что нужно. И в этом юный Тер-Ованесян смог убедиться очень скоро — осенью олимпийского 56-го, когда, прозанимавшись год у Оббарисуса, который нацеливал Игоря на десятиборье, без специальной подготовки в прыжках в длину смог прибавить к своему лучшему результату в этом виде 70 сантиметров и установил рекорд СССР, ставший одновременно рекордом как среди юношей, так и среди взрослых. Такого прогресса результатов на высшем уровне история отечественных прыжков в длину еще не знала. Правда, отсутствия соревновательного опыта подвело его потом на Олимпиаде в Мельбурне, где из-за неудачно подобранного разбега он заработал в основных соревнованиях «баранку» (сделав три заступа). Но и после этого мудрый Оббарису не отказался от своих методов подготовки, хотя и изменил направленность тренировок. Теперь они были подчинены одной цели — достижению рубежа 8 метров. И эта цель была достигнута! Выступая в дождливый майский день 1959 года в Лужниках, Игорь первым из европейцев улетел за 8 метров.

Возможно, сегодня его тогдашний результат — 8,01 покажется кое-кому заурядным, но в мае 1959 года он вызвал шумный резонанс, он вселил надежду на то, что именно ему, Тер-Ованесяну, удастся побить и незыблемо стоящий почти четверть века мировой рекорд Джесси Оуэнса (8,13).

И побил бы — я в этом не сомневаюсь ни минуты, — если бы, катаясь на лыжах в Карпатах, не налетел на полной скорости на лень, припорошенный снегом. Ах, этот злосчастный лень!

«Когда-то мы познакомились с Игорем Тер-Ованесяном в Карпатах, где вместе катались на горных лыжах. Спустя год я узнал, что он получил в горах тяжелейшую травму, но все же вопреки судьбе вернулся в спорт. Как ему это удалось?»

М. ИОСЕЛИАНИ
(Тбилиси).

Рассказ о том, как Тер-Ованесяна, полузаморозшего, в крови, товарищи нашли в снегу спустя несколько часов после аварии, с какими трудностями его, почти недвижимо, эвакуировали вниз, как потом доставляли в больницу, нельзя было читать без содрогания.

Диагноз врачей не оставлял никаких надежд: разрывание правой ноги с сильнейшим кровоизлиянием; сотрясение мозга; обморожение правой ноги... Не знаю, как вы, а я, оказавшись в тот момент на его месте, наверняка бы загрузил. А Игорь — оптимист. Игорь верил, что еще не все потеряно. И в этой вере его поддерживали отец, тренер, друзья. Олег Ряховский, товарищ по сборной страны, рекордсмен мира в тройном прыжке, тоже перенесший серьезную травму, прислал письмо, в котором рассказал о том, как долго лежал в гипсе, но все же сумел выкарабкаться. И теперь снова прыгает, снова в спортивном строю. Вовремя пришло это письмо!

Еще лежа в больнице, Игорь тайком от врачей начал заниматься гимнастикой. Отец принес ему резиновый жгут, и Игорь подолгу упражнялся с ним — то растягивая, то отпуская. Однажды за этим занятием его застали врачи, которые, задав ему хорошую нахлобучку, рекавировали жгут. Но отец принес другой, и тренировки (с известными предосторожностями — не дай бог попасться опять!) были продолжены.

Через полтора месяца Игорь вышел из клиники. Уже запахло весной. Под лучами не по-зимнему яркого солнца обильно таял снег. Улицы топили в лужах. Глядя, как лихо перепрыгивают через них соседские мальчишки, Игорь с грустью думал о том, что даже им он сейчас вряд ли составит конкуренцию. А в ушах все звучали и звучали у него слова, сказанные на прощание лечащим врачом: «Вам рекомендован строжайший режим. Никаких резких движений. Больную ногу ничем не утруждать. Вам необходимо смиряться, милый юноша, с тем, что вы больше не спортсмен...»

Смириться? Ни за что! Он поедет к знаменитостям в Москву, и те найдут, обязательно найдут выход!

Однако и заключение знаменитостей оказалось наутешительным: три основные мышцы полностью атрофированы; частичное восстановление их фун-

кий возможно не раньше, чем через семь-восемь месяцев. А до Олимпиады всего полгода.

И все же он решил поспорить с природой. «Во мне укрепилась мысль: тренироваться! — написал он в дневнике по возвращении домой. — Ну, ладно, три важные мышцы вышли из строя. Но у них есть здоровые соседки! Пусть примут дополнительную нагрузку и заменят инвалидов».

Начались тренировки. Большую часть времени он проводил в лесу, проделывая сотни разнообразных упражнений из арсенала Оббарюуса с помощью камней и палок, подбрасывая ногой тяжелый набивной мяч, прыгал, как кенгуру, бежал с утяжеленным поясом, который был набит свинцовой дробью, метал гири.

«Говоря честно, раньше, до несчастного случая в горах, я не предполагал в себе столько фанатизма и упорства, — пишет он потом в своей книге. — Определив серию специальных упражнений, я не уставал повторять их сотни и тысячи раз. Даже стал ходить вприпрыжку, как-то боком, лоя на себе удивленные взгляды прохожих. Сидеть спокойно не мог тоже — все время пытался сокращать размоленную мышцу. На лекциях я забывался, и лицо мое принимало слишком сосредоточенное выражение, но это было связано не столько с восприятием учебного материала, сколько с борьбой, которую я вел со своей полуживой мышцей; сидя на ней, я приказывал ей сжиматься, умолял ее об этом, однако до поры до времени она не слушалась меня. Невольно я стал объектом для шуток друзей. Но самому мне было не до смеха. Два начала боролись во мне — сознание собственной неполноценности и огромное желание участвовать в Олимпийских играх. Их борьба в конце концов разбудила во мне силы, мирно дремавшие до поры до времени. Ко мне вновь пришла уверенность, и я понял, что мое возвращение в спорт — дело ближайшего времени».

И он попал на Игры в Рим. Правда, ни журналисты, ни тренеры, ни соперники после травмы его не принимали всерьез. Мало кто верил, что Игорь способен поспорить за олимпийскую медаль. Потом он признается, что положение «темной лошади», от которой никто не ждет сюрприза, в психологическом плане оказалось выгодным. Прыгая раскрепощенно и свободно, он в последней попытке устанавливает новый рекорд СССР и Европы — 8,04 и завоевывает бронзовую медаль, которая весила, на мой взгляд, не меньше иной золотой.

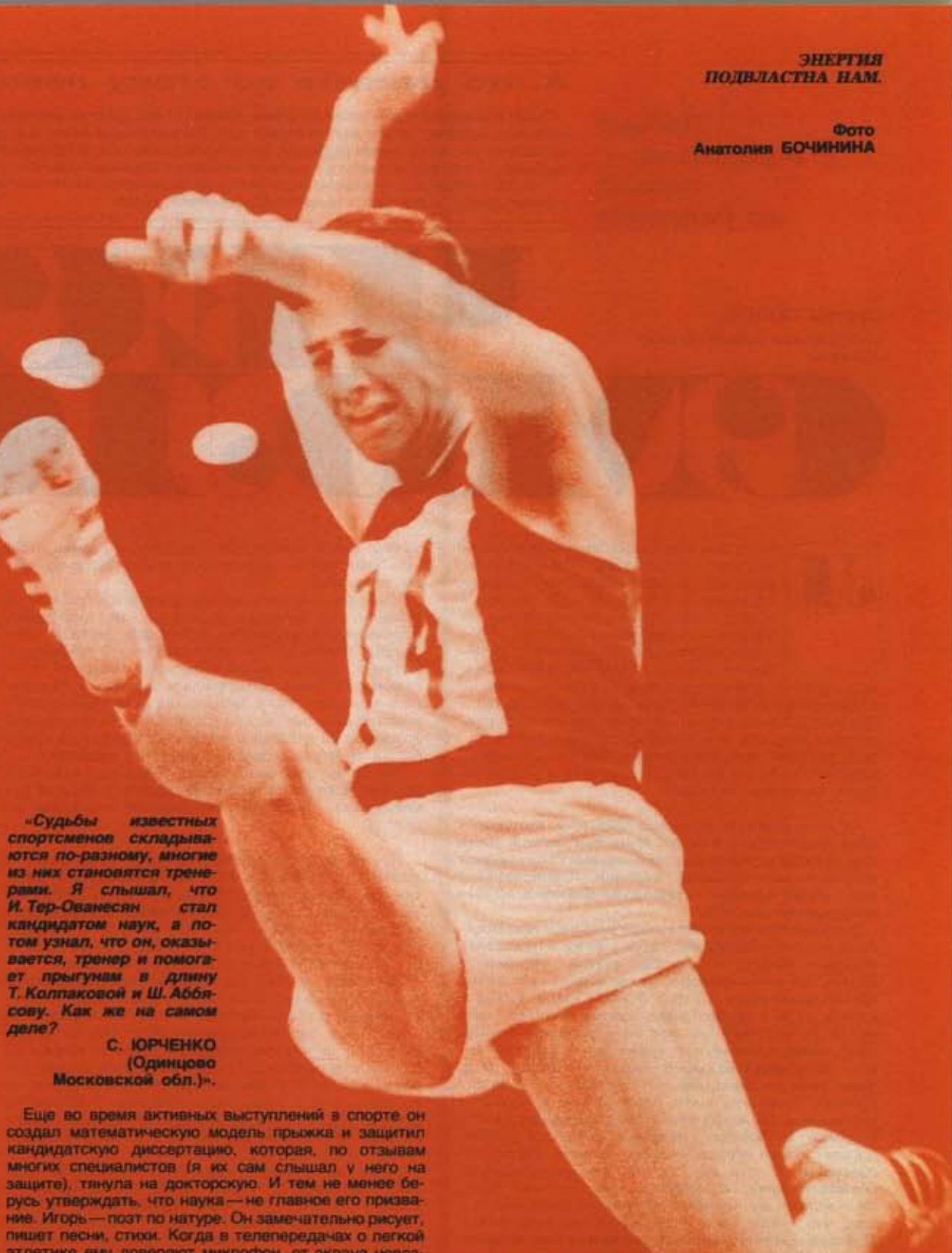
Прочитав главу о возвращении Тер-Ованесяна, я вспомнил слова, с которых он начал книгу: «Спорт — это серьезная игра, помогающая больше узнать правду о себе, своих способностях и недостатках. И что главное, спорт учит преодолевать невозможное». Какось, при первом чтении я было решил, что эту мысль Игорь, побеждавший всегда без видимого напряжения, позаимствовал. Но, как вы уже поняли, я был неправ. Он пришел к ней через переживания, неудачи, травмы. Он выстрадал ее. Он научился преодолевать невозможное.

Однако это, как ни странно, не все заметили. Может быть, потому, что, скажем в отличие от Брумеля, написавшего о том, как он боролся с тяжелой травмой ноги, целую серию сочинений — книгу воспоминаний, роман, сценарий художественного фильма и пьесу, Тер-Ованесян долгое время умалчивал о трудностях, которые ему пришлось преодолеть на пути к победам, к рекордам, к самоутверждению. И еще, возможно, потому, что всегда, даже когда ему было трудно, когда болела нога, когда проигрывал, он никогда не показывал зрителям, что ему плохо. Лично я ни разу не видел его вымученных прыжков, недовольства на лице после проигрышей, гримас, свидетельствующих о боли в ноге. Даже чувствуя, что проигрывает, он прыгал с улыбкой. Парадокс? Не спешите говорить «да». Сначала познакомьтесь с мнением известного врача-психотерапевта А. Алексева, многие годы работавшего со спортсменами и учившего их «искусству настроения».

В одной из журнальных статей, пытаясь ответить на вопросы: «Почему люди вообще прыгают?» и «Когда они прыгают?», доктор Алексеев приходит к выводу, что в обычной жизни люди прыгают только тогда, когда им хорошо, когда весело, когда переполняет радость. «Однако мало знать, что в повседневной жизни мы прыгаем тогда, когда нам радостно, — утверждает Алексеев. — В этой взаимосвязи между весельем и прыжками есть весьма существенные обстоятельства, особенно четко проявляющиеся в спортивной практике. Дело в том, что радость неординарна — у нее есть много оттенков. И если спортсмен сможет подобрать для себя именно тот, который ему наиболее подходит, это очень поможет ему в его выступлениях».

Так вот, для Игоря прыжок всегда был проявлением радости. И, как никто другой, он умел создавать себе перед прыжками отличное настроение. Не вдаваясь в тонкости его системы настроения, замечу лишь, что она довольно сложна и по плечу лишь спортсменам с высококоразвитым интеллектом.

Сам Игорь был именно таким спортсменом — спортсменом-интеллектуалом.

«Судьбы известных спортсменов складываются по-разному, многие из них становятся тренерами. Я слышал, что И. Тер-Ованесян стал кандидатом наук, а потом узнал, что он, оказывается, тренер и помогает прыгунам в длину Т. Колпаковой и Ш. Аббясову. Как же на самом деле?»

С. ЮРЧЕНКО
(Одинцово
Московской обл.)».

Еще во время активных выступлений в спорте он создал математическую модель прыжка и защитил кандидатскую диссертацию, которая, по отзывам многих специалистов (я их сам слышал у него на защите), тянула на докторскую. И тем не менее берусь утверждать, что наука — не главное его призвание. Игорь — поэт по натуре. Он замечательно рисует, пишет песни, стихи. Когда в телепередачах о легкой атлетике ему доверяют микрофон, от экрана невозможно оторваться. Неоднократно мне доводилось слушать его выступления и на устных выпусках газеты «Известия», где он тоже сотрудничал, и должен сказать, что даже на фоне известных писателей и деятелей искусства, обычно выступавших на этих встречах, Игорь не оставался в тени. Человек разносторонних интересов, он и сегодня, спустя много лет после того, как повесил шиповки на гвоздь, по-прежнему интересен всем.

После установления им мирового рекорда (8,35) Игорь получил письмо от отца, заметно отличавшееся по содержанию от телеграмм и писем болельщиков и друзей. Вот что, в частности, отец писал сыну: «Мировой рекорд для меня — это не громовой эффект и аспышка молнии, способные поразить. Это тропа, по которой мой сын и мой друг сумеет тверже и с меньшими трудностями двигаться потом по жизни. Очень важно сохранить ясность мышления, необходимую и здоровую самокритичность (читай: скромность). И, может быть, беспокоеное сознание о необходимости больших усилий, чтобы сохранить гармонию личности. Да будет твоим девизом: силу и красоту тела соединить с силой и красотой ума и души».

И Игорю, избравшему этот девиз, удалось во многом достичь гармонии. Сегодня он стремится к тому, чтобы его ученики исповедовали такие же принципы.

Здесь, наверное, в самый раз было бы поставить точку, что я и хотел сделать. Но в этот момент по какому-то делу мне позвонил Витольд Креер, главный тренер сборной СССР по прыжкам, и я не преминул

узнать его мнение о своем подчиненном. Поначалу дипломат Креер мне долго говорил о том, что сегодня очень трудно измерить вклад тренера сборной в подготовку чемпионов, ибо ведущих спортсменов страны готовят бригадным, что ли, методом. Тренер сборной зачастую выполняет роль бригадира, под чьим началом работают и личные тренеры спортсменов, и ученые, и врачи, и массажисты, и администраторы.

Но я не сдавался, продолжал допытываться и в конце концов услышал от Витольда то, чего добивался. Креер сказал, что в победе Татьяны Колпаковой на Олимпиаде-80 есть немалая личная заслуга Игоря. По разным причинам ни ее непосредственный тренер Леонид Эльтерман, ни тренер сборной Анатолий Солдаткин не смогли работать с Татьяной в последние месяцы перед Московской Олимпиадой. В этот ответственный период ее опекал только Тер-Ованесян, который сумел внести коррективы в технику прыжка, в главное, вселил уверенность в спортсменку, настроил ее на борьбу за «золото».

Помните последний прыжок Татьяны на Московской Олимпиаде, принесший ей победу? Сколько вдохновения и страсти вложила она в него! Это тоже был души исполненный полет, средни тем, которые демонстрировал здесь же в Лужниках и на многих других стадионах мира один из ее тренеров — Игорь Тер-Ованесян.

Около пятидесяти тысяч писем получила «Смена» от вас, дорогие читатели, с начала нынешнего года. Ни одно из них не остается без внимания: каждому автору мы стремимся дать обстоятельный ответ, а в случае необходимости помочь. Но есть письма, которые заставляют нас, сотрудников редакции, бросить все другие дела и срочно отправиться в командировку, чтобы на месте разобраться в проблеме, а при необходимости — вынести письмо на страницы «Смены».

«Письмо в редакцию — письмо из редакции» — так называется наша новая рубрика, адреса для которой мы надеемся получить от вас, дорогие друзья. Ждем ваших пожеланий, сообщений, писем.

Сергей ПОПОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

ЧЕЛОВЕЧЬИ СМОЛЮДЫ

Лично у нее совсем детское — семнадцать недавно исполнилось. Чуть вздернутый нос в веснушках, коротенькая стрижка, с губ улыбка не сходит, в ясных серых глазах ни смущения, ни тревоги — безмятежность.

Мы сидим с Леной в комнате общежития у стола, заваленного книгами и тетрадями. В техникуме сессия. А у нас разговор не из простых и вовсе не об учебе. Задаю ей вопросы, а сам вглядываюсь в лицо: неужели вот эта жизнерадостная девушка, о которой и классный руководитель говорит, что она «боевая, смелая», которой, кажется, море по колено, и написала в редакцию такое смятенное письмо?

«У меня в жизни возникла проблема, которую я одна разрешить не в силах. Мать моя умерла, когда мне не было и десяти лет, отец отбывает наказание в исправительно-трудовой колонии. Единственный мой родной человек — старенькая бабушка, ей уже восемьдесят два года.

В техникум я поступила после восьмилетки. Поселили меня в общежитии, здесь у меня и появилась впервые зависть к дорогим вещам, которых у других девочек навалом. Стало обидно, что жизнь так несправедлива ко мне. Я была самая умная в классе да и в группе тоже — учусь неплохо, хотя могла бы и лучше, но, вот беда, не имею многих необходимых вещей, в то время, как у девчат — самых настоящих бездарей — всего в избытке. И я, даже сама не знаю, как это случилось, — украла... Правда, было это всего один раз, и в краже я призналась. Но когда потом пропали деньги и вещи в одной из комнат, обвинили меня. Я сумела доказать свою непричастность, но меня попрекали прошлым. С того дня, где бы что ни пропадало, обвиняли меня. Я терпела, хотя и было обидно — нельзя же человеку постоянно напоминать о том, что с ним было чуть ли не два года назад. Недавно у девочки из моей комнаты снова пропали деньги. И опять комендант общежития подозревает меня. Не вернешь, говорит, деньги — выселю из общежития. Чуть раньше у девчат из соседней комнаты пропали два золотых кольца — опять меня подозревают. Что же мне делать, как защититься от позора?

**Лена,
Гомельская область».**

Трудный вопрос задает Лена. Судя по письму, она совершила единственный проступок, в котором сама сразу же и призналась. Но — что за напасть! — идет месяцы, даже годы, а окружающие никак не могут ее простить и даже приписывают грехи, в которых она не повинна. Почему же именно на Лену сыплются все шишки? Почему именно в ее честности сомневаются? Значит, права, выходит, поговорка: «Раз украл — по век вором ославился»?

На следующий день я разговаривал с теми, кто имел хотя бы какое-то отношение к случившемуся с Леной.

«Рад бы Лене поверить, да не получается. Ведь в кражах она сама никогда первой не признается, упирается до последнего. Отступает лишь в том случае, если ее фактами уличат».

«Она даже письма чужие крадет. А это все равно, что в душу человека без спросу забраться, наследить там и выйти сухим».

«Как объяснить такой, например, факт? Без особых церемоний она может открыть чужую су-

мочку, взять пятерку или десятку, а взамен оставить «вежливую» записку, что деньги будут возвращены позже».

«Солгать для нее — проще простого. При мне из деревни, где бабушка ее живет, она телеграмму отправляла в техникум: приезжай, дескать, внученька, совсем плохо себя чувствую. В техникуме, конечно, первым делом спросила, нет ли ей телеграммы. Прочла, побледнела и заплакала. Я поверить не могла, что у Лены такие актерские способности пропадают. Когда открылось, что телеграмма ложная, она и бровью не повела. Другая со стыда бы на ее месте сгорела, а Лене все ничем».

Вот такие факты из жизни Лены рассказывали разные, хорошо ее знающие люди — классный руководитель, комендант общежития, товарищи по группе.

По всему получалось, что сама Лена палец о палец не ударила для того, чтобы вернуть утраченное людское доверие. Наоборот, своими поступками, о которых, она, кстати, умолчала и в письме и в разговоре со мной, она все больше и больше укрепляет сложившееся о ней мнение как о человеке, способном лгать с невинными глазами.

Замечали ли вы: размышляя над поступками знакомого нам человека, мы почти всегда интуитивно можем сказать, каков его «потолок порядочности». Так, в честности одного мы вообще не сомневаемся; о другом нам известно, что он не прочь при случае прихвастнуть, но обогатить кого-то или украсть — этого и в мыслях не допустим. А вот от третьего можно чего угодно ожидать. В нашем же случае, как ни крути, исходя из мнения самых разных людей, получается, что «потолок порядочности» Лены крайне низок.

— Во мне живут как будто несколько людей, — признается сама Лена. — И добрых и злых — всяких. Часто мной правит какой-то чертик, с которым я не могу сладить. Он будто шепчет: «Сделай так, тебе ведь это выгодней. Никто не узнает, что это ты сделала. Свидетелей-то нет».

Существенное признание, не правда ли? Оно-то и дает возможность кое-что понять в характере и поступках Лены. Ведь в самые трудные моральные ситуации человек попадает, когда выбор между добром и злом, между правдой и ложью нужно делать «без свидетелей», наедине со своей совестью...

Покупатель отходит в магазине от кассы и вдруг обнаруживает, что кассирша по ошибке сдала лишний рубль. Как поступить? Возвратить или оставить себе? Кассирша, считает покупатель, не обеднеет, и преспокойно уходит с чужим рублем в кармане, еще и радуется — вот повезло. В другой раз он же видит лежащего на тротуаре старика. Тот не пьян, ему плохо, но молодой человек опаздывает на свидание, проходит мимо да еще и оправдывает себя: «Я-то тут при чем? Мало ли с кем чего не случается?!» Таких эпизодов в памяти со временем накапливается все больше и больше. О них никто, кроме молодого человека, не знает. Только он и его совесть. И вдруг в один прекрасный момент он начинает ощущать, что в его душе неладит, что он теряет уважение к себе, а вместе с ним и достоинство, без которого и подлость совершить ничего не стоит. Пропал внутренний стержень, а без него человек, как вылинка на ветру.

Расскажу старую притчу. Был у крестьянина сын, часто совершавший дурные поступки. Чем только не воспитывал отец сына: говорил с ним по-доброму, и хворостиной лупил, и на хлеб-воду

сажал — все надеялся, что возьмется за ум парень. А тот — хоть кол на голове теши. Наконец, отец придумал вот что. Посреди своего двора вкопал столб и после каждого проступка сына вбивал в него гвоздь. Минуло какое-то время, и на столбе свободного места не осталось — весь был утыкан гвоздями. Это настолько поразило сознание парня, что он начал исправляться. Тогда отец стал вытаскивать по гвоздю, что означало: сын сделал доброе дело. И настал день, когда ни одного гвоздя не осталось. А сын залился слезами. «Что ты расплакался? — в недоумении спросил отец. — Ведь гвоздей-то больше нет. Ты становишься честным, мальчик». «Гвоздей нет, а дырки остались», — всхлипывая, ответил сын.

Вот что превыше всего для всякого нормального человека: чтоб душа была чистой, без пятен и «без дырок». А у Лены?

Ей тоже очень хочется, чтобы люди изменили сложившееся мнение о ней. А как это сделать — не знает. Не вешивать же объявление: вот, дорогие товарищи, я с сегодняшнего дня честная, и будьте добры относиться ко мне, как положено. Кто примет такое объявление всерьез?

«Береги честь смолоду!» — такая старая, но никогда не стареющая мудрость. Береги честь — кажется, яснее и не скажешь. Только по-разному понимают эти слова разные люди. Один и на костер пойдешь, чтобы только сохранить в чистоте и незапятнанности свое имя. А другой чести, честно-му имени своему вообще цены не знает: такой способен и на низкий поступок, и на измену совести своей. А люди верят только честным. И доверяют только честным. Вот и Лене хочется сказать: нет, людского доверия нельзя потребовать. Его можно только завоевать собственными поступками. Потеряла в одно мгновение, а чтобы возратить, требуются годы.

И еще существенный момент. Вряд ли окружающие с доверием смогут относиться к Лене, пока она будет считать своих товарищей «бездарями», а себя «самой умной». «Самой умной», дескать, все позволено. Позволено — и долой все моральные запреты. Так вот и живет она — будто не по-настоящему, а черновик пишет. Небрежно, с помарками, с большим количеством ошибок, которых она надеется избежать после окончания учебы.

Сейчас можно только строить прогнозы, как сложится дальнейшая жизнь Лены. Задумываются об этом и преподаватели техникума, которые, несмотря ни на что, относятся к Лене с сочувствием: «Жалко ее, она ведь, считайте, сирота». Но кто, кроме самой Лены, знает, что ждет ее впереди?

Через несколько месяцев получит она диплом, завертит ее новая работа, рядом будут уже совсем другие, взрослые люди, взаимоотношения с которыми нужно будет строить по-взрослому. И в новом коллективе жить без людского доверия ей будет еще труднее, чем в учебном классе.

С чем придет Лена к людям? Останется ли такой, как в недавнем прошлом, которое и вспоминать-то стыдно? Или все-таки постарается переделать, изменить себя? Жизнь-то впереди вон какая долгая. Только надо понять, что за каждый совершенный поступок — и добрый и злой — человек потом бесконечно расплачивается перед людьми, перед совестью своей. «Дырки от гвоздикова», к сожалению, не зарастают. Они остаются в душе навсегда, и с этим уже ничего не поделаешь. А вот отношение людей к себе, пока ты молод, еще не поздно изменить. И доброе имя можно вернуть. Вернуть, чтобы познать простую радость, когда о тебе люди будут говорить: порядочный человек!

Командировка по читательскому письму

Борис ДАНОШЕВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Смены»

Сначала приведу полностью письмо, которое недавно получила редакция из города Славянского Донецкой области. Написали его четыре девушки-комсомолки — Лена, Светлана, Вита и Людмила. (Фамилии не указываем по их просьбе.)

«Окончив Донецкий техникум общественно-го питания, — пишут девушки, — мы приехали по распределению в Славянск. Живем в общежитии, и жизнь наша течет однообразно и скучно. Не подумайте, что мы такие пассивные, конечно, многое зависит от человека, но не все. Расскажем немного о нашем городе. Славянск — маленький курортный городок, чистый и зеленый. Только существует большое «но» — здесь совершенно некуда пойти. В городе одна дискотека, но билеты взять невозможно, так как открыта она раз в неделю, посадочных мест 34, а желающих провести там вечер намного больше.

Еще танцы в клубе, но нам уже кому двадцать, кому двадцать один, и, честно говоря, в этом возрасте там делать нечего. В ресторан пойти? Не всегда есть возможность и желание. Молодежи очень мало, и вот изо дня в день, неделя за неделей мы просиживаем вечера в общежитии. Парни почему-то боятся общежития и стараются обходить его стороной.

Нам осталось отработать по распределению чуть больше года. Ну а что дальше? Ехать домой не хочется. Несмотря на то, что наш родной Донецк нам очень нравится, мы не хотим туда возвращаться, потому что все подруги давно вышли замуж, а нам даже не с кем будет сходить в кино.

Дорогая редакция! Убедительно просим помочь нам, дальше так жить невозможно. Ведь это не жизнь, а существование. Молодость проходит даром, а так хочется человеческого счастья, хочется, чтобы жизнь была прожита не впустую».

Должен сразу сказать, что при проверке письма все, как, впрочем, и бывает в 99 случаях из 100, оказалось не так просто.

Славянск — городок небольшой. Чистые, широкие улицы, в центре — площадь с фонтаном, ухоженные скверы, большой парк, стадион «Химик». Все укладывается в рамки того, что написали девушки о своем городе. Ну, а чем обладает он для удовлетворения культурных потребностей горожан? Есть тут два кинотеатра, плавательный бассейн, три библиотеки, шесть домов культуры. «Для нашего города вполне достаточно», — уверяют работники горкома комсомола. А вот на вопрос: «Какой популярностью они пользуются у молодежи?» — ответ получить оказалось сложнее. Например, в субботу в ДК имени Артема давал концерт гастролирующий по области херсонский рок-ансамбль «Контраст». 700 мест в зале, но заполнен он был чуть больше чем наполовину. В другом городе двери с петель ДК сорвали бы, а здесь билеты свободно продаются перед концертом. Оказывается, нет рекламы в городе, один щит перед ДК повесили — и все. Мелочь, казалось бы, подумаешь, реклама заезжего ансамбля. Но и эти мелочи говорят о многом и потому перестают быть мелочами.

Письмо девушек не отнесешь к обычным письмам-жалобам, ибо в каждой строчке тут, скорее, не жалоба, а сожаление: вот, мол, жизнь молодая проходит, время не вернуть, а так хочется чего-то такого...

Еще совсем недавно, когда они учились в школе, каждая из девушек занимала свое, достойное человека место в общественной жизни: Вита была вожатой, Люда и Вита — комсоргами, Лена участвовала в самодеятельности. В техникуме им тоже не дали затеряться: Светлана стала комсомольским пропагандистом, Люда — профгором курса, Вита — физгором, Лена на всех вечерах стихи любимых поэтов читала. Нормальная, как у большинства комсомольцев, активная жизнь,

при которой никогда не бывает скучно. Но вот они расстались с учебой, стали самостоятельными, а круг их увлечений, как это ни странно, шире не стал. По прошествии года почувствовали вдруг, что чего-то им не хватает, что-то они потеряли. А где найти это «что-то», не знают. Вот и написали в редакцию.

Хорошо еще, что все вечера, потраченные ни на что, впустую, сами девушки считают безвозвратно утраченным временем — это, читая их письмо, явственно ощущаешь. Когда мы заговорили об их заботах и огорчениях, они, перебрав и взвесив все возможности вечернего города — а их оказалось до обидно мало, и ни одна не устраивала девушек, — все-таки единогласно сошлись на дискотеке в ДК имени Ленина, куда все пошли бы с удовольствием.

Кто главная фигура в дискотеке? Конечно, диск-жокей Виктор Федин — создатель и руководитель дискотеки, шофер завода высоковольтных изоляторов.

Виктор, к счастью города Славянского, оказался человеком неумной энергии. Он первым загорелся идеей сплотить вокруг себя нескольких помощников, сумел убедить дирекцию завода и Дома культуры в том, что нужна именно дискотека, а не обыкновенные танцы. Закипела работа. Целых два года ушло на оформление зала. Причем все делали

РЕШЕНЫ ОТ СКУКИ?

своими руками, многое на свои средства. Сначала подготовили одну программу, сейчас их пять. И — как награда — вот уже много месяцев круду в дискотеке яблоку негде упасть: она сегодня затмила своей популярностью все остальные учреждения культуры Славянского с работающими там, между прочим, штатными профессионалами.

Это ли не подтверждение того, что любое дело начинается с энтузиаста? Вот он сделал первый шаг, а потом увлекся новой работой, бросился в нее очертя голову, оставив дома и недочитанную книгу и невыполненную просьбу жены, что подделавшись. Но, размышляя над этим фактом и отдавая должное масштабности инициативы Виктора, невольно задаешься вопросом: а почему именно он, человек, занятый на своей основной работе тяжелым физическим трудом, часто бывающий в разъездах по области, загорелся этим непростым делом и сумел довести его до конца? Разве не уместнее было бы стать организатором дискотеки кому-то из ответственных работников горкома комсомола? Или любому из молодых энтузиастов, спецификой своей работы связанному с творчеством? Или профессиональному культпросветработнику?

Все, кому приходилось задавать в Славянске эти вопросы, в один голос ссылались на острую нехватку кадров квалифицированных культработников. Ну что ж, такая проблема действительно существует. Но, хотелось сказать моим собеседникам: а разве Виктор Федин не показал пример, как и без специального культпросветобразования — ведь он шофер, а не профессионал-культработник! — можно, преодолев схематизм и шаблон, организовать такое дело, о котором сегодня говорит вся молодежь города. Не свидетельствует ли это того, что проблемы молодежного досуга можно успешно решать, и не дожидаясь, когда в город наедут культработники с высшим образованием и все само сразу организуется. Лучше, может быть, искать, находить и всячески поддерживать своих, местных энтузиастов, людей, которые по своей неугомонной натуре способны стать не просто затейниками, а умелыми просветителями, эстетическими наставниками юношества.

Такие люди есть везде, и в Славянске

тоже. Вот энтузиасты, сплывающие подросток вокруг спорта: преподаватель физвоспитания в химико-механическом техникуме Иван Прокошкин, завкафедрой физвоспитания пединститута Борис Мирончук.

Популярен в Славянске клуб эсперантистов — члены его так преуспели в своих занятиях, что даже выступали с докладами на всесоюзной конференции. А создал клуб опять же энтузиаст чистой воды — Евгений Шило, юрист по профессии.

Прекрасным, благородным делом заняты участники литературного театра «Парус» при пединституте. Литература, которой они увлечены, делает их выше, одухотвореннее — молодые люди тянутся к той нравственной высоте, какую дает человеку истинная любовь к поэзии, высокой прозе.

Еще есть в Славянске одно место, где собираются ребята, любящие походы и песню под гитару. Это клуб туристов завода «Славтяжмаш». Возник он по инициативе давно работавшего в горкоме комсомола инструктора по фамилии Подгайный. Вот был любитель туристских походов с тяжеленным рюкзаком за плечами! Уже сам Подгайный в походах не участвует, а клуб, созданный им, его энергией и энтузиазмом, существует на радость 170 его активных членов.

Вот, кажется, перечислил все те культур-

ные очаги, с которыми познакомился во время командировки. Каждый связан с конкретными именами одного или нескольких энтузиастов, вокруг которых всегда много молодежи, старшеклассников, и собираются они не ради времяпрепровождения, а потому, что чувствуют необходимость в постоянном обогащении своих знаний и чувств. При очень ограниченных материальных, административных, художественных возможностях они создают вокруг себя то доброе и вечное, что составляет сегодня культурную жизнь маленького города.

Создадут, к сожалению, без какого-либо видимого и ощутимого участия в их деятельности горкома комсомола.

Но вот на что обратил я внимание: первый секретарь горкома Валерий Бондаренко, перечисляя все эти культурные точки, называя фамилии их организаторов и чаще всего упоминая при этом Виктора Федина и созданную им дискотеку, как бы причислял и горком к инициаторам этого действительно полезного дела, работающего на досуг молодежи. Но чем реально и конкретно горком комсомола оказал помощь родившейся дискотеке — об этом ни слова... И подумалось: а не слишком ли беспардонно эксплуатируется комсомольскими руководителями города сегодняшняя слава дискотеки? Можно ли ставить себе в заслугу то, что задумано и осуществлено усилиями одного энтузиаста, правда, при активной поддержке дирекции ДК и заводского комитета комсомола?

Делать ставку на энтузиастов вроде Виктора Федина в условиях маленького города просто необходимо. Но нельзя же забывать и о том, что его подвижничество, не подкрепленное реальной помощью и заботой горкома, может скоро и погаснуть, — неисчерпаемого энтузиазма нет. Ресурсы одной личности не безграничны. В то время как совершенно ясно, что, создавая с помощью энтузиастов разные клубы, секции, студии и всячески поддерживая подобную мелочайшеистую сеть, горком комсомола тем самым мог бы прекрасным образом организовать культурную жизнь города, в атмосфере которой, как писал К. Д. Ушинский, «сделалось бы невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что в эти именно минуты портятся голова, сердце и нравственность».

Осенью прошлого года горком комсомола провел пленум «Об улучшении идейно-политического и нравственного воспитания работающей молодежи в свете решений XIX съезда ВЛКСМ». Повестка, как видим, самым тесным образом связана с проблемами организации молодежного досуга. В докладе признается, что одной дискотеки в ДК имени Ленина для города мало, что нет ни одного молодежного кафе, очень мало — а точнее, единицы — клубов по интересам, а в поселке Артемовский, где проживает около 10 тысяч молодых людей, вообще нет ни одного учреждения культуры. И в выступлениях комсомольских активистов на пленуме на разные лады приводились примеры, как трудно славянской молодежи культурно и интересно провести свободный вечер или выходной. Как видим, проблемы всем хорошо известны. Но сделаны ли выводы, исправлены ли ошибки и последовали ли со стороны горкома какие-то дельные новые идеи и предложения?

Я далек от намерения взвалить на плечи одних только горкомовских работников всю тяжесть организации свободного времени молодежи. Этим в равной степени занимаются и органы культуры, и профсоюзные организации, в ведении которых, кстати, все вещи городских домов культуры. Но горком так и не установил пока тесной творческой связи ни с этими организациями, ни с разрозненно действующими энтузиастами, которым в этой ситуации только и остается вариться в собственном соку.

Любой комсомольский активист знает, что главное в его работе — индивидуальный подход к людям. В Славянске сегодня живут десятки тысяч юношей и девушек в возрасте до 28 лет. Значит, многие из этих непохожих «я» нуждаются в том, чтобы их поняли и помогли найти себя. Чья это задача в первую очередь? Конечно, горкома комсомола. Не простая, прямо скажем, задача. Но это не значит невыполнимая. Ясно, что проводимые 2—3 раза в год вечера комсомольского актива, в которых могут принять участие от силы 200—300 активистов, да еще рейды по проверке организации досуга (а почему бы не «рейды по организации»?) — не могут, конечно, решить проблемы ежедневной массовой занятости молодежи. Надо изучать нужды молодежи, помогать ей проявлять свои дарования, направлять развитие талантов по творческому пути, организовывать работу комсомольских комитетов так, чтобы молодые люди не просиживали вечера за вечером в общежитии, а имели возможность проводить свободное время в кругу людей со сходными интересами — в клубах, в дискотеке или в молодежном кафе. Возвращаясь к девушкам, приславшим в «Смену» письмо, скажу, что одно из них, Лена, неплохо знает и любит поэзию. Почему бы ей не пойти в литературный театр «Парус» и не стать его активной участницей? Не идет, даже не слышала о существовании такого в городе. А ведь он есть. Вита любит баскетбол, играла и в школе и в техникуме. А в Славянск приехала — мяча в руки ни разу не взяла. Почему? «Негде заниматься», — отвечает. А того не знает, что в пединституте есть команда, которой как раз не хватает высококлассных игроков, и Вита пришла бы как нельзя кстати.

Говорю все это не к тому, конечно, что горком должен взять каждого из молодых славянцев за ручку и отвести туда, где они хотели бы отдыхать. Но, повторяю снова и снова, он должен позаботиться о создании в городе такой атмосферы, при которой молодой народ знал бы, что вот в этом ДК по вечерам работает литтеатр, в соседнем собираются те, кто увлекается цирком и эстрадой, а если кто пожелал просто встретиться с друзьями — заходи на дискотеку, в молодежное кафе, и будь здесь своим.

Итак, пример маленького города показывает: к сожалению, разрыв между возросшими культурными запросами молодежи и возможностью интересно жить растет. Четко и недвусмысленно напоминания об этом Светлана, Лена, Вита и Люда — девушки, написавшие письмо в редакцию, которые с понедельника по пятницу были заняты проблемой, как достать билеты на автобус или поезд до Донецка. Чтобы там, в кругу родителей и знакомых, провести нескудно очередные два выходных дня.

ЖИЗНЬ И КНИГИ

ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

Он умер ночью, во сне, даже, кажется, смертью своей стараясь никого не потревожить. Скромный, истинно, по-чеховски интеллигентный. Аскольд Якубовский и внешне походил на кого-то из чеховских персонажей — из тех, кто, по Чехову, чувством меры, природной деликатностью своей и немножко еще беспомощностью перед настырностью, хамством, прямыми углами, вежливой такой беспомощностью, требующей ответного стыда и совестливости, олицетворял российскую корневую интеллигентность.

Он много и тяжело болел последние годы. Редко появлялся на людях, не мог помногу работать. И умер-то — господи! — в пятьдесят пять, на пятьдесят шестом, в самом, как принято выражаться, расцвете, но по свидетельству близких — изможденным, выжатым до предела сердечной болезнью.

Когда мы познакомились с ним — еще в Новосибирске, — он был топографом, служил в какой-то топографической организации, писал урывками — на кухонном столе, уставленном посудой, на планшетке, присев к пеньку в очередной экспедиции. Рассказы таялись в обтрепанных записных книжках, на оборотах топографических отчетов. Потом настал день, когда Аскольд понял, что литература для него — неотвратимая неизбежность, попросил отпуск без содержания, ему отказали — писатели в топографической организации не требовались, — и он остался один на один с листом бумаги, без публикаций, без денег, без надежд.

У нас как-то не принято говорить о подобных ситуациях, когда писатель становится писателем не благодаря, а вопреки обстоятельствам, хотя иногда это «вопреки» при всей безусловной его отрицательности играет в судьбе человека роль хоть и суровую, а праведную. Важно лишь только, чтобы подобная стимуляция совпала еще и с талантом.

Так произошло с Якубовским. Он стал «профессиональным» литератором не по своему вроде бы желанию, а по печальной необходимости, но жизненная раскладка вышла такая, что дальше у него пошло хорошо. Он дописал свою первую книжку — «Чудаки». Потом сочинил повесть «Мшава» и вслед за ней еще одну повесть, «Дом», которые, пожалуй, стали главными его работами. С ними в шестьдесят шестом году он приехал — не совсем уж и молодым — на совещание молодых писателей в Кемерове, попал в семинар Виктора Астафьева и Сергея Никитина, был крепко ободрен и облакан там, повести его появились в журналах, его имя замелькало в рядах «даровитых», «ярких».

Так начинался писатель. Помню, Виктор Астафьев, выступая в конце совещания, сказал тогда, что если бы только один-единственный Аскольд Якубовский был «обнаружен» среди молодых, то за одно это совещание следовало бы признать плодотворным. Астафьев радовался найденному таланту, как ребенок. Признание большим талантом другого — признак жизнестойкости и силы таланта...

Повесть, о которой говорили больше всего, называлась «Дом». Какое удивительное, неповторимое чувство испытываешь, когда живописное полотно, тонкая художественная ткань неожиданно — это, наверное, всегда неожиданно — вдруг оказывается еще и научным трактатом, своим языком, языком искусства, анализирующим общественное явление. Так в «Доме». Эта маленькая повесть — едва ли пятьдесят страниц на машинке — произвела на меня тогда неотразимое впечатление.

Сейчас в моде социальные портреты, социологические исследования. То, что написал Аскольд Якубовский, по сравнению с научными даже исследованиями нечто более значимое, весомое, точное. Это тончайший срез одного из самых, может быть, зловещих явлений — мещанства. Если уж говорить о науке, то повесть эта менее всего иллюстрация к социологическому выводу, но живой срез большой клеткой под микроскопом. Мещанство видишь собственными глаза-

ми — в натуральную величину, во всем его страшном великолепии. Стремление к обогащению — столь старая в литературе тема обретает у Якубовского новые, современные черты, модернизируется, но кончается одним — трагедией, страшной трагедией преступления перед всем человеческим.

Всю жизнь «титул из себя жилы» старик Алухтин, строил дом, крепость на шесть комнат — пятистенку. Недоделал, недосыпал. Росли горы желтой щепы, чернели от ветра и дождей. Время шло. Так и помер старик Алухтин, не пожив как следует в новом доме.

Умер старик, оставив дом в наследство сыновьям Михаилу и Юрию. Младший — веселый, охочий до жизни, ушел в мир, широкий и просторный — в чужой Михаилу и его Наталье мир, полный смеха, дел, счастья. А в старом доме текла обыкновенная, размеренная жизнь.

Обыкновенная? На этот вопрос и отвечал Аскольд Якубовский своей повестью-исследованием.

Сложность мещанства как раз и состоит в обыкновенности внешней жизни. Грядки, урожай с которых носят на рынок. Деньги на сберкнижке, которые приносят новые вещи. И тихая, но мощная сила вещей, которые делают человека своим рабом. Вот канва исследования, вот постепенность мещанской традиции. Часто в жизни оно так и идет — тихо, ладно, из поколения в поколение, от отцов к сыновьям и внукам, входя в кровь и суть людей.

Потом приезжает Юрий. У него невеста. И Наталья, которая становится центром повествования, вдруг осознает, что Юрий такой же хозяин дома, как и она. Страх за дом, за грядки, за имущество, за то, что Юрию надо отдать половину, приводит ее к страшному. Она закрывает заслонку в печи, и пьяный Юрий умирает от утара.

Жизненное заострение конфликта как бы обнажает античеловеческую, угнетающую сущность мещанства — неприкрытого, озверелого. В этом пафос повести, в этом ее духовная гражданская значимость.

В «Мшаве», повести, написанной раньше «Дома», а напечатанной позже, Аскольд Якубовский был столь же новым, каким он оказался в «Доме».

Двое друзей попадают к старообрядцам, которые ушли от жизни в глушь тайги, вдаль от людей. Мужчины и женщины, старики и старухи, девушки и дети прячутся от людского глаза, от людской жизни, как волки. Друзья-топографы, попав к ним, вступают в борьбу, один погибает. Такова канва повести. А главная мысль: как важно уметь бороться со злом, как плохо может все кончиться, если борешься неумело...

«Дом» и «Мшава» были его началом. Продолжением — повести «Браконьеры» и «Четверо».

Потом он пошел в другую сторону — и по жизни и по литературе. Вырос и начал в Сибири, а уехал в Москву, и, как мне кажется, ему в душном городе, да еще и больному-то, всегда недоставало воли и простора. В литературе же мотуло к фантастике.

Согласен, согласен, талантливый человек любое дело станет делать талантливо, да и фантастика Якубовского полна им, прежним, предыдущим, — он хочет всегда сказать что-то такое, что нам надо осознать заранее, и вот язык фантастики ему в помощь. А все же рожден был Сибирью не зря — сибирская литература мощной правдой всегда сильна и была и есть, обнаженным реализмом, тем, чем сам Аскольд Якубовский был интересен в «Доме» и «Мшаве».

Есть, правда, у меня одна тайная догадка — теперь-то ее не проверишь, а есть. Скоро после совещания, в самом своем цвету, принялся Аскольд за большой роман, я его читал в рукописи, в первом самом варианте, назывался «Квазар» — о том же все он был, о людях, о трудной людской жизни, мигающей, ищущей выхода, радости, увы, не всегда сильной, — вот роман этот начали читать да рецензировать разновеликие знатоки от литературы, стал он горевать, потом роман свой спасать, слушать, кромсать по живому, и столько всяких вариантов наделал, что замучила его эта рукопись, и, видно, в самом в нем умерла.

Фантастика пришла после этой неудачи, как, может быть, выход мысли и чувства, но после, после романа, и кажется мне перелом этот, эта трещина трагичной в судьбе крепкого художника Аскольда Якубовского.

Есть такая, не новая в общем-то мысль, что писатель, написавший, но не напечатавший свою книгу, как бы теряет что-то. Сказанное пусть даже не совсем удачно или вовсе не удачно, должно, напечатавшись, утвердиться, и только этот акт дает энергию дальнейшему движению.

Хочу верить, что, может быть, теперь, после смерти Аскольда, его роман увидит все же свет...

Да и то! Мечта о романе не давала, видать, ему покоя. Вдова сказала мне, что он перед смертью взялся именно за роман.

Но — что поделаешь! — время неповторимо. Оно ушло, и нет Аскольда Якубовского — доброго человека и великодушного писателя.

К сказанному хочу добавить вот что.

Судьба отнесла Аскольда Якубовского к роду мальчишек военной поры. Он голодал в ту пору, не тяготясь этим, впрочем, как любой мальчишка тех лет. Но меня неотвязно преследует мысль: неестественная укороченность жизни многих ребят нашего поколения идет от того, что мы недобрали в войну. Не зря говорится, будто заложенное поначалу действует всю остальную жизнь.

Да, этого не хватило на долгие годы.

Но хватило доброты, человечности, теплоты, которыми озарен талант Аскольда Якубовского.

Их хватило бы навсегда.

Альберт ЛИХАНОВ

Нет ничего лучше огня! Ворочается огненное существо, жует древесину, ворчит, гукает, перескакивает с полена на полено (а в маленьком костерке — с лучины на лучину). Радостно глядеть на него.

У огня, если собираться кучей, хорошо рассказывается, особенно ночью, особенно все охотничье. Люблю я слушать и всегда думал: нужна (к костру) куча пожившего народа, друзей-охотников, затем ночь не слишком комариная. Тогда и пойдет рассказ за рассказом, один интереснее другого. Слушать их — не переслушаешь.

Живи, учись... Это я раньше так думал. А недавно обнаружил, что и ночь не нужна, и костер может быть маленьким, и рассказчик один, к тому же малознакомый. Так — мелькнул когда-то на лестнице, ехали вместе в лифте, я на шестой этаж, он — на шестнадцатый. Садился как-то в один автобус, и я разменял ему гривенник. Потом стали кивать друг другу — молча. А в сущности, мы незнакомы...

Однажды в воскресный день затеяли женщины уборку и выгнали меня из дома. Крикнули влед:

— Не спешите возвращаться!

Я не обиделся, знал, что убирающуюся хозяйку лучше обходить стороной. И ушел в тот огрызок леса, что уцелел между домами-башнями. Там местные жители весной ищут цветы медуницы, осенью — осенние листья. И всегда шатаются толпами, чтобы подышать воздухом, там же прогуливают собак. А их сегодня было множество. Вся эта компания бежала, лаяла, рычала, знакомилась, обменивалась укусами. И все — люди и псы — дышали и наслаждались воздухом, зеленеющим лесом, пятнышками одуванчиков и редко попадающихся купав (иначе, огоньками, жарками — так именуют купавы в Сибири). Бредя в общем густом потоке, я увидел того, мелькающего то здесь, то там. Он тоже меня увидел. Мы кивнули друг другу, и я остановился. Малознакомый отдыхал. Он сидел на краю леска, ловко присев на пятку подогнутой под себя ноги. Так сидят, когда моют в лотках золото, сибирские золотомыльы, одиночки-кустары.

Малознакомый что-то делал руками в траве, в то же время смущенно-весело поглядывая на катящийся поток. Вот чиркнул спичку, и в траве задымилось. Мини-костер!

Узенький дымок, как от сигареты, поднялся вверх, а я подошел к Малознакомому. И тоже присел: золото я не мыл, но в лесах мне приходилось шататься. Был он — я впервые рассмотрел Малознакомого — одет кое-как в ношеную одежду. Сам побеленный годами, брови — седые кусты. Но такого широченного лба мне еще не доводилось видеть.

И Малознакомый поглядывал на меня, и конфузился и радуясь. Должно быть, потому, что его костер вызывал презрительные пофыркивания проходящих. Но когда сидят рядом двое серьезных, поживших мужчин и колдуют с костерком, то это уже кое-что значит. Мой приход к огоньку как бы узаконил его. Мужчина ухмыльнулся.

— Вот, балуюсь, — сказал он, а я сказал, что люблю огонь. Сообщил о ночных разговорах.

— У такого и не поговоришь, пять минут — и прогорел, — сказал Малознакомый. — А костерком я занялся потому, что дома прибираются...

— И меня тоже выгнали, — сообщил я.

Не только лоб, но и правая рука Малознакомого была удивительна. На ней были пальцы-обрубши.

— Производственная травма? — спросил я, уже предвкушая историю, и муж-

чина сказал, что да, производственная, с войны. Но разговорились мы не сразу, а когда костерчик прогорел и снова был разведен, и так раз пять подряд. Ряды гуляющих-редели, к нам подбежали собаки — крокодилчик и щетинистая собачка-лапатошка. Из тех, что издали не разберешь, где голова, где хвост, такие они щетинисто-косматые с обоих концов. Крокодилчик был той редко встречающейся помеси, в которой слились противоположные породы. Крепкий и длинный корпус овчарки был посажен на ножки-обрубки таксы. Но лапы, хотя и вывернуты совсем по-таксиному, были и толсты и крепки.

Пес был смехотворен не сложением, а важной многозначительностью таксы, умноженной на величавость сильной овчарки, могущей сразиться даже с волком и знающей это. Я рассмеялся на крокодилчика, а мой знакомый неодобрительно качнул головой. Я не понял, что ему не нравится — крокодилчик или мой смех. Другая же собака, лапатошка, была забавна щетинистостью, тем, что глаз ее не было видно. Двигалась она уверенно и быстро. Это была помесь тибетского терьера с дворнягой. За своим другом крокодилчиком она бегала, не отставая, а обогнав, дожидалась его. Знакомый угостил их сахаром.

— А теперь я займусь огнем, — сказал я.

И, побродив вокруг, я собирал горсть сухих веточек, взял валявшиеся пустые сигаретные пачки «Шипки». Из всего этого развел шестой костерчик, а Иван Борисович опытной рукой поправил его. Сам говорил:

— Я тоже любил ночь, костер, болтовню. Да бросил охоту из жалости к зверью, мало их остается. А что касается рассказов, то... Слушать их я разучился, старею, сам стараюсь говорить. Мне только подавай слушателя, я его заговорю. Как у вас со временем?

— Есть...

— Господи боже, кем я только не побывал! Так согласны вы слушать?

— Согласен-согласен-согласен.

Костерок 7 — говорим о войне, что была. Костерок 8 — рассказываем, кто кем работает. Костерок 9 — рассуждаем о собаках, какие лучше. Чистой породы или гибридные.

Костерок 10. Мой знакомый был мобилизован и служил в саперных частях коммунхоза полковника Смоли. Дружил с ним. Костерки 11, 12, 13, 14 и далее...

— Он и приглашает меня к себе в Россию, — рассказывал Иван Борисович. — Засел в городишке Нелине, что невелик, и наслаждается всем отошедшим: заброшенными церквями, а там их было несколько, исконно русским говором городских жителей, зеленью лесов, прочим. А чего ему не наслаждаться, если он в отставку вышел, ему к городской квартире приплюсовали еще и дачу.

Началось у него не житье, а малина. Перебрался он на свою дачу, можно сказать, окончательно, только два-три зимних месяца проводил в Москве. Человек военный, он всегда командовал. Привык. И подход ко всему в саду и огороде у него был чисто военный. Сначала стратегия (основная цель), затем разведка, опрос лазутчиков (то есть соседей), штудирование литературы, затем четкая разработка плана боя в огороде или саду. Не всегда, конечно, получалось, потому что отходить с захваченных позиций он не любил и не умел. Генералом потому не стал, что не хватало в нем способности к маневру. Вот, скажем, пчелы. Он штудировал литературу, изучил, поспрашивал. Затем написал руководство, как следует по-настоящему управлять пчелами. Но пчелы этого руководства не читали, потому у них постоянно происходили конфликты. Изжаленный пчелами, он и в больнице лежал, а уж сколько роев переморил, не счесть. Овощи и яблоны сначала ему подчинялись неохотно, но летать они не могли, умереть из

Аскольд ЯКУБОВСКИЙ

РАССКАЗ

И КРОКОДИЛ И ЛАПАТОШКА

протеста им живучесть не позволяла. Им-таки пришлось приспособиться к полковнику (опыты с пчелами он продолжал).

Так что ходил Петрович козырем.

Года так через три-четыре, когда он одержал победы—первые, над овощами и фруктами,—он призвал меня в городок, соблазняя стариной видов, овощами, яблоками. В отпуск я отправился к нему.

Встретились. Погуляли мы в саду с яблоньками, прошлись по огороду, где поротно и повзводно, как на параде, сидели редьки, черные и белые, моркови, клубника, выращиваемая отчего-то в бочках с просверленными отверстиями.

Жил он на даче одиноко, жена сидела в Москве с детьми, взрослыми, да требующими догляда.

Несколько дней, как водится, мы вспоминали войну. Он—начальственно, я—как подчиненный.

«Пей, ешь, отдыхай после дороги. А потом будь готов к осмотру городка. С фотоаппаратом!»

«Есть, товарищ полковник!»—отвечал я. Хотя к тому времени я закончил институт, на заводе дошел до должности, равной полковничьему званию. Но мне его обращение нравилось, оно напоминало время, тяжелое и страшное, а все же сросшееся с сердцем.

Оказалось, что мой отпуск, все 12 дней (неделю я хотел провести в Москве, побегать по театрам), у полковника уже был расписан по минутам. А чтобы не дай бог упустить чего, план был перепечатан на трофейной машинке «Адлер», но с русским косо припаянным шрифтом. Листок приклеен к кухонному шкафу рядом с календарем. И стоило войти в кухню (а мы в ней питались), как было видно, и какое сейчас число и что там в программе. Но я не протестовал, первая же наша рекогносцировка поразила меня. Этот маленький городок, выдавший и татар, и Наполеона, и немцев, не только сам был красив, он стоял на сильно и криво пересеченной местности.

Два оврага, две речки (как будто одной было мало на пять тысяч населения). Через них перекинута бревенчатая мосты, ловко вписывающиеся в местность.

Фотограф во мне ликовал!

А овраги! Не сибирские, глинистые расщепы чуть ли не до центра Земли, нет, эти заовалены, вылизаны временем, как языком. Поросли они таким слоем дерна, его прощивали, уходя вглубь, такие корни лип, дубов, ясеней, кленов, что укреплять овраги не требовалось.

Да, о них у местного руководства голова могла не болеть. Вообще голове не от чего было болеть, так как единственное предприятие, большой молочный завод, при крайнем напряжении своих дымовых ресурсов не смогло бы испортить океан превосходного влажно-упругого воздуха.

Такого в Сибири не бывает. Им дышалось и легко, и емко, и мягко. Будто ешь кисель со сливками. Кстати, все молочное продавалось здесь изобильно и было до крайности свежо и вкусно.

В первый вечер ходили мы немного, только посматривали на просвечивающие сквозь деревья стены церквей. Меня больше заинтересовали местные собаки.

Более странной компании я не видел, пожалуй, со времен войны. К нам ведь присылали всяких собак. Для розыска мин отбирали легавых и овчарок. Раненых вывозили крупные собаки, в большинстве лайки. Брошенных населением во время бегства от фашистов было множество в частях, большей частью забавнейших дворняжек.

Но на зеленом берегу речки, среди домов, вольно и красиво поставленных, бродили шавки лилового и даже розового цвета. Целыми стаями они слонялись по городку, играли друг с другом, а некоторые грызлись, но беззлобно.

«Тоже достопримечательность,—говорил полковник.—У нас кровных псов по пальцам пересчитать. Три гончака, два гордона, штуки три овчарки. А прочие—из этих вот».

«Но отчего они розовые?»—удивился я.

Оказалось, кроме молочного завода, была мастерская, что-то там красящая анилиновыми красителями. Использовал, примерно два раза в месяц краситель сливали в лужу, из которой розовая жижа текла в маленькую речку Нельму. Туда же сливала воды и местная баня. И по банным дням в теплой воде полюбили купаться местные собаки. Так и окрашивались, столько раз подряд, что нормальный цвет теперь приобретают только после линьки.

Затем, чтобы снова окраситься.

«Значит, нет розы без шипов?»

«Я думаю, мы это исправим, осенью уберу овощи и займусь этим производством вплотную. Хорошо, что напомнил... Ладно! А завтра мы сделаем...»

«Что вы сделаете завтра?»

«Перекрою свой план, потому что пропустил одну достопримечательность».

Затем мы пошли домой, и я помог полковнику в огороде. Мы пололи гряды, где назойливо, с упрямством, не менее твердым, чем у хозяина, выростали сорняки, лебеда, одуванчики и даже пырей. Истребляемые, они остатками своих корней затаивались в земле, чтобы использовать первый же дождь для очередного прорыва к солнцу.

«Я их паяльной лампой приспособился выжигать,—сказал полковник.—Пускаю в ход огонь. Не растут».

Сказал—и нахмурился. Остаток вечера мы говорили об атомном оружии, о перемене стратегии и легли спать весьма расстроенными. Полковник не спал, а кашлял в своей комнате, а же ночевал на веранде, и меня донимали комары. Впрочем, они не шли в сравнение с нашим рыжим сибирским комаром.

«Разве это комары!»—помнится, бормотал я, засыпая.

Снились мне розовые собаки и городок.

Я проснулся, покусанный комарами, озябший и недовольный вечерними разговорами. Я же в отпуску, зачем они?

День заваривался солнечный, даже паркий. По огороду в трусах ходил полковник и поливал из шланга. Было семь утра, мне хотелось мятье водой из шланга и затем есть местный удивительный творог. Полковник увидел меня и обрызнул из шланга. Вода оказалась холодной, я зашипел, будто кот.

«Артезианская!»—крикнул полковник.—Мне скважину просверлили».

«Беги в дом!»—отозвался.—Оботрусь!»

Когда я вышел снова, уже в легком костюме, полковник кончил поливать. Он смотал шланг и стоял у калитки, железной, сваренной из водопроводных труб. А по улице шли две собаки, одна, как вы говорите, типа крокодильчика, другая была лапатошка, по вашей терминологии. Судя по походке, шерсти, это были очень старые псы.

«Это еще одна наша знаменитость, вроде церквей,—сказал Петрович.—Пойдем-ка завтракать! Будет редиска с маслом, потом творог, потом простокваша и чай с лимоном. Их мне из Москвы жена привозит». (Как все бывшие провинциалы, а полковник был сибиряк, томич, он не уставал повторять «Москва» и явно гордился, что жил в ней.)

«А что за псы?»

Завтракая, он рассказывал о псах. О том, что, получив здесь участок под дачу в 46-м году, он уже застал этих собак. Они так же ходили вместе, проживали без

хозяев, обитая в самом дальнем церковном здании, сохранившемся немного лучше, чем другие. Живут там летом, живут и зимой. Кормятся у столовой, попрошайничают.

По временам не появляются в городке так долго, что можно предположить: браконьерствуют в лесу. Длинный—это он, щетинистая—жена. Так и живут парочкой. Потому многие им дают то кость, то хлеб, что найдется. Награждают, так сказать, за верность друг другу.

По слухам, появились как раз после войны, и вроде бы солдат был с ними, веселый песенник с баяном. Отстал от части. Пел и плясал, пел и плясал, а там его, косенького, взяли за хвост, за крылья и кинули в другой воинский состав, что проходил через городок с запада на восток.

Вагоны были полны веселящихся солдат. И этот тоже веселился. Но когда поезд тронулся и набирал скорость, солдат свистел и звал собак. Но их на перроне не было. Их нашел здешний лесник, когда, бродя опасливо по лесу и боясь мин, он стрелял косачей. Вышел к церкви, и к нему побежали собаки и стали звать за собой. Будь псы без ошейников, он застрелил бы их как одичавших. Но собаки вежливо и культурно звали за собой, и увели старичка в церковь, и там сели, глядели на него, скулили.

«Хлеба не дам,—сказал старик.—Сами кормитесь, дичиной».

Вот уже пять лет живут здесь псы. Пришли они сюда немолодыми, по-видимому, и вот старятся, немного им остается скандальничать по улицам... Подохнут, и уйдет с ними в землю их тайна. Потому что всех людей зовут они к себе. Их уже за это маленько прочули местные хулиганы. Самому отрубили полхвоста. Ничего, залезал рану.

Его щетинистую подружку шибанули камнем и угодили прямо в глаз. Та окривела, но существует! И люди примечали, что, когда больна одна псина, другая несет ей либо кость, либо хлеба кусок. Заботится. Постепенно разобрались в их супружеской жизни, стали уважать, защищать, подкармливать. Кое-кто даже приводил их к себе домой, то порознь, то обоим сразу. Но с упрямством псы идут обратно.

«К ним еще сходим. Но пока займемся достопримечательностями,—приказывал полковник.—Заглянем и в их церквушку—для счета, малоинтересна. Чего бы им туда отнести? Кажется, кусок колбасы есть, уже заветрился».

У полковника был отличный погреб, который он набивал снегом в марте—апреле. Так он сберегал холод все лето, до осени.

В этом погребе нашелся позабытый, ставший желтым творог, нашлись шиш с громадной костью. Все это—колбаса, творог и говяжья кость—было завернуто в газету. Полковник нес сверток, а же—свою отличную трофейную фотокамеру, «двуглавую», как говорят немцы, «Иконту».

А снимать тут было чего! Сердце радовалось, до того был пересеченный и погнутый городок, обстраивавшийся после короткого прихода немцев; отлично выставлялись из берез церкви. На одних крест был поломан, в боку другой—пробоина. Но у стоявшей на самом высоком месте все было отремонтировано и даже купол заново позолочен.

Да-а, Русью здесь пахло, старой. И тогда я, как и положено гостю, помечтал на ходу, как бы здесь надо было все перестроить, сделать удобным, функционально красивым. Против церквей я не имел ничего, пусть будут как украшение пейзажа. Потому что с ними мои фотографии должны были выйти просто здорово. Все у меня было: пленка «Агфа», объектив «Тессар», плотный светофильтр.

Сделаю фотоальбом, пришлю полковнику, порадуя его.

Такого рода городки при всей их малости просто фотографически бесконечны: взгорки, пригорки, милые дворики, оградки, уголки.

Пленка в фотоаппарате кончилась моментально. Перезарядив аппарат, вторую я расходовал осматривательно, больше выбирал и запоминал, прикидывал, куда при каком освещении мне приходится, утром или вечером.

И вдруг приметил два пятнышка, коричневое и серое. Они поднялись на бугор, обросший березами, исчезли. Затем мелькнули подальше, на дороге. Теперь их высвечивало солнце—собаку, похожую на колбаску, и другую, похожую на ершик для чистки бутылок. Не спрашивая полковника, блаженно вдыхающего воздух и приговаривающего: «Мне хорошо и широко дышится, все тут русское»,—я угадал, что это за собаки.

«Местные знали толк в пейзаже,—умилялся полковник.—Ишь как ловко церквушки понастроены. Я покажу тебе ту самую, с полкилометра до нее».

«Она такая же?»—спросил я.

«Сам увидишь. Не задавать вопросов начальству, оно знает, что делает и куда ведет. Вот то-то же. Щелкни-ка меня еще разок, и пойдем к собакам».

И мы пошли. Дорожка привела нас к лесу, российскому, широколиственному, влажному. Дорожка шла высоко, в стороне же, под обрывом, протекала топкая речка. Дорожка направилась прямо к ней, а ответившаяся тропка потянула нас в лес. Неглубоко. Сначала мы увидели развалины печных труб—здесь были сторевшие дома, за березой стояла церквушка, невысокая, но широконая. В нее вводили ворота, солнце пробивалось в дыры и падало вниз, на груды битого кирпича. Судя по виду, в церквушку когда-то угодили артиллерийский снаряд. Но такая была старинная кладка, что он не разрушил церковь.

Полковник стал восторгаться качеством работы старых мастеров. Он шагал туда-сюда между крапивою, выбирая для меня точки зрения, с которых церковка казалась бы красивее, потому что она удручала его и своим побитым, старым видом и простоватостью пропорций. Он даже рассердился:

«Что он, архитектор, пропорции брал с толстой кутчихи, что ли?»

Да, церковка была старая, лет ста. В куполе мостились сизые голуби. Они летали сквозь пролом, пересекая луч света. В церквушке же было сумрачно, нехорошо.

Нельзя сказать, чтобы я вышел из войны нервным человеком. Но тут на меня накатывались волны непонятного страха, и мне даже чудилось касание ледяной руки.

Я оглянулся на полковника, не шутит ли. Но тот был шагах в пяти и наблюдал за мной. Значит, так себя и должен чувствовать все приходящие сюда.

«А вот я,—сказал он,—как ни прибрежу сюда, так обязательно капельку нитроглицеринчика слизну, вот из этого флакончика. Дать?»

«Что бы это значило?»

«Не пойму. Может, сыро и прохладно и что на отшибе. Может, оттого, что фашисты тут пленных командиров расстреляли. Так мне говорили. Но, по моим сведениям, расстреливали их в другом месте. Ну, айда к барбосам».

«Они...»

«Они ждут нас».

И точно, на дорожке стояли и ждали собаки-старички. Впереди пес типа «крокодил», верх туловища от овчарки, лапы таксины. В его желто-коричневой шерсти не было розовых следов купания в ручье. За ним стояла его подружка-лапатошка, глядела на нас одним глазом и повиликала тем, что должно быть хвостом, а у нее было венчиком. Обе собаки стары именно как собаки—обрызгшие, с проплевшинами. Не то их мучил авитаминоз, не то подцепили лишай.

Почуяв творог и колбасу, они стояли, глядя на нас. Не скулили, не звали, а смотрели. Пес-крокодилчик лег, будто упал, на дорожку, и лапатошка стала вылизывать ему уши.

Она вывернула ему ухо и лизала. Потом взялась за лапу, потянула прицепившийся репей. Тогда пес приподнял свою большую овчарочью морду и лизнул свою подружку в нос. Она прилегла с ним рядом, они стали дремать так, как могут дремать только собаки-старички, у которых все болит: стонали, кряхтели, скулили.

«Ревматизм у них, я думаю» — вздохнул полковник и пошagal к ним со своим свертком.

«Есть они не будут,— сказал он.— Поведут нас к себе. Следи».

И точно, собаки поднялись и заковыляли вперед. Помахивал обрубок хвоста пес-старик, взвизгивала его одноглазая подружка.

Следом мы обошли церковь и с другой стороны обнаружили вход в ее часть, отгороженную от той, где мы были, грудой битого и поросшего мхами кирпича. Тропинка здесь была пробита основательная, по бокам ее росли конопля и крапива вперемешку, и виделось несколько подсолнухов.

«Их угощают и подсолнухами. Отломают кусок шляпы и дадут. Впрочем, может, птицы занесли. А заметь, костей они натаскали сюда много».

Полковник говорил на ходу, мне же снова было знобко. На меня вдруг потянуло ужасом, как ветром. Я даже рассердился на себя.

«Приведут, и сидят, и сидят. Ждут что-то от тебя. Дашь жратву, так сразу не едят, а ждут... может быть, зубы их стерлись».

«Возможно».

Церквушка в главном входе казалась меньше, уже. А вот тут оказалась ее широкая, ее большая часть. Она сохранилась лучше, кирпич был целее. И тут было собачье логово.

Кто-то очень давно принес сюда большие деревянные ящики, и в одном из них, лежащем на боку, и находилось логово. В ящике была солома, истертая до дыр, до мелких клочков материи и ваты рабочая телогрейка.

«Доброхоты им принесли», — пояснил полковник.

И точно, теперь я увидел сидящих собак. Но сидели они не рядом, нет. Пес сел около ящиков, его подружка далее, шагов за десять. Они сидели и смотрели на нас, требовали — глазами — сделать.

«Всегда так садятся, вразнобой. Местами только иногда путаются», — пояснил мне полковник. — Чокнулись старички в одиночестве, склероз их донял».

Ощущение жути, некоей опасности, готовой выпрыгнуть на нас из угла, не проходило во мне. Как все, кто воевал и кто знает, что и враг может быть всюду и шалаа пуля — госпожа твоей жизни, я верил в предчувствия. И сейчас осматривался, пытался понять, где же прячется пугающее. Я ведь солдат, меня чепухой не испугаешь. Но бывает, на войне что-то прошепчет тебе: отрой окоп в стороне. Послушаешься, и снаряд минует тебя. На заводе мне однажды что-то шепнуло, что с вагранкой вот-вот случится беда. Я поверил голосу, и авария не произошло.

Конечно, это подсознательная догадка, но все же. А что здесь? Какая беда?

В чем дело? Эти странные собаки. Они дряхлые, глаза их (три на двоих) слезятся, ошейники... Гм, на псах-бродягах были старые, вытершиеся, широкие ошейники...

Собаки так странны... Если я что-нибудь смыслю в них, то ведь и кобель не беспороден, у него в родне хорошие собаки, таксы и овчарки. Одни — охотники, другие — розыскные чувистые псы.

Какой же он беспородный! И подружка его хотя и похожа на ерш для чистки бутылок и не сразу поймешь, где у нее хвост и где голова, но в ней явно течет кровь терьеров, определено она с чутьем, если не потеряла его, старая! Но предчувствие... Может, собаки больны, скажем, тихой формой бешенства? Глудость! Думать такое может только взбесившийся человек.

Стоп! Что у них за ошейники?..

Я оглянулся на полковника, который ходил около ящиков. У него был тот самый горящий взгляд, который появляется у хорошего хозяина, вдруг нашедшего выброшенную, но годную в дело вещь. Он берет и уносит ее к себе. Тут он что-то применил.

...Ошейнички, какие ошейнички?.. Я хотел подойти к собакам, но мои ноги отяжелели, я боялся шагнуть дальше. И почему-то с неудовольствием слышал тяжелые шаги полковника. Вот он звякнул какой-то железной. Тогда я позвал собак, позвал тихо-тихо, тем голосом, которого у меня уже не было с самой войны:

«Иди ко мне... ко мне... ко мне...»

Подошли обе и остановились, глядя мне в глаза. Скольким людям они так смотрели в глаза? Сотням? Что от них ждали?

К ним подходили, может быть, гладили. Иные обижали их, но другие кормили и принесли ватник и солому на подстилку.

«Подь, подь сюда...»

Уткнулись в мои колени и стоят. Но морды их вздрагивают, они пытаются заглянуть мне в глаза.

Эти собачьи глаза!

«Милые, хорошие, старые. Чего вы хотите от нас?» — шепчу я и глажу их головы, одну правой, другую левой рукой. И мои ладони ощущают струпья и шрамы, струпья и шрамы.

Милые, хорошие, милые, хорошие. Здорово вам досталось.

Тут я взял ошейник старушки лапатошки и повернул его, уже зная, что увижу на нем. Ну, не совершенно точно, а процентов так на 50.

Вот он, знак МРС.

И весь ужас, что проникал в меня и холодил мне спину, вдруг выступил потом на спине. Мне показалось, что волосы мои встали дыбом, я уже знал, над чем сидели столько лет, что указывали псы приходившим сюда дуралеям.

«Стоять!»

Я гаркнул на полковника так, что собаки припали к земле. И полковник тоже замер, ухватясь за ящик.

«И ты спиал?» — спросил он меня. — «Что с тобой?»

Что ему сказать? Он хочет идти ко мне, а ему нужно стоять.

«Искать!» — приказываю собакам. И старички обрадовались. Они опять уселись на свои места и теперь смотрели только на меня.

«Что?» — шепотом спросил, догадываясь, полковник.

«Это собаки ЭМ ЭР ЭС!»

«Минорозыские собаки?»

«Такие знаки на ошейниках».

«О, пять тысяч дураков в одном городе!» — воскликнул он.

И как хорошо, что место было пыльное, грязное, с рассыпанными голубиными перьями, которые выпали из гнезда. Было ясно видно, как прошел полковник, и я следил во все глаза, чтобы он шел обратно по своим следам.

Он подошел ко мне весьма потный. Веко его глаза подергивалось.

«Пять тысяч дураков!» — повторил он. — Ты сам не вздумай искать, я побежал звонить».

Прошу разъяснить порядок рассмотрения в суде дел об установлении отцовства. Какое значение в таких случаях имеет заключение медицинской экспертизы?

**З. КУРГИНА,
Вологда**

**Отвечает главный консультант
Министерства юстиции СССР
Геннадий МАКАРОВ**

При установлении отцовства суд принимает во внимание несколько обстоятельств. Это и совместное проживание, ведение до рождения ребенка общего хозяйства матерью ребенка и отцом, совместное воспитание либо содержание ими ребенка и доказательств, с достоверностью подтверждающие, что именно ответчик и есть отец ребенка.

Наличие хотя бы одного из указанных доказательств при положительном заключении экспертизы является основанием для удовлетворения исковых требований об установлении отцовства и взыскания алиментов.

Факт совместного проживания, ведения общего хозяйства до рождения ребенка или воспитания ребенка устанавливается обычно по показаниям свидетелей.

Доказательствами, подтверждающими признание отцовства, могут быть телеграммы, записки в роддом, письма, из текста которых следует, что писавший считает себя отцом ребенка.

В зависимости от установленных в ходе судебного разбирательства обстоятельств может быть назначена судебно-медицинская экспертиза. Она проводится медицинским учреждением на основе разработанных методов.

Однако акт судебно-медицинской экспертизы не является безоговорочным основанием для признания ответчика отцом ребенка, даже если в медицинском заключении указано, что отцовство не исключается. Необходимо еще установить хотя бы одно из указанных выше обстоятельств. В то же время если в суде такие обстоятельства выявлены, а эксперты заключают, что ответчик не может быть отцом ребенка, то суд отказывает в удовлетворении иска, так как достигнутый уровень медицины позволяет считать такой вывод бесспорным.

Я увольнялся с работы в связи с призывом в армию. Бухгалтерия удержала с меня стоимость спецодежды и за 5 дней оплаченного мне ранее ежегодного отпуска, предоставленного авансом. Правильно ли это?

**И. КОРНЕЕВ,
Ленинград**

**Отвечает юрист
Александр КИСЕЛЕВ**

Нет, неправильно! Трудовым законодательством установлен исчерпывающий перечень случаев, когда допускаются вычеты из заработной платы рабочих и служащих.

В соответствии со статьей 124 КЗоТ РСФСР при увольнении работника до окончания рабочего года, в счет которого он уже получил отпуск, удержание не производится, если он увольняется по следующим причинам:

— в связи с призывом или поступлением на военную службу;

— в случае перевода с его согласия на другое предприятие или в связи с переходом на выборную должность;

— в связи с отказом от перевода на работу в другую местность вместе с предприятием, учреждением, организацией;

— при ликвидации предприятия или сокращении штата работников;

— в случае обнаружившегося несоответствия рабочего или служащего занимаемой им должности вследствие недостаточной квалификации либо ухудшившегося состояния здоровья;

— при неявке на работу в течение более 4 месяцев подряд вследствие временной нетрудоспособности, а также если работник направляется на учебу или уходит на пенсию.

Если работник уволился без уважительных причин, тогда с него удерживается задолженность за неотработанные дни отпуска.

Вычеты за спецодежду по той причине, что не окончился срок ее носки, законодательством не предусмотрены. Спецодежда выдается на период выполнения определенной работы и должна быть возвращена.

Имеет ли молодой специалист, работающий по направлению, право на внеочередное получение жилой площади?

**Д. СИЛЬВАНДЕР,
Душанбе**

**Отвечает старший инспектор
Госкомтруда СССР
Михаил КУРИЛИН**

В соответствии со ст. 21 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик вне очереди жилое помещение предоставляется гражданам, жилище которых в результате стихийного бедствия стало непригодным для проживания, а также в других случаях, предусмотренных законодательством. В частности, такой случай предусмотрен в Положении о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения. Положение это введено в действие с 1 сентября 1980 года и является обязательным для всех министерств, ведомств, предприятий, учреждений и организаций. В пункте 55 этого положения записано, что молодые специалисты обеспечиваются жилой площадью учреждением, куда они направлены при распределении. При этом место в общежитии считается лишь временной мерой обеспечения молодого специалиста жилой площадью.

Помимо этого, в постановлении № 677 Совета Министров СССР от 15 июля 1981 года «О гарантиях и компенсациях при переводе на работу в другую местность» сказано, что работникам, направленным в порядке распределения на работу в другую местность, и членам их семей предприятия, учреждения, организации (а в случаях, предусмотренных действующим законодательством, исполкома местных Советов народных депутатов) обязаны по приезде предоставить вне очереди жилое помещение. Так, молодые специалисты, направляемые на работу в учреждения культуры, просвещения, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания, суда, прокуратуры и органов государственной статистики, городских учебные заведения системы Госпрофобра СССР, учебные и спортивные организации ДОСААФ СССР, в случае отсутствия ведомственной жилищной обеспечиваются жилой площадью местными Советами народных депутатов по ходатайству соответствующих организаций.

В таком же порядке обеспечиваются жилой площадью молодые специалисты, получающие стипендию за счет средств предприятий и организаций, если они проживали до направления на учебу в общежитии или на арендованной жилой площади.

Алексей ВОРОБЬЕВ

ПРОФЕССИИ

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

Служба быта Литовской ССР считается одной из лучших в нашей стране. Слово — министру бытового обслуживания населения Литовской ССР Казису Прановичу ПЛЕХАВИЧЮСУ:

— Размышляя о судьбах молодых работников сферы обслуживания, испытываешь сложные чувства. Конечно, прежде всего радость за тех, кто состоялся в профессии, обрел свое призвание. И досаду, что звезда многих еще не успела взойти. Этих, вторых, к сожалению, немало, и о них — наша главная забота.

Опыт лучших, в том числе и молодых, мастеров подсказал нам некоторые шаги, которые, думается, привлекут молодежь в отрасль, помогут быстрому становлению новых специалистов. Я имею в виду создание в республике небольших специализированных ателье или мастерских, во главе которых станут истинные профессионалы.

В чем преимущество таких предприятий перед крупными? Прежде всего каждая мастерская будет вырабатывать свой стиль, а значит, и создавать свою «школу» мастеров. Молодым в этих микроколлективах легче освоиться, перенять навыки у опытных работников. И возможностей для творчества там больше.

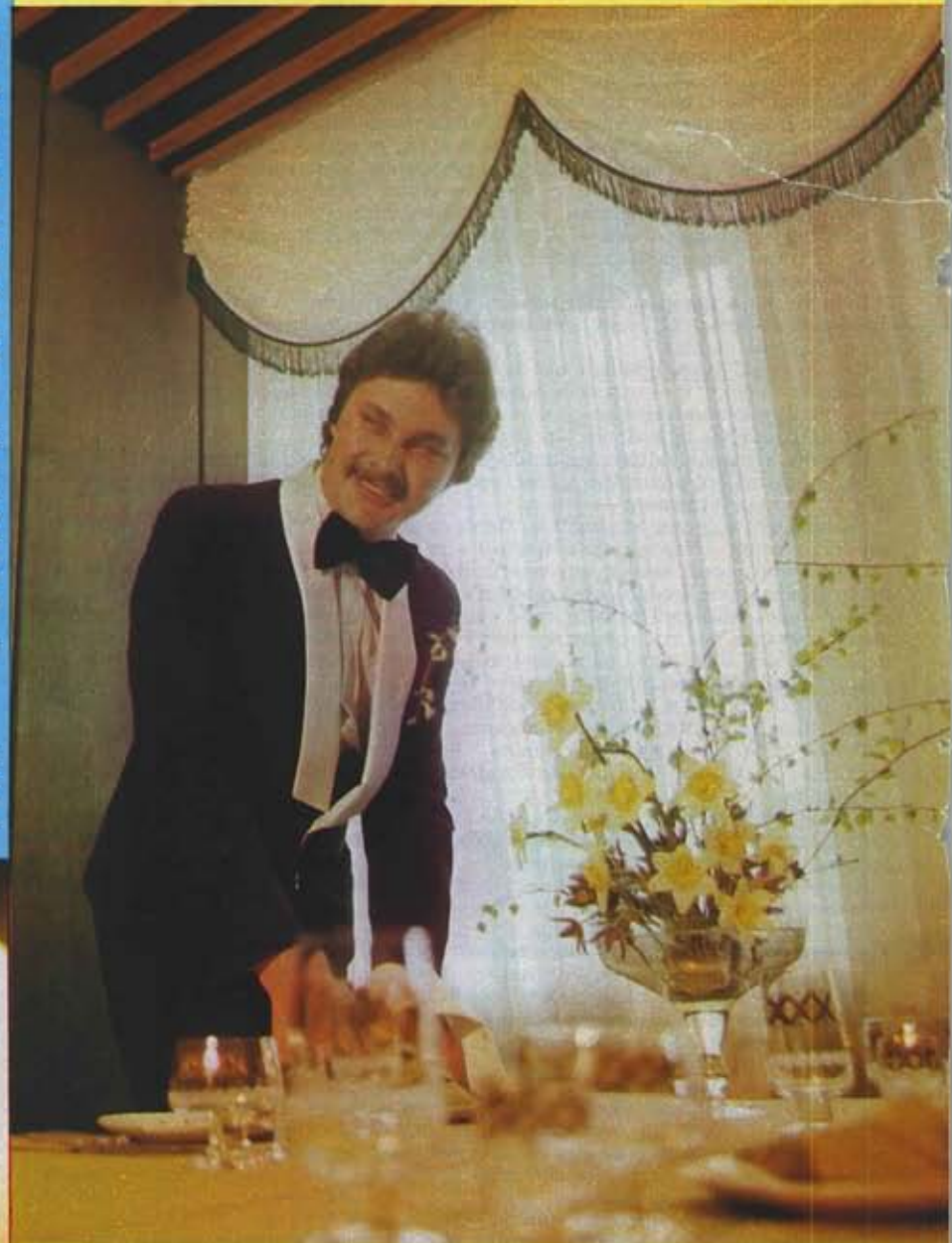
Кроме того, став «фирмой», приобрести собственную вывеску, коллектив сможет указывать на каждом изделии имя изготовившего его мастера. Что, с одной стороны, повысит ответственность за качество работы, с другой — будет воспитывать в клиентах уважение к труду умельца.

Конечно, нельзя видеть в данной форме организации труда решение большинства проблем отрасли, но усовершенствовать работу сферы услуг в республике она, несомненно, поможет. Первые опыты, в том числе и пример парикмахерской, руководимой Стасей Симанавичене, это подтверждают. Интересно, что инициатива лучших молодых мастеров направлена на поиски именно современных форм работы...

Впрочем, о себе они лучше расскажут сами.

Фотограф Виталий ЕНИК:

— Мастерство фотографа, несомненно, в чем-то сродни мастерству живописца. И цели схожие — отражать духовный мир современника. Мир этот сло-

**ОФИЦИАНТ ДАБАШАУСКАС:
«ДВАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ ЗА
СМЕНУ,
ДВЕ ТОННЫ НА ПОДНОСАХ,
И ОБЯЗАТЕЛЬНО С УЛЫБКОЙ».**

не за процентами плана тоже спешу нажать на кнопку затвора, так и не дождавшись нужного мгновения. Почувствовал, что самое дорогое теряю — художника в себе. Без чего профессии для меня не существует. И тогда дал себе зарок не торопиться, а отыскивать тот кадр, сделав который, почувствуешь себя настоящим художником.

Официант Витас ДАБАШАУСКАС:

— Тех ребят запомнил, потому что уж слишком они важничали, сев за мой столик. И выглядели при этом очень смешно. А когда с видом знатоков заказали бифштекс по-английски, я чуть не рассмеялся. Сдержавшись, вежливо объяснил, что блюдо это специфическое — кусок почти сырого мяса. Скопфузились, а потом стали естественны и приветливы.

Маленький эпизод помог установить добрые, почти дружеские отношения, и вечер мои клиенты провели хорошо.

Однако наладить контакт с посетителем удается далеко не всегда, а порой с большим трудом.

...Когда мать жены узнала, что я

жен, изменчив, чтобы уловить мельчайшие его черты, нужна работа поистине художественная.

В квитанциях, которые мы выписываем клиентам, порой так и значится: «художественный портрет». Но, взглянув на образцы продукции, часто убеждаешься, что определение употреблено с большой натяжкой. Ни образности, ни глубины...

Одна из причин — в стимулах работы. В том, что в фотоателье оплата труда не учитывает его качества. Лишь количество и размеры снимков влияют на план и на суммы в ведомостях. Тогда ради чего стараться? Посадил клиента на стул, рассказал бородатую хохму, и нажимаю на кнопку аппарата: двадцать секунд — три кадра. Хоть на стенку их вешай, хоть в корзину для мусора...

Каждый из нас по-своему учится противостоять соблазну халтуры. Я люблю снимать детей. Поэтому и пришел работать в специализированное детское фотоателье Вильнюса. Внутренний мир ребенка, чрезвычайно разнообразный, богатый красками, способен раскрыться вдруг, в одном жесте, взгляде. Ловить тот единственный миг детского откровения — занятие увлекательное.

Но однажды почувствовал, что в пого-

**ФОТОГРАФ ЕНИК:
«ДВАДЦАТЬ СЕКУНД — ТРИ КАДРА?
Я ТАК НЕ СНИМАЮ».**

ОНАМЫ

официант, огорченно поджала губы. А соседям сказала, что работаю механиком на заводе. Стыдно ей стало перед людьми, что у зятя немужская профессия.

«Самая мужская», — убеждала нас заместитель директора ресторана «Вильнюс» Верника Николаевна Чайковская. Подобрала комсомольско-молодежную бригаду только из парней. Много занималась с каждым, показывала секреты мастерства, объясняла тонкости. Но исподволь, незаметно внушала нам, что главная премудрость все же не в приемах сервировки стола. А в том, как найти общий язык с любым человеком, севшим к тебе за стол.

С разным настроением приходят к нам люди, а уйти должны обязательно бодрые, отдохнувшие. Проблему человеческого общения нам приходится решать ежедневно по многу раз в день, и здесь заключен высокий нравственный смысл нашей профессии.

...И понимание это пришло внезапно. Во время одного большого трудного банкета кто-то из ребят заметил мимоходом:

— Волнуюсь. Будто этих людей к себе домой пригласил в гости.

Мы все замолчали, вдумываясь. Ведь действительно, приглашая гостей, хозяин заботится о них от всей души. Как о добрых старых друзьях. А гости отвечают хозяину улыбками и уважением. Нехитрый, казалось бы, принцип, но единственно верный.

Парикмахер Стася СИМАНАВИЧЕНЕ:

— После училища меня распределили... в баню. Признаться, не ожидала. Мечтала работать в салоне красоты, в нарядной современной мастерской, а тут, пожалуйста, — баня. Место это считалось у нас тяжелым и скучным.

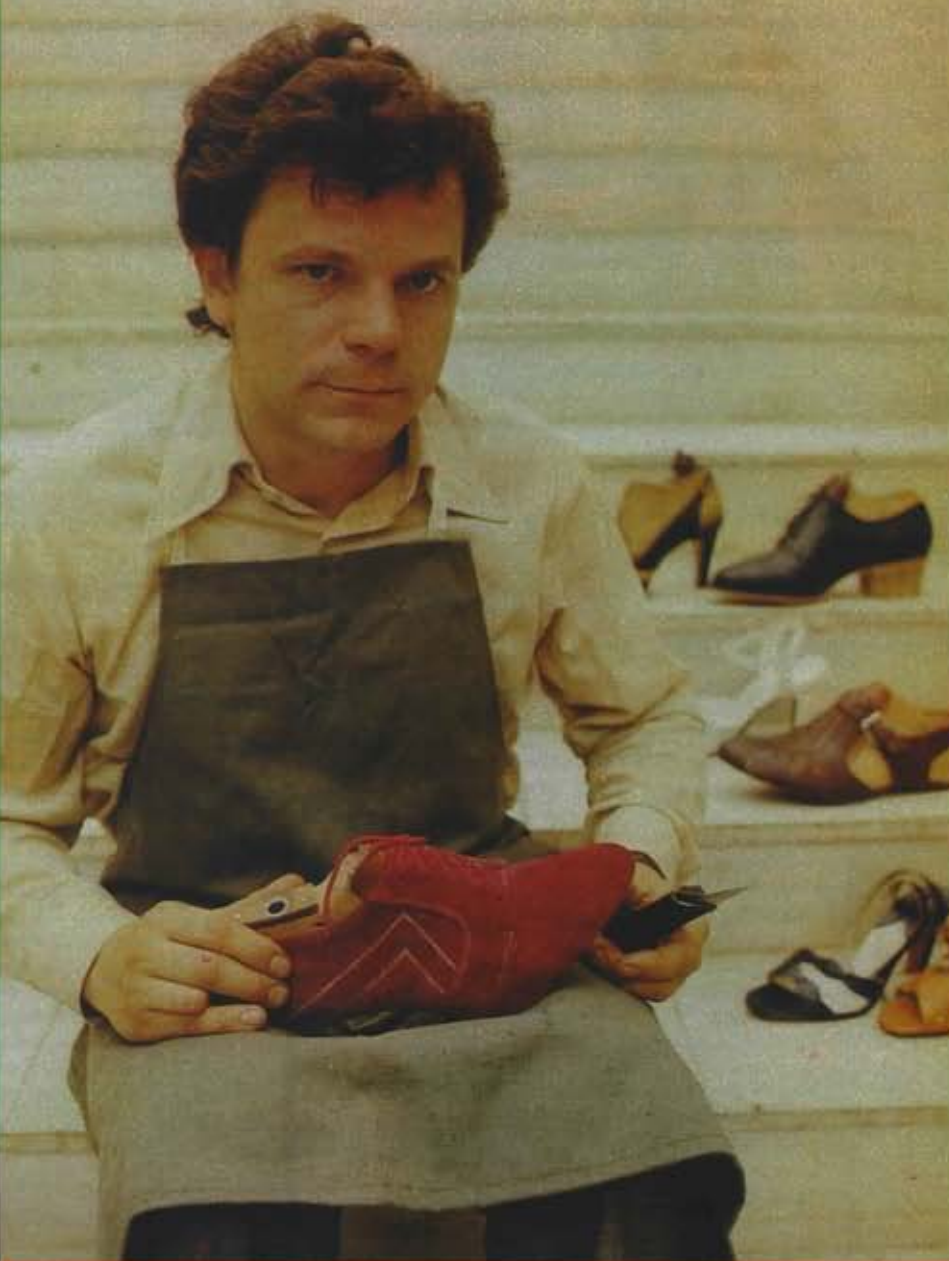
С первых дней самостоятельной работы я постаралась определить, почему в банной мастерской скучно, чем она отличается от модных салонов. Кресла, инструменты те же, люди везде одинаковые. Да и мастера вполне грамотные, умелые. В чем же дело? Разобраться помог один случай.

...Девчонка села в соседнее кресло, коротко приказала: «Стригите». Мастер удивилась, но покорно взяла ножницы. Я стояла рядом и, не выдержав, вмешалась. У девчонки была роскошная светлая коса. Как же губить такую красоту! Долго отговаривала, но девчонка упрямо требовала стричь. Тогда попробовала последнее средство:

— Приходи завтра, — сказала ей. — Если не передумаешь, сама тебя подстригу, постараюсь...

Назавтра вместо девушки пришла ее мама. С благодарностью. Дочь, к счастью, поняла свою ошибку. Поняла, что пошла на поводу у примитивных представлений о модных прическах и им в угоду готова была пожертвовать прекрасными волосами.

Именно низкий уровень требований

клиентов делает труд в некоторых парикмахерских скучным. Но в тот день мне стало ясно, что порой именно мастер поощряет клиента к примитивности стандартов, и после сам же страдает от неинтересной работы.

Я мечтала сделать всех людей красивыми. В бане — мечтала. И на конкурсах — всесоюзном, международном, куда, признаюсь, ехала с большим волнением...

И продолжаю мечтать сегодня, занимаясь с новичками у себя в парикмахерской номер шестнадцать города Вильнюса. Учу девочек доверять своим фантазиям и снам.

Сапожник Бронис БАЗЮЛИС:

— Когда хотят упрекнуть какого-нибудь горе-мастера, его порой обзывают «сапожником». Дескать, хуже работника и не сыскать. В специализированные училища отрасли на сапожников часто идут учиться лишь те, кого на другие специальности не приняли. То есть худшие ученики.

За всем этим обидная, но знаменательная тенденция: престиж профессии очень невысок. И, пожалуй, мы сами тут во многом виноваты. Тем, что порой не соответствуем высоким требованиям заказчиков.

Еще мальчишкой в своем родном Шяуляе я любил подолгу простаивать у окон мастерской, где шили башмаки. Мастера заметили меня, позвали к себе. Показали, как работают, дали попробовать инструменты. Я был восхищен.

Прибежав домой, достал разбитые мамыны туфли, возился с ними до вечера, но все же починил. Тогда уже твердо

ПАРИКМАХЕР СИМАНАВИЧЕНЕ:
«МЕЧТАЮ
ВСЕХ СДЕЛАТЬ КРАСИВЫМИ»...

САПОЖНИК БАЗЮЛИС:
«РАБОТАТЬ ТОЛЬКО
ПО ВЫСШЕМУ РАЗРЯДУ».

решил, что пойду в сапожники. И шесть лет спустя снова открыл новую дверь знакомой мастерской.

Каждый раз, вручая клиенту новую пару обуви, представлял, что спускаю на воду построенную своими руками лодку. Башмаки круглились боками, поскрипывали свежими швами и чаще всего приходились заказчику впору. Но почему-то казалось, что он все-таки не слишком доволен, да и меня со временем работа перестала удовлетворять.

Дело в том, что наше ателье по пошиву обуви числилось лишь по второму классу. А ведь имелись еще и первый и высший. И изделия там изготавливались совсем другие.

Пошел к главному инженеру комбината бытового обслуживания с идеей организовать ателье первого класса. Тот в принципе не возражал, но считал затею безнадежной. Требовались и мастера определенного разряда, и изделия, способные выдержать художественную аттестацию.

Пришлось настаивать. Идею поддержал мой бывший наставник, опытный Стасис Битаутас. Он всегда говорил, что если специалист остановится в своем росте, он неминуемо соскользнет назад, на нижнюю ступеньку мастерства. А в старом ателье расти дальше нам было невозможно.

Вместе «выбивали» новое помещение, подбирали и учили коллектив, готовили к аттестации образцы обуви, надев которую клиент мог бы произнести слово «сапожник» лишь с уважением.

Все-таки открылось обувное ателье первого класса. Нежданно-негаданно ребята выбрали меня бригадиром. И теперь мы вместе думаем, что пора бы трудиться и по высшему классу.

АЧТОУВАС?

И расскажет
поле...

●
**ЖЕНЬШЕНЬ ИЗ
ОКЕАНА**

Музей одного
экспоната

●
НОВОСИБИРСКУ —
90 ЛЕТ

ПАМЯТЬ

Зачислены навечно

Двадцать лет назад, спасая хлеб на полях Нуринского райспецхозобъединения Карагандинской области, погибли коммунист В. Котешков и комсомолец В. Грибов. Имена их навечно занесены в списки хлеборобов хозяйства, для механизаторов учрежден специальный переходящий приз имени героев, ежегодно лучшие специалисты борются за право снимать урожай с Поля Героев.

А недавно комсомольцы хозяйства предложили учредить специальную вахту памяти в честь огненных трактористов. Их поле, не переставая быть «рабочим» полем, где рождается хлеб, станет одновременно и своеобразным мемориалом. Отныне именно здесь будут принимать молодежь в комсомол, выдавать партийные билеты, проводить праздники посвящения в хлеборобы.

Сергей КОШЕЛЕВ

ЮБИЛЕИ

ОСНОВАТЕЛЬ ГОРОДА — ПИСАТЕЛЬ

Пионеры Новосибирска начали сбор средств на строительство памятника Н. Г. Гарину-Михайловскому. Николая Георгиевича широкие массы знают прежде всего как автора знаменитой тетралогии «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Новосибирцы чтят писателя еще и как основателя их города.

Окончив Институт путей сообщения в Петербурге, Гарин-Михайловский проявил себя как талантливый инженер, работая в конце XIX века на строительстве крупных железных дорог, в том числе Великого Сибирского пути. С сооружением Транссиба связано и возникновение Новосибирска, на месте которого в 1893 году появилась Новая деревня у железнодорожного моста через Обь.

В год 90-летия города школьники его Железнодорожного района и выступили с новой инициативой.

Валерий ОРЛОВ

НОВЫЕ ТОВАРЫ

ПОПРОБУЙТЕ КУКАМАРИЮ...

Это реликтовое донное морское животное в странах Востока получило название «морской женьшень». Водные и спиртовые вытяжки из него считаются «эликсиром молодости».

Студенты и ученые Дальневосточного института советской торговли, проведя тщательные исследования, установили, что кукамарию весьма богата биологически активными веществами, а получаемые из нее экстракты могут служить основой для создания тонирующих напитков, спе-

циальных сортов конфет, печенья. Последние, как выяснилось, помогают людям успешнее преодолевать монотонность труда, лучше воспринимать однообразие обстановки, быструю смену климатических поясов...

Корсаковский рыбозавод и Южно-Курильский рыбокомбинат первыми на Дальнем Востоке освоили и начали выпускать из кукамарию различную кулинарную продукцию и консервы. Кукамарию, тушенную с овощами, приготавливает молодежный коллектив Владивостокского рыбокомбината. А вскоре консервную продукцию из кукамарию начнет производить и Приморский рыбозавод.

Николай ФИЛИПЕЦКИЙ

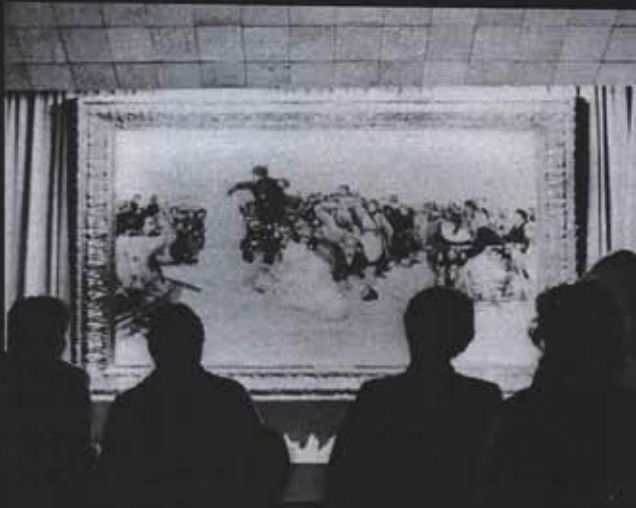
В МИРЕ
ИСКУССТВА

ШЕДЕВР НА ДНЕВНОМ СЕАНСЕ

«Единственный в мире», — с гордостью говорят в Пензе о недавно открывшемся музее.

Небольшой старинный особняк. Вывеска: «Музей одной картины». Зайдем внутрь, поднимемся по лестнице, и вот мы уже в маленьком зале. Плавно гаснет свет, звучит музыка, и представление начинается.

В тот день музей показывал шедевр великого русского художника Василия Ивановича Сурикова «Взятие снежного городка». Саму картину зрители увидят позже — пока ее скрывает

плотный занавес. Перед занавесом экран, на котором демонстрируется слайд-фильм об истории создания картины. Об этом — дальше — рассказывает и литературно-музыкальная радиопозиция, виртуозно сыгранная по сценарию писателя Вл. Порудоминского актерами Михаилом Ульяновым, Яковом Смоленским и Олегом Табаковым. И только тогда, когда зрители погрузились в атмосферу того времени, уходит вверх экран и открывает занавес...

— Наш музей только начинает сейчас свой путь, — рассказывает директор Валерий Петрович Сазонов, — но мы убедились, что идея показа одного-единственного шедевра живописи в сочетании с музыкой и словом себя оправдывает. У музея уже появилось множество друзей. Даже знатоки признают, что ощутили знакомое полотно как-то по-новому.

...А в зале тем временем стихла музыка, включен свет. Зрители как замороженные смотрят на лихую сибирскую игру, на вихри снега, на лица изображенных художником людей — таких теперь знакомых и дорогих. Уходить не хочется.

— Сеанс окончен, — тихо повторяет билетерша, — сеанс окончен...

Николай ЧИЖОВ.
Фото автора

ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» —
ЧИТАТЕЛЬ
НУЖНЫ ЛИ ТАЛОНЫ?

В пятом номере «Смены» за 1983 год под заголовком «Без отметки» было рассказано об эксперименте, который проводили работники алма-тинского магазина № 15 фирмы «Восход».

Посетителям предлагалось свои претензии к обслуживающему персоналу вносить в специальные талоны и оставлять их при выходе из магазина в специальных ящиках. Если же претензий нет, талон оставляется в ящике, но чистый.

Мы получили несколько писем. В них эксперимент оценивается неоднозначно. К примеру, читателю С. Власюку из Кронштадта затея с ящиком кажется абсолютно непродуктивной. Он сомневается, можно ли организовать строгий и честный учет «талонов с претензиями» покупателей, ибо «необходимое число чистых талонов легко взять со склада».

«А всегда ли есть у нас покупателей, возможность вообще записать что-либо даже тогда, когда, как говорится, накопело? — пишет С. Власюк. — В нужный момент может не оказаться ручки, очков». «Не проще ли выразить свое неудовольствие работой того или иного продавца, опустив чистый, а не испорченный «недостатками» талон?» А ваше мнение?

КРАЙ РОДНОЙ
Музей на корню

Пока неизвестно, существует ли еще где-нибудь коллекция, подобная той, которую собрали за много лет ученые Воронежского лесотехнического института и местные лесоводы. Лесная, степная, сибирская, кавказская, лапландская — двести семьдесят пять географических образцов сосны растут ныне в сосновом бору близ деревни Ступино.

Вера ДЯТЛОВА

ПОЭЗИЯ

Одухотворенная простота

Еще в прошлом веке Пушкин сравнил поэта с эхом. О «всемирной отзывчивости» художников слова мы знаем. В этом отношении Язеп Османис, поэт из Латвии, не оригинален, когда в предисловии к своей книге «Аистенок» (1982 г.) говорит, что каждый человек должен «живо и свежо воспринимать мир и отзываться на все его явления (...). Я откликаюсь стихами, а в них одна из главных тем — детство и дети».

Художник — человек, который видит мир как бы впервые и оценивает его так, как никто до него не оценивал. А детский поэт, выходит, вдвойне художник: ведь он голос детства, голос юного мира, который и так впервые! Поэтому и ответственность на нем лежит двойная: за каждое стихотворение, за каждую строфу, за каждое слово даже. Ни в чем нельзя ошибиться. Приходится обходиться без поправок.

Я. Османис это понимает. Читая в его книге стихи, написанные от лица взрослого человека, все равно трудно удержаться от ощущения, что для него жизнь творится сейчас, в эту минуту. Может быть, это ощущение (если воспользоваться выражением поэта Н. А. Заболоцкого) — «значок, который посылает нам» память о детстве? Герой одного из стихотворений Я. Османиса, провожая дочку-первоклассницу в школу, размышляет:

Впереди шагов еще так много! Я тебя до школы провожу. Слово сам я

в первый раз в дорогу С трепетом, с тревогой выхожу.

Впереди на этой дороге — на Великом Пути жизни — ждут читателей Я. Османиса и открытие Родины (стихотворения «Берега», «Близость»), и отблеск зарева Великой Отечественной («Жаворонок»), и мир народных преданий («Сказка о великане»), и таинственная жизнь природы («Над полями Млечный путь мерцает...»), и многое-многое другое.

Ждет его и встреча с поэмой о детстве — «Аистенок». Ее герой вспоминает о прожитой жизни, о матери, об отце. Упругая нить лирического сюжета захватывает и тяжелую жизнь крестьян в буржуазной Латвии, и революцию, и темные годы фашистской оккупации. Повсюду с героем — семья аистов, свивших гнездо над крышей. Есть такая примета: аисты приносят счастье. Но когда аист гибнет — это знак приближения беды: фашисты уведят на расстрел отца. И все-таки жизнь не кончат-

ся. И любая беда отходит в прошлое. И «поля, что потом полны, вспаханы, хлебом запахли». Кстати, любимое сравнение Я. Османиса — сравнение с хлебом: человек целует землю как «хлеб дымящийся», тишина «пахнет свежим хлебом». Детский поэт — это не только голос детства, его выражение; он одновременно и голос, обращенный к детству, дружелюбно направляющий юного читателя. И образ хлеба, несущий в себе нравственный заряд, не случаен в книге Я. Османиса. Книжка, отмеченная печатью одухотворенной простоты.

А какой ей еще быть, если она отзывается миру детства и юношества?

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ, участник «Литературно-критической мастерской «Смены»

ЯН БЕРНАРД

Все, что вобрало сердце

На обложке этой небольшой книги стихов и новелл Яна Бернарда («Дети войны», Ставропольское книжное издательство) — всем знакомая и тем не менее каждый раз заставляющая сжиматься сердце фотография: скорбные глаза ребенка, наполненные безысходным ужасом и детским всепониманием, а перед ними — колючая проволока... Два, казалось бы, несовместимых слова в названии книги — «Дети войны». Есть ли что-нибудь более бессмысленное в этом мире?

Ян Бернад — один из тех, в чье детство ворвалось страшное слово «война» и уже не отпустило ни в юности, ни в зрелости. Он пережил вторую мировую, именно «мировую», потому что для него, сына польского коммуниста-подпольщика, война началась 1 сентября 1939 года с вероломного нападения на Польшу фашистской Германии.

Меня — младенца-крикуна Купала мать в ионьской Висле. У ног плескалась тишина, И синие сияли выси.

Но потемнела вдруг волна. Издалека донесся выстрел. И мать подумала: «Война?» И птицы над рекой повисли.

Отец и двое сыновей нашли свою вторую родину в Советском Союзе. Ян Бернад живет с нами, пишет о нас. Его судьба есть частица того великого единения, которое зовется интернационализмом. Потому так искренне просто звучат слова в предисловии книги:

И пусть меня зовут по-польски Яном, Но вырос я на русском добром хлебе, По-русски я люблю и мыслю... Я каждой жилкою с Россией связан.

Матери, потерявшейся при бомбежке и найденной Яном только через двадцать пять лет, посвящены самые трогательные страницы этой книги. Она — оли-

цетворение родной Польши. Отношение к матери — это нежность и тоска по родине, по материнскому теплу, это желание защитить ее, защитить даже в прошедшем, когда он не был рядом.

И я тебя не уберег От всех мучительных дорог. И от ночей с глухой тоской, И от жестокости людской.

Редко так бывает, чтобы непосредственность восприятия, яркость детских красок, открытая рана переживаний перешли с человеком из детства в зрелость. Ян Бернад ушел из мучительного детства в жизнь человеком открытого сердца. В его новеллах и стихах — юношеская любовь, упоение работой, новые дороги, стремление «себя и мир преодолеть», постоянный поиск.

Ищу, ищу я как геолог, Пласты золотиносных руд. Из сердца вырванный осколок В строку преображает труд.

В его открытиях не только «плеск пощечин» дикой морской волны, «обломок лунного весла» в отражении воды, «лобастые чудовища» — валуны, лугами пахнущий ветер странствий. Вехи его дорог — это люди, их судьбы. Он всматривается в них, живущих и ушедших. В новеллах Яна Бернарда — самые обычные и самые необычные человеческие «истории», замеченные авторским внимательным взглядом. «И бережно в душе коплю я к людям чувства сердечности», — напишет он.

Ян Бернад спешит прикоснуться к неведомому, вырастить свое дерево, найти только свою звезду в союзе планет и созвездий. Так пусть же читатель станет соучастником его поисков.

Марина НИКОЛАЕВСКАЯ

ПУБЛИЦИСТИКА

Дополнения к биографиям

Чем все-таки объясняется огромный интерес к биографической литературе? Что в первую очередь ищет читатель в книгах о замечательных людях прошлого? Примеры для подражания? Ответы на главные вопросы: каким быть, чем, какими принципами руководствоваться в сегодняшней жизни? Уроки истории?.. Наверное, и то, и другое, и третье.

Новая книга Валентина Осипова «Слово и судьбы» («Молодая гвардия», 1982 г.) имеет примечательный подзаголовок: «Дополнения к биографиям». Вошедшие в нее очерки — это не биографии, а именно дополнения к ним. Углубляющие наши знания о людях, проживших яркую, содержательную жизнь, заставляющие еще раз и часто по-новому взглянуть на известные факты и события.

Очерков семь. Они очень разнообразны по тематике, географии, героям. Первый — о Чернышевском, его незавершенном романе «Отблески сияния», о Парижской коммуне и о русских

людях, сражавшихся в ее рядах. Следующий — увлекательное дополнение к вахтенному журналу легендарного крейсера «Аврора», его история, увиденная в зеркале газетных сообщений. Третий очерк посвящен дружбе, теплым взаимоотношениям двух больших писателей — Шолохова и Серафимовича. Панфиловец политрук Василий Клочков — центральная фигура еще одного очерка, прослеживающего становление характера будущего Героя Советского Союза, путь к подвигу, к «звездному часу», к великим мужественным словам: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва». История всесоюзного совещания и вышедшего тогда же, в 1947 году, «Альманаха молодых писателей» — тема «дополнения» — на этот раз к биографиям известных ныне представителей литературного поколения, заявившего о себе сразу после Великой Отечественной войны. И еще два очерка — эпизоды «из наших быстро текущих десятилетий, что связаны с такими особыми символами, как целина и космос»; их герои — лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола поэт Ярослав Смеляков и человек, чье имя известно буквально всей планете — первый космонавт Земли Юрий Гагарин.

Что же позволило объединить столь разнородный материал в рамках одной книги? «Слово и судьбы» — книга публицистическая. Ее герои — люди разные, жившие, творившие, борющиеся в разные времена. Но в чем-то главным они очень похожи: цельностью характеров, устремленностью к идеалу, страстностью, самоотверженностью в выполнении большого общего дела. Их жизнь была горением. Вот и выходит, что книга В. Осипова, по сути дела, — о высоких гражданских, человеческих качествах. Это то, что составляет ее внутреннее единство, что, несомненно, привлечет к ней внимание читателей.

Юрий БУГЕЛЬСКИЙ

Тупики

«Массовой культуры»

Девятнадцатилетний Сид Вишеус был одним из «королей» панк-рока. «Сид резал себя во время представления бритвой», — рассказывает о нем в книге «Как делаются сенсации» («Советская Россия», 1983) журналист Эдгар Чепоров, — и кровь текла по его рукам, лицу, он мазал ее партнеров и зрителей, был поклонником гитарой по голове, курил на сцене марихуану и передавал бычки в зал». Сид Вишеус работал на сенсацию. Средства массовой информации зарабатывали на сенсациях деньги, превращая Сиду в кумира определенных групп молодежи. «Его экстравертная натура», — писали о Вишеусе лондонские газеты, — имела для ансамбля «Секс-Пистолс» огромное коммерческое значение». Пресса использовала эту «экстравертную» натуру до конца. Сид убил свою подругу, а затем погубил от сверхдозы наркотиков. И убийство и смерть стали оче-

редными сенсациями, увеличившими тираж пластинок «Секс-Пистолс» — газет, смаковавших подробности последних дней жизни «короля» панк-рока.

Книга Эдгара Чепорова, много лет проработавшего в Англии корреспондентом «Литературной газеты» и АПН, исследует процесс создания ажиотажа вокруг «звезд» шоу-бизнеса, процесс сотворения идолов, которых призывают поклоняться молодежь. Автор приходит к выводу — и иллюстрирует его многими яркими примерами, — что этот подстегиваемый и нагнетаемый прессой, телевидением, радио ажиотаж имеет свои политические и социальные корни. Правящие классы как-то лиззируют эмоции людей таким образом, чтобы те не угрожали основам буржуазного строя, чтобы эти эмоции трансформировались в истерию вокруг объектов, намеченных самими же средствами массовой информации.

Удача талантливого журналиста, на мой взгляд, в том, что он дает читателю возможность самому оценить работу гигантского механизма по воспроизводству сенсаций.

«Конвейер сенсаций» — в культуре или политике — один из главных элементов бесконечного процесса «промывания мозгов» на Западе. Цель этой высокоразвитой, изощренной индустрии — производство «массового человека», конформиста, принимающего за собственные навязанные ему чуждые, враждебные человеку взгляды и оценки. Этому-то «массовому человеку», оглушенному неистовым, как из гигантских динамиков, в дискотеке, ревом сенсаций, и внушаются идеи о «равных возможностях», о шансе «пробиться наверх».

Через всю книгу проходит тема утраты нравственных ценностей в буржуазном обществе. Автор спорит со своими западными собеседниками, отстаивающими право не только не знать, но и не искать истину. Он показывает, как борьба за «свободу» самовыражения трансформируется в оправдание вседозволенности, в свободу от ответственности. Особо следует отметить, как верную и точную, мысль о том, что подобная тенденция отражает сознательное бегство буржуазных идеологов от взрывоопасных выводов.

Автор знакомит нас с целой галереей делателей сенсаций — литератором Пирсом Ридом, состроившим книгу о «великом железнодорожном ограблении», скульптором-авангардистом Карлом Андре, порноиздателем Генрихом Хануа. Среди них и член парламента, бывший министр Джон Стоунхауз. Запутавшись в финансовых махинациях, Стоунхауз решил сбегать, инсценировав самоубийство. Новоявленный «живой труп» был отловлен — таки в Австралии, его доставили в Англию и... вновь водворили в парламент, отобрав лишь заграничный паспорт.

При всей их straordinaria документальности картины фабрикации сенсаций и конвейерного производства «звезд» приобретают в книге Эдгара Чепорова характер художественных обобщений, помогающих понять истоки духовной нищеты современного буржуазного общества, безнадёжность тупиков «массовой культуры». Сочетание остроумного, саркастического журналистского слова и серьезности анализа — отличительная черта авторской манеры.

Книга Эдгара Чепорова — удачное продолжение завоевавшей популярность читателю контрпропагандистской серии «По ту сторону», выпускаемой издательством «Советская Россия».

Дмитрий АРДАМАТСКИЙ

К югу от Тулы, в стороне от больших магистралей, стоит небольшой городишко с патриархальным именем Богородицк. Обычный, мало кому известный райцентр, каких тысячи в России. Раньше про такие сказали бы: заштатный. Но вряд ли у кого поднимется рука приписать такой эпитет Богородицку. Блеском фантазии российских людей, творением их талантливых рук отмечена его история. Но... Как часто это «но» вынуждает вести рассказ о славных страницах

того или иного города лишь в прошедшем времени. Скажем честно, существовала такая опасность и для Богородицка. Время, войны, фашистское нашествие оставили от былой красоты города лишь развалины. И, может быть, не таким уж скоропалительным было то решение — расчистить само место бывшей архитектурной жемчужины, сровнять с землей, поскольку поднимающаяся из послевоенных руин страна силы и средства свои направляла на восстановление более необходимых ценностей.

Но... Опять то же «но», только уже со счастливым оттенком! Нашлись в городе люди, считавшие невозможным лишить его былой красоты. Партийный работник, местный художник, директор городского музея позволили себе не поверить в невозможность

воскрешения к жизни Богородицкого дворца и парка. Отстаивая свою точку зрения, они — сначала втроем — пришли в бывшую усадьбу с лопатами и кирками. Поначалу они прослыли чудаками, но разве может доброе дело не вызвать сочувствия, поддержки! Скоро их стало гораздо больше. Богородчане поверили энтузиастам и стали энтузиастами сами. Едва ли не каждый из горожан независимо от возраста и занимаемой должности внес свою посильную лепту в воссоздание строгой красоты родного города. Не дожидаясь указаний на то и дотаций.

Прекрасно, когда людей соединяет одно дело. Но если это общее дело в том состоит, чтобы городок, где живешь, возродить, восстановить его славу и красоту, у общности такой новый, высокий смысл

Юрий ОСИПОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

**БЕЛОКАМЕННЫЙ ШЕДЕВР.
КАК И ВСТАТЬ.
«ПАРИТ» НАД ГОРОДОМ.**

В ПАРКЕ СТАРИННОМ...

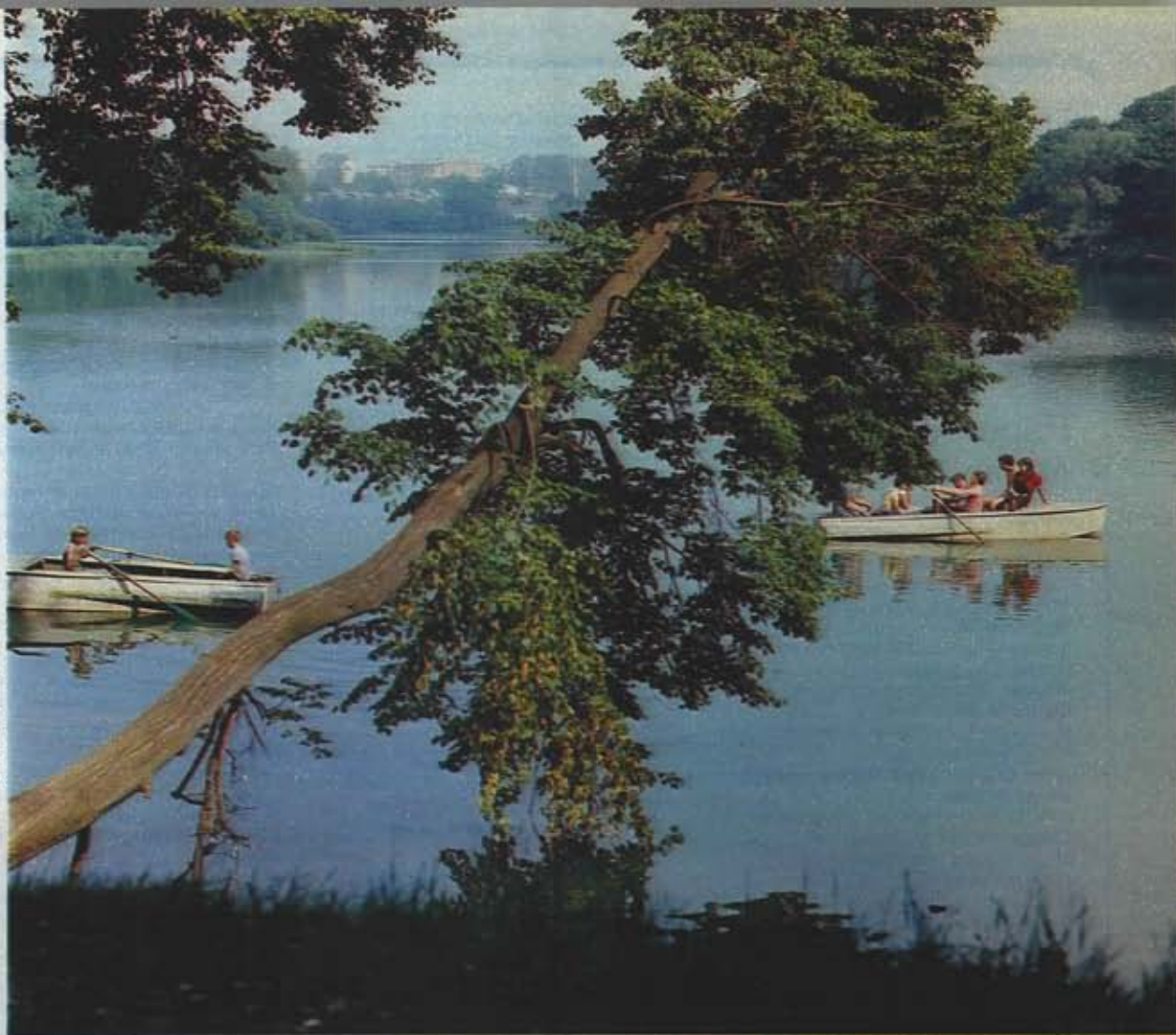
**ПРИУСАДЕБНЫЙ ПРУД—
ЛЮБИМОЕ МЕСТО ОТДЫХА ГОРОЖАН.**

возникает. Имя ему—подлинный, глубинный, чело-
вечный патриотизм, любовь к отчому дому.

...Объять Богородицк взглядом, постичь его класси-
ческий архитектурный замысел и планировку лучше
всего с каменной балюстрады на крыше дворца.
Стоит преодолеть сотню горбатов, потрескавшихся
от времени ступеней, чтобы разом увидеть вдруг, как
сходятся к пологому правому берегу Уперта пересека-
ющие пыльную зелень все те же неизменные лучи
пяти главных улиц.

И тогда преображенный современностью заштат-
ный райцентр Тульской области являет вновь по воле
своего создателя образ древнегреческого амфитеатра:
поперечные улицы—ряды кресел, радиаль-
ные—проходы между ними, зеркало пруда из перего-
роженной реки—сцена, а на ней—немое действие
величавой простоты дворца, словно парящего над
землей.

Парк затейливыми и пышными декорациями окру-
жает дворцовый холм и, как любят выражаться
архитекторы, «держит» вместе с ним город. Тот, что
вырос из небольшой стрелецкой крепостцы, был
потом государевым пашенным заводом, молчаливо
проводил отряд местного воеводы Нелединского в
погоно за прорвавшимися под Чернью разинцами,
кряхтя, тянул суровую ляжку петровской колонизации
края, поставляя лошадей для нужд армии, партизан
в гражданскую, строился, заводил промышлен-
ность, отправлял лучших сынов на фронты Великой
Отечественной, а сегодня дает стране уголь, ремонти-
рует сельхозтехнику, готовит рабочую смену. Город

**ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ДВОРЕЦ
ПОСЛЕ УХОДА
ГИТЛЕРОВСКИХ ВАНДАЛОВ.**

думает о будущем и чтит свое прошлое, которое
напоминает здесь о себе остатками крепостного вала,
археологическими раскопками, славными именами
отечественной культуры.

Давно уже нет в Богородицке шестиугольной цен-
тральной площади с присутственными местами, домом
городничего, казначея и купеческими подворья-
ми с лавками. Однако и теперь, будто воочию,
следишь за пробирающимся здесь невысоким челове-
ком в заляпанном глиной камзоле и завитом парике,
— тем самым, что носил этот город и парк в рулоне
чертежей под мышкой и никогда не повышал голоса
на рабочих.

Звали его Андрей Тимофеевич Болотов.

Современники знали Болотова главным образом
как первого нашего ученого-агронома, автора ори-
гинальной помологической системы и обстоятельней-
шего ботанического руководства. В памяти поколений
этот человек остался, пожалуй, наиболее плодоти-
вым русским писателем-просветителем «осмнадцатого
столетия», подарившим потомкам колоссальный
мемуарный свод, кладезь богатейших сведений о
быте и нравах эпохи. Для подписчиков новиковского
«Экономического магазина» он был многолетним
редактором и фактически единственным сотрудни-
ком сего журнала, в который написал около пяти
тысяч статей. Все же написанное и переведенное
Болотовым заняло бы, по примерным подсчетам С. А.
Венгерова, составителя «Критико-библиографи-
ческого словаря русских писателей и ученых», 350
томов обычного формата.

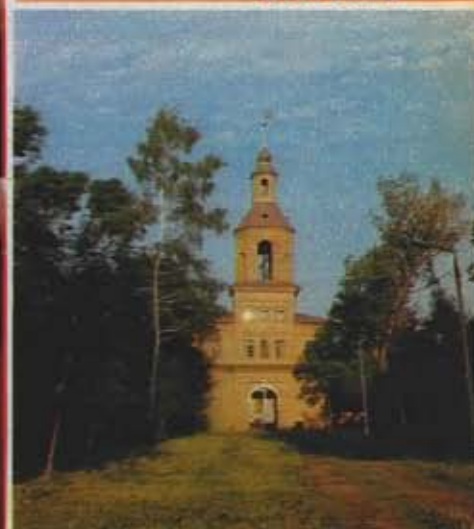
Разработанный Андреем Тимофеевичем образ-
цовый генеральный план Богородицка сделался досто-
янием учебников по истории отечественного иску-
ства. Кичливый петербургский маэстро Лейм при всем
старании не сумел отыскать в болотовских листах ни
единого изъяна и с кислой миной вынужден был
подписать произведение провинциального самоучки.

**ГАРМОНИЮ
ВНУТРЕННЕЙ АРХИТЕКТУРЫ
ДОПОЛНЯЕТ МЕБЕЛЬ
СТАРЫХ МАСТЕРОВ.**

**В ЗАЛАХ НОВОГО МУЗЕЯ
ВСЕГДА МНОГОЛЮДНО.**

**ВЪЕЗДНАЯ
БАШНЯ-КОЛОКОЛЬНЯ,
УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК
XVIII ВЕКА.**

Борис ДУБРОВИН

Были градины, как из металла.
Но дубрава, как будто броня.
Героически лето стояло
На посту до последнего дня.

И под осень от имени ветра
Над землей, где кончился бой,
Награждается лето посмертно
Золотую кленовую звезду.

Ржаное поле после дождя

Когда-то смертными изломами
В края полей
Врезались, как зигзаги молнии,
Ряды траншей...
Но из былого даже окрика
Не услышать...
Какими судьбами удобрена
И эта гладь.
Жарю вкрадчиво повеяло
От поля ржи.
И жаждет это поле жаркое,
Чуть-чуть паря,
Хоть отмахнуться перед жатвою
От комарья
Иль отмахнуться на прощание
Средь тишины
От душного воспоминания
О днях войны.
И над зигзагами затерянных
Седых траншей
Оно размахивает веером
Своих стрижей.

Материнские письма

Материнского голоса тихое эхо.
Слышу, слышу сквозь дни и года...
И повсюду со мною,
куда бы ни ехал,
Эти мамины письма всегда.

Над шитьем наклоненную
даже в разлуке
Вижу, вижу ее пред собой.
И ко мне приближаются
мамины руки,
Чуть исколоты острой иглой.

С бескорыстьем каким
забывала усталость,
Долго-долго трудясь до конца.
За себя и отца эти руки старались,
С той поры, как не стало отца.

Снова кажется мне,
что далекое близко,
Снова, снова меняюсь я сам.
Прикасаюсь душою
К заботливым письмам,
Словно к маминым теплым рукам.

Он касался меня и казался седым,
А теперь оказался таким молодым,
Он расстался с огнем,
но остался живым,

Словно запах России, душою храним:
Как береза,
в рассветы врастающий дым,
Паутину тоски отметающий дым.
В синеву свои ветки
вплетающий дым,
Над некрашеной крышей
витающий дым —
Вечной тайною тающий дым.

Ты — земля молодая
В седилах степей!..
Я — зерно,
И, навстречу летя,
Я себя забываю,
Исчезаю в тебе
И в тебе открываю
Себя.
Грусть и удаль
Настояны дымкой степной,
Взрывом нежности,
Жаждой огня!..
И какое-то чудо,
Сливаясь со мной,
Возродив,
Обновляет меня.

Это — неизменно

Горит костром осенний листопад,
Как будто листья
вырвались из плена.
Как эти листья, наши дни летят...
Ты для меня, как много лет назад,
Вся жизнь моя, и это неизменно.

Седины ни о чем не говорят,
Но в них
так много боли сокровенной.
В них свет любви,
в них отблески утрат...
Ты для меня, как много лет назад,
Вся жизнь моя, и это неизменно.

Прости меня, когда я невпопад
Тебя упреком нехотя задену.
Мои слова обидеть не хотят.
Ты для меня, как много лет назад,
Вся жизнь моя, и это неизменно.

Разлуки нас по-прежнему томят,
Но радость вновь спешит
тоске на смену.
И пусть шумит осенний листопад,
Ты для меня, как много лет назад,
Вся жизнь моя, и это неизменно.

Темнеет... А дорога далека.
В закатной краске неба половина.
Простая песня нашего полка
Шагает рядом с песней соловьиной.

Темнеет... А глаза еще светлы,
И некогда полку остановиться.
Быть может, от вечерней полумглы
Слегка запали щеки пехотинцев.

Темнеет... И гора невысока,
В лицо дохнула влажная прохлада.
Уже на стали крайнего штыка
Замешкался последний луч заката.

Поет ручей в излучине дорог,
И ветер песней рожицу растрогал,
И звонок птичий песенный поток,
И наш напев задумчив и широк,
У всех свой путь неведомый пролегал,
И песни песням помешать не могут.

Дождь в солнечный день

Как струны золотые.
Цветы полей.
И струи дождевые
Светлей лучей.

Земля не замечает
Счастливых слез,
Вошли в нее лучам
Стволы берез.

Стволы в поющей сини
Среди полей
Под струями прямыми
Еще прямой.

Прощание с лебедем

Ночь тревожна, весенняя, чуткая...
И над полем, над сенью лесов
В поднебесье нечаянно чудится
Трубный оклик — растерянный зов.

Лебедь вытянул голову, выкрикнул,
Будто горло от боли свело.
И, взмахнувший
неловкими крыльями,
Разбегается он тяжело.

Грузно-грузно уже отрывается,
Вдруг в смятенье кивнув головой.
Грустно-грустно едва поднимается,
Серой тенью плывет надо мной.

Под созвездием Малой Медведицы,
Как литых парусов острия,
В лунном свете серебристо светятся
Отчеканенных крыльев края.

Он прощается лепетом-возгласом
И со мной, и с весенней землей.
И сливается лебедь со звездами,
И становится лебедь звездой.

«Сушим цветником» окрестила этот проект Екатерина Вторая и повелела «точно таким образом город расплодить».

А ведь Андрей Тимофеевич и не помышлял о лаврах архитектора! Это было так, побочным увлечением, отдохновением души. Равно, как и будущий венец его творчества, «чудо здешних мест» — пейзажный Богородицкий парк, не уступавший, по уверениям знатоков, прославленному садово-парковому фантазиям Гонзаго и Камерона в Павловске и Царском Селе.

Один из первых пейзажных парков в России, созданный к тому же не иностранцем, а русским, он долго служил вдохновляющим примером для подражания.

Мы застаем Андрея Тимофеевича у подножия Богородицкого холма весной 1774 года, когда сюда потянулись со всей округи вереницы мастерового люда, подводы с камнем и лесом. Начинаясь закладка дворца и новой Казанской церкви при нем.

...Десять суток, разбрызгивая талый снег и грязь, скакали из столицы гонцы с указом императрицы, согласно которому город передавался в дар малолетнему сыну Екатерины, князю Алексею Григорьевичу Сицкому «исключительно как дань любви и благодарности к отцу его, бывшему армейскому капитану Григорию Орлову».

По одному из пожалованных богородицких имений — Бобринки владетельный князь удостоился позднее титула граф Бобринский, дав начало известному в России роду крупных землевладельцев и сахарозаводчиков, государственных и общественных деятелей либерального толка.

Так Богородицк, город древний, город заслуженный, получивший при Иване Грозном право чеканить собственную монету, одним росчерком пера лишился уездной самостоятельности и отходил в графскую вотчину.

Но, как знать, не случись этого, возможно, не возник бы в далеком тульском уголке дворцово-

парковый ансамбль, увековеченный именами Ивана Старова и Андрея Болотова.

Они работали порознь и, очевидно, даже никогда не встречались. Но вдохновение их слилось в единую гармонию. Старов, молодой тогда архитектор, которому совместно с Казаковым и Баженовым предстояло закладывать основы русского классицизма, только что возвратился из шестилетней, как бы мы теперь сказали, стажировки во Франции и Италии, куда был направлен в числе лучших выпускников петербургской Академии художеств.

Строительство дворцовых усадеб в Богородицке и Бобринках, первый большой заказ, на котором Старов опробовал свой быстро крепнувший талант, послужило прообразом ряда его последующих созданий. Недаром в плавных линиях стен и купола Казанской церкви угадывается, словно в миниатюре, воздушный абрис Троицкого собора Александро-Невской лавры.

А сам дворец... «Вот сейчас ты увидишь дом, — терпеливо поворачивается к Долли Анна. — Это еще дедовский дом, и он ничего не изменился снаружи».

— Как хорош, — сказала Долли, с невольным удивлением глядя на прекрасный с колоннами дом, выступающий из разноцветной зелени старых деревьев сада.

Таким увидел богородицкий дворцово-парковый ансамбль уже в семидесятых годах прошлого века Лев Николаевич Толстой, когда познакомился на охоте с тогдашним хозяином поместья, министром путей сообщений А. П. Бобринским, внуком первого владельца усадьбы. На страницах «Анны Карениной» не раз заходит речь об этом дворце и парке, ставших в романе именем Вронского.

В ту пору двухэтажный белокаменный особняк на приподнятом цоколе полуподвала казался необыкновенно высоким среди окружающих здание насыпных террас и флигелей. Восхищенный взор путешественников долго следовал за легкими изгибами бельведера и выступавшими по всей длине фасада овальными залами. Они неприметно стекали в боковые закругле-

ния каменной лестницы, а спускавшиеся к пруду земляные ступеньки террасы повторяли все тот же рисунок овала, органично вписывая все здание в холмистый рельеф местности.

План небольшого регулярного парка в духе французского классицизма, правда, несколько смягченный избранным лейтмотивом — плавными линиями, Старов присовокупил к проекту усадьбы. Однако тут уже начинается творчество Болотова.

По должности управителя богородицких земель он, естественно, интересовался ходом строительства и, захваченный старовским замыслом ансамбля, согласился возглавить разбивку парка. Судьба послала ему удобный случай реализовать давно выношенные им идеи художественного вмешательства в пейзаж на больших территориях в комплексе с их хозяйственным использованием.

Предложенный Старовым проект для этой цели не годился, и Болотов смело пошел собственным путем, превосхитив 250 лет назад одну из важнейших задач современной ландшафтной архитектуры.

Охрана и приумножение природных богатств страны — направление, начатое Петром Первым и подхваченное затем Ломоносовым и Нартовым. Именно так расценивал свои парковые «затеи» Андрей Тимофеевич Болотов.

Еще до знакомства с книгой видного теоретика садово-парковой архитектуры датчанина Христиана Гиршвелда он пришел к отрицанию регулярного стиля, непригодного, по его разумению, для русской усадьбы средней полосы.

Гиршвелда Болотов уважал, но отнюдь не склонен был механически переносить рекомендации его на отечественную почву, полагая необходимым «добавлять нечто от себя».

«Мы находимся ныне в таком состоянии, — писал он, — что во многих вещах не уступаем нимало народам иностранным, а с некоторыми в иных вещах можем и спорить преимуществами».

Болотовский парк наглядное тому доказательство. ...Увяжая в сугробах, день за днем без устали

Вдох Микулы Селяниновича

Ушел корнями в старину,
В столетние глубины,
Где, устремляясь в новину,
Гремят,
гремят былинны.

Старинный дух,
Бодрящий дух,
От древности горячий!
С ним зорче глаз,
Крупнее слух,
Как эхо в древней чаще.

Он сладким не был никогда
И потому так влился
Через полевные года
Загаром в наши лица.

Сметал огни,
Сметал он гарь —
И Русь не раскололась.
И Селянинович-плугарь
Выдюживал свой колос.

Под силу колос был ему,
Живым зерном налитый,
Его он сеял и в дыму,
Арканами повитый.

Зерну всходить!
России быть!
Им колоситься вместе.
Тот жизни ход не изменить
Ни полчищам,
Ни смерти.

И колос рвется в высоту
С Микулиного пылу.
И по своей земле иду,
Зачерпывая силу.

И вышину
И глубину
Кроют грома и гулы,
Но ширь,
Прильнувшая к зерну,
Во мне, как вздох Микулы.

Говор юный!
Всплеск вечерний!
Чем мои тревожишь годы?
Или страстью увлечений,
Или близостью природы?

В канители
долгой-долгой
Ты свои уносишь лица,
Чтоб за дальнею дорогой
Тишиною раствориться.

Канешь в полночь,
Канешь в травы,
Говор юный, торопливый,

Соловьям прибавишь славы,
Тайны нежности пугливой.

Меж сверчковых переборов
Возникают тайны снова
От небес,
И от просторов,
И от молодого зова.

Говор юный!
Всплеск вечерний!
На твоих воркуют верстах
Родники в траве весенней,
Словно птицы
В вешних гнездах.

Солнечная вечность мастера

Ангарчанину
Курдюкову Павлу Васильевичу,
часовых дел мастеру.

Часы! Всех наций и времен
Сошлись. И мастер между ними.
Они мертвы.
Теперь лишь он
Дух солнечный в часах подымет.

Их жизненный свершился круг,
Поблекла роскошь циферблатов.
Иссохли. Потеряли слух
Часы, игравшие когда-то.

Футляры ли теперь на них? —
Как после драк медвежьих шкуры.
Неужто в звуках молодых
Неслись над стрелками амурь?

Часы! Где времени в них пульс?
В них солнца смолкнули капели.
А мастер, словно вечность, рус
И строен, словно вечность, в деле.

И в ржавчине, как в темноте,
Строй ищет бережная спица,
Где механизмы в немоте
Готовы в дупла превратиться...

В кладовых, в мусорной тиши
Нашлись пружины и цепочки,
И мастер бережно в тиши
Сближает стрелки, словно строчки.

Лишая ржавчины, как пуг,
Разбудит ход часов старинных, —
Как напряженный дух минут
Вдохнет в ленивые пружины.

И словно пламя понесет —
Вскипит деталей плоть живая,
Часов оборванный полет
Всплеснется, в вечность улета.

Когда поэзия часов
С его поэзией сольется,
Их торжество наполнит кров
Хвалебным древним гимном солнца.

Часы не просто здесь звучат
Среди тайги и вод байкальских:
Пройдя тревог, забвенья ад,
Они рассказывают сказки.

Ему подвластны одному!
Он столько оживил навеки
Часов, слетевшихся к нему, —
На солнце проступили стрелки.

Между зорями — высокий
Вечный небосвод.
Встанет солнце,
Сядет солнце —
Он вершит полет.

И, оглядывая землю,
Все ее края,
С солнцем
Ходят звезды кругом,
Словно кровь моя.

И касаются в том небе
Солнечных вершин
И моя мечта о счастье,
Мать,
Жена
И сын.

обходил старейший ученый окрестности, намечая, «чему бы которое место способнее и где обделаться сообразно с новым видом бугры и горы» для задуманных им торжественных утренних, полуденных и вечерних сцен.

Едва сошел снег, на расчищенные площадки начали свозить деревья. По плану Болотова их предстояло высадить несколько тысяч. За весну не успели. И Андрей Тимофеевич, которому не терпелось поскорее дать парку «образование и вид», отважился продолжить начатое летом, впервые, быть может, осуществив посадку деревьев с уже развернутыми листочками.

Рискованное предприятие удалось благодаря обильному и умелому поливу. Причем Болотов не смутило отсутствие поблизости водных источников, и он, проявив себя также отличным дендрологом, заставил работать грунтовые воды.

Мало того, Андрей Тимофеевич загорелся мыслью создать в парке уникальную водную систему с террасными прудами и водопадом. Отыскав в двух верстах отсюда меленький ручеек, он повел его русло по косогору к нужной отметке, придумал хитроумные перепуски. Грунт оказался слишком рыхлым, вода уходила в землю. Но Болотов и тут не отступился. Залежи синей глины подсказали ему оригинальное решение — выложить тонкими прочными пластинами дно и стенки ручейка, а сверху присыпать песком. Водовод получил надежное ложе и вместе с тем естественный вид...

Строительство парка продолжалось не один год. Но уже летом 1774 года холмистые берега Большого богородицкого пруда оделись нарядными рощами и перелесками, которые чередовались с солнечными полянами. В трех искусственных прудах вода была настолько чистой, что там заплескалась даже серебристая горная форель и другая редкая рыба, разводимая Болотовым. За дамбой нижнего пруда, украшенной молодыми липками, выросло несколько насыпных островков, их связали поэтические мостики. Искрящейся алмазной пылью каскад водопадов с разноцвет-

ным, как в Петергофе, дном довершал пейзаж вокруг Каменного павильона.

Сам павильон Андрей Тимофеевич воздвиг тем же летом, руководя раскопками Песчаной горы. В ее плотных, цветных отложениях он распорядился вырвать сводчатые пещеры с колоннами в красных прожилках, а снаружи велел разбросать в художественном беспорядке глыбы песчаника, так что они напоминали какую-то древнюю «руину».

Август и сентябрь Болотов посвятил еще одной парковой жемчужине — гроту. Отвергнув традиционный наземный павильон, изобретательный зодчий велел опустить в старый погреб на месте сгоревшей за год до того Поповской слободы четырехугольный сруб, покрытый небольшим восьмиугольным сводом. Сырую штукатурку стен усеяли толченой слюдой, ракушками и посеребренными орехами. Все это покрыли лаком. Световой эффект получился неопределимым. Вдобавок для большей «куриозности» в фонарь свода вмонтировали своеобразный перископ, позволявший посетителям любоваться городом и Большим прудом.

Была припасена в гроте и шутивая выдумка — потайные зеркала при двух боковых входах. Попав внутрь, гость видел направляющегося ему навстречу человека, снимал шляпу, чтобы раскланяться, и... оборачивался, смущенный дружным хохотом сопровождающих, довольных удавшимся розыгрышем.

Гуляя в парке, можно было пройти мимо грота и не догадаться о его существовании — перед глазами зеленел лишь невинный холмик с мраморным бюстом на нем.

Андрей Тимофеевич на том, однако, не успокоился и за неделю смастерил беседку в форме триумфальной арки, раскрасив ее с помощью сына и маляра под старый камень. Неожиданно выяснилось, что произнесенное шепотом в 80 шагах от беседки слово повторяется в ней несколько секунд подряд. За столь выдающиеся акустические свойства беседка получила прозвище «Жилище Эхи», а прилегающая к ней лощинка была названа «Эхонической».

И, наконец, заброшенный подземный ход, который некогда вел из крепости к пруду, Болотов тоже превратил в колоритную деталь своего паркового действия.

Содружество рукотворной и нерукотворной природы ошеломляло неистощимым разнообразием, и перед взором гуляющих непрерывно сменялись живописные картины: «меланхолические» либо «смеющиеся» сцены.

Скажем, по узкой, извилистой тропинке вы поднялись к укромному местечку в лесной чаще. Черная пирамида «наподобие некоторого надгробия» с соответствующими надписями по краям настраивала на грустный лад, навеивая мысли о бренности всего земного. Но вот еще несколько шагов сквозь заросли — и «смеющаяся сцена» приветствовала вас идилическими лужайками отлогого склона холма, «изгибами и мысочками» тенистых опушек Церериной рощи, багряной россыпью цветов на изумрудном ковре террас.

Центральные аллеи парка прорубались широкими, удобными для езды в линейках и даже в каретах. А рядом манил таинственный сумрак лабиринта боковых аллей и тропинок, в конце которых непременно открывался какой-нибудь привлекательный вид или очередной аттракцион с сюрпризом, типа распространенной тогда «улитки».

Красивый бугорок из дерна вроде бы не сулил никакого подвоха. Гости подходили, взбирались на него, и в этот момент по неяркому знаку устроителя садовник приводил в действие потайной шлюз. Вода окружала «улитку» сплошным озерцом, обливая собравшихся, вызывая испуганные возгласы, шуточки, смех. Потом перебарщивались мостики, и «пленники» могли благополучно выбраться на сухое место.

Таким был Богородицкий парк в лучшую свою пору, сразу после создания. С отъездом Болотова в середине 1790-х годов он лишился настоящего пристрастия и постепенно пришел в упадок. Толстой видел парк уже

ЭТОЙ ЛИСТВЕННИЧНОЙ АЛЛЕЕ ОКОЛО ПОЛУТОРА ВЕКОВ.

без большей части его интереснейших сооружений, водопадов, прудов.

В истории русской архитектуры значились печальные строки: дворец в Богородицке существовал до 1941 года. Гитлеровцы оставили после себя лишь зияющую оконными провалами обгоревшую коробку. Мало что осталось от парка... Похоже было, навсегда исчезает с лица земли краса и гордость здешнего края.

Спасение явилось от самих богородчан. Художник П. Кобяков, директор местного краеведческого музея Б. Акользин, почетный гражданин города персональный пенсионер, в то время партийный работник С. Потапов и многие другие развернули кампанию за восстановление дворца и парка. Нашлись добровольные помощники в Москве и Ленинграде. Энтузиастов поддержали горком партии, горком комсомола, работники Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры...

Надо было видеть, как в любую погоду трудились на субботниках горожане — от мала до велика, как шаг за шагом уточняли расположение каждой постройки, каждого дерева. Архитектор-искусствовед Л. Тьдман, его коллега Е. Караваева, старейший ландшафтный архитектор М. Коржев, историк Н. Малеванов откликнулись на благородный порыв богородчан. Они просиживали в архивах, тщательно изучая сохранившиеся болотовские чертежи и рисунки усадьбы, приезжали в отпуск и на выходные в

Богородицк и брались за кирки и лопаты наравне с шахтерами, служащими, учащимися школ и ПТУ.

Большая, кропотливая работа продолжалась не год и не два... И поднялся из руин старовский дворец. Отстроена до основания разрушенная въездная башня-колокольня XVIII века, вернув усадьбе прежний облик. Проведена реставрация фасада Казанской церкви.

Почти все это сделано руками энтузиастов, на общественных началах — случай беспрецедентный, если учесть объем и сложность восстановительных работ. Не забыт даже «кирпичный паркет» в подвале винного погреба. Сотрудники музея-усадьбы мечтают наладить остроумные приспособления бывшего кухонного ледника...

Да, теперь в возрожденном дворце музей, а у фигурных ворот ограды — «охранная грамота» государства.

С пронзительной явственностью оживает листовая графика Андрея Болотова в контурах Березовой и Липовой аллей, в намечающейся уже цепочке будущих тугих башкетов и в пышных цветочных клумбах перед крыльцом. Санитарная расчистка сотен гектаров леса, укрепление оползней и корней наиболее старых деревьев, новая Церерина роща — все это предмет законной гордости богородчан. Однако полное воссоздание парка с его водной системой и всевозможными сооружениями еще впереди. И потребует оно серьезных совместных усилий специалистов разного профиля.

Еще ждут достойной экспозиции трогательно выбеленные стены дворцовых покоев с сиротливо приту-

лившейся по углам случайной мебелью. Ждут бригад квалифицированных художников-реставраторов бездействующие леса под сводами Казанской церкви, где сохранились остатки ценнейших старинных фресок.

Ну, а разве не заслуживает восстановления изящное здание художественной школы и библиотеки искусств, возведенное чуть пониже церкви в 1778 году по проекту архитектора Сокольникова? То была одна из первых в России школ для «конюховых детей»; в соседнем же флигеле Андрей Тимофеевич организовал опять-таки первый в России детский любительский театр и сам выступал его режиссером, драматургом, декоратором и актером.

Стоит, наверное, пожалеть и о воздушном домике в стиле «шале» в дальнем конце парка, где в первую мировую войну С. А. Бобринская открыла бесплатные курсы медсестер.

Все это наше прошлое, наша память...

Сегодня из Москвы в Богородицк добираться несложно. За Тулой оживленное шоссе передает эстафету добротному грунтовому проселку, петляющему среди совхозных полей и новостроек. Можно отважиться пуститься в путь и по железной дороге, с пересадкой до маленькой станции, носящей красноречивое название: «Жданки». Местные жители шутят, что отсюда ходит «самый медленный в мире поезд».

Поезд этот и впрямь тащится шагом, не поспевая за будничным ритмом богородицкой жизни. С утра до ночи громяют через центральную площадь грузови-

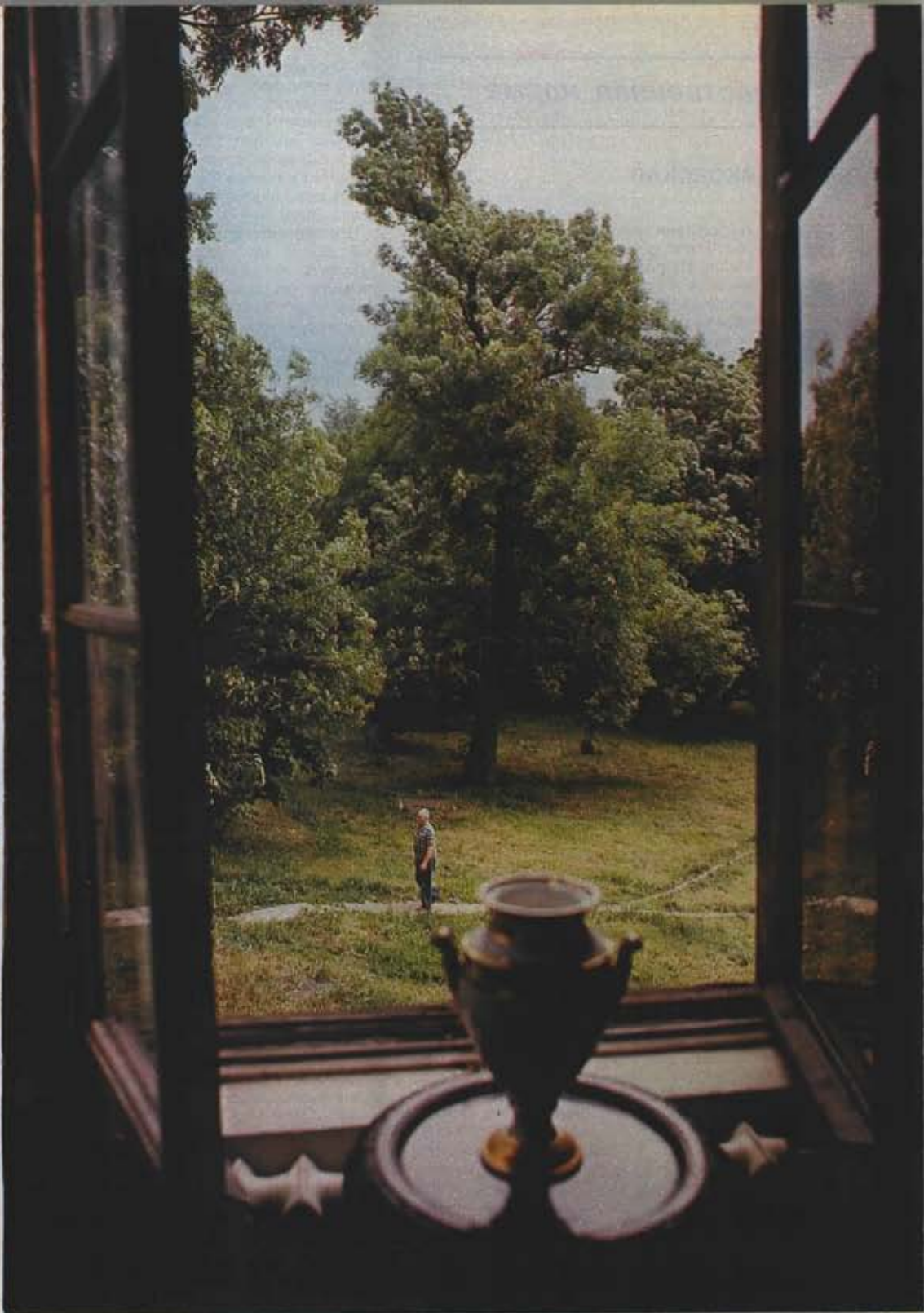

**ТВОРЕНИЕ
АРХИТЕКТОРА
ИВАНА СТАРОВА —
ДВОРЕЦ
В БОГОРОДИЦКЕ.**

**ОДИН
ИЗ ИНИЦИАТОРОВ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ
УСАДЬБЫ —
П. С. АКОЛЬЗИН.**

**ПАРК ПОДСТУПАЕТ
К САМЫМ ОКНАМ
ДВОРЦА.**

**В СТРОГОЙ АНФИЛАДЕ
ЗАЛОВ РАЗМЕСТИЛИСЬ
ЭКСПОНАТЫ МЕСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ.**

**ЗОДЧИЙ БОГОРОДИЦКОГО ЧУДА
АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ БОЛОТОВ.**

ки, разбираются телефоны в кабинетах шахтоуправления. На Доске почета района — фотографии передовиков, известных далеко за пределами области.

День первого секретаря Богородицкого горкома ВЛКСМ Б. Горбатенко расписан по минутам. Но нежные синьки проекта реставрации парка он держит на видном месте и ориентируется в них как заправский специалист. Обращаться к ним ему приходится постоянно. Вот и сейчас Борис увлеченно водит пальцем по тонкой паутинке линий, совещаясь с членами бюро, где прорезать осенью заросли, вырубать ненужное. (Мемориальный парк не лес, он требует неустанный ухода, «полировки», особой меры художественного чутья и вкуса.)

Все это освоили за годы шефства над парком городские комсомольцы. У каждой организации свой участок работ. Уже ближе к вечеру нам встретились на центральной аллее вихрастые подростки из СГПТУ-30. Они несли лопаты и носилки, направляясь после занятий сажать по реставрационному плану березы. Видели мы также школьников, старательно поливавших в жару молодые деревца.

Ребята сами же и охраняют парк (больше, в сущности, некому), следят за порядком. Бывало, подгулявшие компании выламывали металлические прутья ограды, жгли на полянах костры, усеивали траву пустыми бутылками. Теперь такое случается все реже. Общее детище города, возрожденный болотовский парк исподволь перевоспитывает даже самых «трудновоспитуемых», незримо влияя на их сознание, совесть.

И еще об одной молодежной инициативе. В Казань

ской церкви, когда закончится ее реставрация, комсомольцы города решили устроить своими силами маленький концертный зал, а в башне открыть библиотеку.

Многолюдно вечерами в городском Доме культуры, и звуки музыки долетают до притихших парковых аллей. По воскресеньям сюда приходят семьями и, любясь колышущимся отражением белых стен дворца в темной воде Большого пруда, вспоминают, как «всем миром» подымали со дна его камни, как штурмовали завалы битого кирпича и арматуры...

Не только невидимую ранее точку, словно испускающую лучи улиц Богородицка, открыл болотовским землякам воссозданный дворец. Тайную пульсирующую точку душевного родства и сопричастности чуду родного города ощутили они в себе самих, приложив руки к тому, чтобы чудо это обрело былую красоту и соразмерность.

Не случайно горожане говорят о Болотове просто — как о близком и понятном человеке. Любкой мальчишка здесь знает его «в лицо».

16 октября богородчане соберутся в парке отметить 150-летие со дня смерти А. Т. Болотова. Съедутся гости из Москвы, Ленинграда, Тулы. Жители города радостно поделаются с ними своим сокровенным достоянием.

Нелегко завоеванное богатство их отныне принадлежит нам всем.

Потому надо помочь землякам ученого и писателя довершить начатое, памятуя слова Андрея Тимофеевича Болотова: «Я служил не какому-то Бобринскому, а России».

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Эта история произошла в уважаемой, достойной семье. Владимир Петрович с женой собрались куда-то, не то в гости, не то в театр, и уже вышли на улицу, когда он сказал, что должен подняться обратно в квартиру. Долго ждала она у подъезда и, наконец, поднялась сама. Муж лежал на полу мертвый, а на столе белела бумажка: «Это вернулось. Больше не могу».

— Я знала,—твердила потом его жена,—знала, что счастьем нашему уже не бывать, что это вернется. Оно не отпускает.

Идет по улице молодая, веселая компания—ведь хорошо, что веселая, не так ли? Но взгляните в идущих—лица ребят воспалены, речь возбуждена, смех у них неестественный. Не нравятся мне это веселье, мне даже хочется остановить ребят и объяснить им... Ну, это глупей не придумаешь, я понимаю, останавливать кого-то на улице и что-то объяснять. И совсем не только потому, что мы незнакомы,—даже человеку, с которым давно и хорошо знаком, трудно в подобных случаях что-то объяснить и доказать: всю мою аргументацию он знает не хуже моего, сто раз слышал и давно уже выработал контраргументацию: «А что, захочу и завяжу, хоть завтра». Или: «Не на твои, между прочим, пья». Но от невозможности объяснить сама проблема, как всякому понятно, легче не становится, и молчать тоже нельзя.

В одном из своих фильмов Чарли Чаплин катит на роликах, каждый раз чудом проносясь по самому краю многоэтажного провала. Вот так порой и иные люди, особенно молодые, мчат жизненным полем, забыв о нравственных нормах. Надо же их как-то предупредить? Хотя бы попробовать?

В редакцию «Смены» пришло письмо пятнадцатилетней Лены П., которая не без бравады сообщила: да, они собираются компанией (девочки от тринадцати до восемнадцати лет, мальчики от четырнадцати до двадцати), идут в какое-нибудь парадное, «*ребята начинают играть на гитарах, девочки курят. Вытаскивается бутылка, стакан идет по кругу. Нам весело, понимаем, весело! Весело петь под гитару, весело пускать дым и потягивать вино. А рядом с тобой сидит парень, который называется твоим, и ты называешься его девушкой. Потом наступает «балдеж», извините, опьянение—и вот это ужасное времяпрепровождение нам дороже всего!*

Прочитав это письмо, я решила тут же ответить на него публично и села за работу. Тогда она мне не казалась трудной: что сказать, я знала, а это самое главное. Все, что я тогда писала, было правильно, как дважды два четыре, но очень скоро мне стало ясно, что добродетельная часть населения согласится со мной с первого же слова, а для тех, кому весело распивать вино на ступеньках в подъезде, моя аргументация вряд ли интересна. Ведь им хочется, чтоб было весело, а мои рассуждения будут явно невеселы. Но, может быть, надоест им все-таки веселиться, думала я, захочется серьезного разговора?

Странно было бы выступать против веселых компаний—напротив, общение людей друг с другом, именно веселое свободное общение, не собрание и не заседание, а просто компания приятных друг другу людей, которые собрались вместе, чтобы провести время,—без такого общения жизнь значительно потеряла бы в цене, это бесспорно. Но «провести время»? В конце концов жизненного времени нам отпущено не так-то много. Юность, как правило, не считает его, это время, и вряд ли можно ее за это корить. И обязательно ей хочется, чтоб было весело, что тоже, разумеется, не худо. Вопрос в том, что значит «весело». На чем оно основано, это веселье?

Ни на чем, просто так, весело—и все. Но ведь просто так ничего не бывает, добавлю я.

Ну, знаете, возразит иной молодой читатель, если вы уж и веселье начнете анализировать, если по поводу его начнете нам мораль читать, от него уж и вовсе ничего не останется.

Правильно. Но, между прочим, от него и так ничего хорошего не остается, от веселья в подпитии, после него становится совсем даже невесело.

Замечали ли вы, как собирается застолье (любых возрастов)—с подъемом, с радостью. Украшают стол, украшают себя (особенно женщины), все приходят красивые, в радостном, приподнятом настроении—и приступают. Но в иных компаниях—это, конечно, вовсе не обязательно, но быва-

ет—по мере того, как разрушается, опустошается стол, начинают то тут, то там закигаться огоньки раздражения, все чаще и чаще, пока, наконец, не вспыхивает ссора. Как часто слышат судьи: «Решили мы, значит, собраться. Ну, выпили, конечно...»—и далее следует какая-нибудь история, удивительная по своей нелепости и жестокости. А ведь собрались повеселиться и поначалу в самом деле веселились.

Что же произошло?

А то и произошло, что собрались выпить-закусить, что именно от этого ждали веселья. Не от радости общения, не от остроумной беседы, а именно от «выпить-закусить». Но когда сыт, есть уже не хочется, просто немогут; когда пьян, уже противно пить. И тогда наваливается тоска, а с ней и раздражение. Когда собственного душевного подъема не хватает, начинаются поиски, где бы занять.

Но душевный подъем, кстати, берут взаймы не только у рюмки. Вот сидят ребята, смотрят какой-нибудь остросюжетный фильм или захватывающий хоккейный матч. Сколько в них энергии! От избытка волнения или восторга они вопят, подсакивают на стульях и машут кулаками в воздухе. Они долго еще будут на подъеме—в великом возбуждении идут они из кинотеатра или со стадиона, в их воображении еще скачут кони и забиваются голы. Но затем неизменно наступает спад, и не может не наступить, потому что не они скакали на коне и не они били по мячу, это делали другие, они только подсакивали на стуле и махали кулаками. Заемный был огонь и потому потух. Можно поддержать его, добавив спиртного, но и он в конце концов потухнет, чтобы уступить место—чему? Равнодушию? Тоске? Во всяком случае, спаду.

ПЬЖНИК В

«Ну и что же,—возразят мне,—что плохого в этом разнообразном «балдеже», он—отключение, которое время от времени необходимо; к тому же в состоянии легкой дурманной неясности есть своя привлекательность, блаженное состояние и безобидное».

Отключение? Но, может быть, рано отключаться от жизни, в которой еще ничего сделать не успел? А что касается до блаженного и безобидного состояния... Одна моя знакомая, вернувшись утром из командировки, нашла у себя в подъезде среди мусора и бутылок девчонку лет пятнадцати, размазанную (несмотря на это, бледную, как смерть) и пьяную—это ничего?

Безобидное ли?

Как это было? Тогда в подъезде стакан безостановочно шел кругами, и гитара брэнчала всю, и песни пелись, и девчонка сидела на подоконнике, рядом был ее парень. Впрочем, сперва было не так уж и хорошо. Разговор шел вяло, кажется, о новых дисках грамзаписи. Выпили вина, еще добавили чего-то, и сразу стало славно: они сделали занятны, говорили, как им казалось, умно и остроумно. К тому же они сидели рядом, и оба были счастливы той общностью, которая выражается словами «мой парень», «моя девушка».

Потом она заснула, ребята стали разбредаться, и он, ее парень, тоже пошел куда-то, не заметив, что она, его девушка, осталась в подъезде.

И тут—внимание! Он не заметил. Он, ее парень (это значит, за нее отвечает или нет?), оставил ее валься на ступеньках—беззащитную и гондую только для вытрезвителя. Спросите его, как это получилось, он ответит, что «забалдел», и будет считать, что достаточно объяснился. «Забалдел»—это значит вообще ни за что уже не отвечает? Он и на улице о ней не вспомнил, хоть и трезвел от свежего воздуха. По мере того, как он трезвел, ему становилось все скучнее, все тоскливее. Приглядитесь к нему, ведь это бедняга идет. Бедняга, который не понимает ни себя, ни своей тоски.

В данном случае все в общем-то обошлось, а ведь могло и не обойтись: девчонка запросто могла попасть в руки пьяных негодяев, а мальчишка—под машину. (Впрочем, все это вообще редко так просто обходится.)

В том-то и дело, что начинается все мило и весело и некоторое время так и идет: после похмелья снова встречи, снова становится весело, а кончается...

Не надо быть медиком, чтобы сообразить, что вялое сидение по подоконникам и подъездам (кстати, подъезд можно заменить уютным кафе, это ничего не изменит) здоровью не способствует и что

ребята, которые ходят в походы, будут поздравнее. А если представить себе, каких усилий стоит юному организму расти, формироваться, перестраиваться, то алкогольное и всякое иное «балдежное» отравление представится прямым предательством по отношению к этому единственному своему организму.

Все знают, что от алкоголизма разрушается печень, деградирует мозг, но некоторые молодые люди об этом не думают, им кажется, что это у других деградирует и разрушается, а у них ни за что, у них всегда все в порядке.

Один из героев Шекспира говорит после попойки другому: как же это человек решается пить зелье, которое превращает его в дурака и скотину? Действительно, ведь странно—эта загадка, которая стояла перед людьми века назад, стоит перед нами и сегодня. Не поумнели мы, что ли? Очухавшись поутру, нередко избитым и обобранным, человек ничего не помнит. Что делал? Что с ним делали? Ясно ведь, что его можно обвинить в чем угодно, и нечем будет ему оправдаться. Известная история, она была в печати, когда такому вот пьяному подложили окровавленный нож и он, проспавшись, сам поверил, что в беспамятстве кого-то убил!

Вот и Лена П., судя по ее письму, не совсем представляет себе всей опасности. «Нам говорят,—пишет Лена,—сегодня он выпил, а завтра убьет». Какая ерунда!»

А я ей в ответ расскажу такую историю.

Игорь был совсем неплохим парнем, добрым и покладистым. Однажды выпив и приятно (именно приятно) захмелев, он пошел на танцплощадку в олять же приятной уверенности, что встретит там свою девушку.

Но его девушка с ним, хмельным, танцевать

отказалась—не бог весть какая трагедия, не так ли? Но Игорь, который все больше хмелел, воспринял отказ именно как трагедию, как незаслуженное и неслыханное оскорбление. И тут на танцплощадку зашел Костя, хороший Игорев друг. Он был старше, уже женат, уже отец, проводить время на танцплощадке ему было некогда, он и зашел-то сюда, чтобы повидать друга. Игоря он не увидел (тот в гневе, в злобе стоял в стороне от танцующих), зато увидел его девушку, подошел к ней и—как раз заиграла музыка—протанцевал с ней один танец. Протанцевал (разумеется, не зная, не ведая, что девушка отказалась танцевать с его другом) и пошел восво-яс. Сколько мог длиться один танец—несколько минут? За эти несколько минут в воспаленном мозгу Игоря, его несчастном «забалдевшем» мозгу все окончательно перекошилось. Он догнал Костю и преградил ему дорогу.

— Где у тебя сердце?—спросил он.

Костя улыбнулся в ответ и похлопал себя по левой стороне груди.

— Вот где у меня сердце,—сказал он.

То были его последние слова. Игорь ударил ножом и тут же стал быстро и страшно трезветь, а протрезвев, увидел, что сидит рядом с мертвым.

Я нашла этого парня в тюрьме полубезумным от горя. Время от времени Костя приходит к нему во сне и спрашивает: «За что ты меня?» А Игорь ни во сне, ни наяву ответить ему не может. Он не знает, как это случилось, кто направил его удар. (И ясно ведь, что ни перед собой, ни перед другими Игорь не мог оправдаться тем, что был пьян,—закон, как известно, считает опьянение не смягчающим, а, напротив, отягчающим вину обстоятельством, и он прав.)

А вот еще одна грозная опасность, исходящая от алкоголя. Когда видишь на улице синего, опухшего, дрожащего ханурика, уже явно деградировавшего, невольно с ужасом думаешь: ведь у него же, наверное, есть дети, это им, ни в чем не повинным, за него расплачиваться. И тут же гонишь эту мысль, утешаешь себя: может быть, не так уж страшно, может быть, все это как-то и обходится?

Нет, не обходится! Несколько лет назад Киевская студия научно-популярных фильмов, основываясь на строгих данных медицины, показала нам—со всей беспощадностью!—какие дети рождаются у алкоголиков. Стоит у доски девочка лет четырнадцати и не может написать слово «мама». Ясно улыбается—она не удрученанисколько. Но это легкий случай. Перед нами на экране кошмарной чередой проходят крошечные (на вид несколько месяцев)

уродцы с подвернутыми ножками—им по двадцать лет! Хочется не видеть, закрыть глаза, да никак нельзя. О страшных, грозных делах идет речь. О них надо знать, надо бить тревогу, предупреждать тех, кто не понимает этой опасности.

Недавно в «Смену» пришло письмо, написанное на листках из тетради в клетку. «Я живу в Иркутске,—пишет Наташа С.,—и очень люблю свой город. Учусь в школе, мне еще пятнадцать лет. Еще пятнадцать, а я уже пью. Мы пока никого не били, но вот что самое страшное, что это может случиться в одну из наших пьянок, ведь, когда мы пьем, мы теряем над собой контроль, уже не соображаем, что делаем.

Я забросила учебу и книги, мне вообще ничего не хочется делать. Придешь домой пьяная, какие тут уроки, ничего в голову не лезет, лучше всего спать. А утром с больной головой в школу, а то и вообще не идешь. Пьем по праздникам и так, от нечего делать. Времени свободного много, не знаешь, что делать, вот и идешь к магазину. Ну, а что же еще остается, если вечеров в школе почти нет, а бывают, так неинтересные, каток закрыт, фильмы уже все пересмотрела. Когда выпьешь, обязательно найдешь друзей, и уже не так скучно, правда, разговоры чаще всего о вине или водке, бывает, что меняется тема, но это редко.

Зачем я пью? Чтобы быть как все. Я имею в виду, как все мои друзья.

Пусть я сегодня поняла, что не нужно пить, а завтра? Завтра, когда друзья протянут мне стакан с вином, что я тогда должна делать? Отказаться? Но ведь быть одной трезвой среди пьяных некрасиво. Уйти? Или остановить их? А не поздно?

ПОДЪЕЗДЕ

Уйти я не смогу, ведь это значит бросить в беде и отвернуться от друзей. Хотя некоторые из них друзья по пьянке.

Сейчас мне даже не верится, что когда-то я смотреть не могла на вино и все удивлялась, как люди пьют, а ведь с тех пор прошло мало времени. Мы пьем в подъездах, на улице и дома. Однажды я с подружкой зашла в магазин, купили бутылку и пошли ко мне домой распить. Дома был отец, он с каким-то незнакомым мужчиной пил на кухне, а мы пили, закрывшись у меня в комнате.

Мама никогда не замечает, что я пьяная. Почему? Почему она видит, пьяный отец или нет, а меня не замечает?

Мама... Когда-то я ей рассказывала все, но она потеряла мое доверие, и теперь, хотя мне часто бывает нужен ее совет, я не пойду к ней, как бы ни было трудно. Я пойду к подружке.

Может, взрослые думают, что их детям не бывает трудно, что нам только во сне снятся неприятности? Я немного отклонилась от темы, но мы много говорим об этом с подружкой, когда трезвые, да и не только с ней, а часто и в классе обсуждаем это, если не поступит предложения: «Девчонки, у кого есть деньги? Давайте сегодня выпьем». Соберем деньги и пойдем в магазин, и нам отпущают вино, хотя здесь же висит табличка, что несовершеннолетним спиртные напитки не отпущают.

А люди, стоящие вокруг, почему вы молчите? Ведь, может, ваш сын или ваша дочь так же покупает вино, только в другом магазине.

Меня друзья и подружки вряд ли послушают, если я им скажу: «Не надо пить! Это вредно. Это может привести к плохим последствиям». Ведь они это и сами знают.

Парня еще может спасти армия, а вот девчонку только вы, парни. Так постарайтесь на помощь к девчонкам! Отберите сигареты и не давайте им пить!»

Письмо Наташи С. вызывает сочувствие и тревожит. Да, ей трудно. И все же я скажу жестко нашему юному автору: не ждите помощи от добрых тетей и дядей, спасаться надо собственными силами. Конечно, как было бы хорошо, окажись рядом взрослый умный друг, но такового не оказалось. Большое впечатление произвело на меня Наташино обращение к парням: «Поспешите на помощь к девчонкам! Отберите сигареты, не давайте им пить!» Но ведь у парней примерно те же проблемы... Так что собственными силами—только так. Не слишком ли жесткий разговор по отношению к пятнадцатилетней? Но если в пятнадцать лет пьешь

вино, то и спастись в пятнадцать лет приходится самому.

Наташе кажется: были бы интересными школьные вечера, работал бы каток и чаще давали бы новые фильмы—все было бы в порядке. Но неужели развлечения тут помогут? Неужели вечера, кинофильмы или футбольные матчи могут наполнить жизнь? Сделать ее осмысленной? Нет, дело не в развлечениях, а в самой жизни, единственной своей жизни, которую надо спасти.

Наташа и сама это отлично понимает. Видит, что угасают силы, что в «больной голове» муть и туман. Душевная вялость, беспомощность—и это в пятнадцать лет, именно тогда, когда идут главные душевные накопления! Когда душе, как всякому живому, надо расти и развиваться и для этого нужно ей «усиленное питание»! Ведь для того-то и дан ей аппетит в виде любопытства и любознательности, а тут, кажется, уже и самый аппетит пропал. Опасно, опасно! Надо спастись, пока не поздно, ведь не поздно еще, время еще не упущено. Бывают случаи, когда уже поздно, когда ловушка захлопнулась, как захлопнулась она для Владимира Петровича, который, понимая, что «дьявол»—водка уже губит его близких, решил убить дьявола и себя заодно. А для Наташи и ее друзей совсем еще не поздно.

Легко сказать—спастись. А как?

Я думаю: входить в жизнь под всеми, так сказать, парусами. И это не просто красивые слова. Попробую объяснить свою позицию.

Мы нередко представляем себе жизнь, как бы разделенную на две части: работа (учеба) и отдых. На работе мы работаем, а потом от нее отдыхаем, причем под отдыхом понимается прежде всего

именно развлечение. На самом деле жизнь, не делясь, идет одним потоком и через те часы, когда мы работаем, и через те, когда отдыхаем. Сюда-то, в этот единый поток, и нужно нам вторгаться.

Нет ничего более утомительного, чем безделье. Нет ничего более скучного, чем непрестанные развлечения. Нет ничего более бессмысленного, чем идти по жизни, ее не замечая.

И потому о главном—о жизни. По мне, так нет на свете ничего интересней людей, любых, от самых тонких до самых простых. Из Наташиного рассказа я не поняла, например, что случилось с ее матерью, почему она лишилась доверия дочери, почему стала равнодушна—что-то ведь с ней произошло? О чем думает эта женщина, просыпаясь утром: о дочери, о себе, о муже?

Мы все время ждем чего-то от жизни, а на самом деле она ждет от нас—участия, порой даже помощи.

Лиза Ш., студентка второго курса одного из институтов, попала в автокатастрофу, ей сломало позвоночник, а это хуже смерти—пожизненный паралич. Группа, в которой училась девушка, сплоченной не была, была скорее разобщенной, но тут она сплотилась, более того, она воспряла, встрепенулась, словно бы новые силы в нее влились. Была создана «служба спасения» со своим штабом, который регулировал дежурства (днем и ночью), доставал, если нужно, лекарства, обеспечивал машину. Когда Лиза в великих муках открывала глаза, рядом всегда был кто-нибудь из своих. Муки же ее были отчаянными не только из-за болей, медицина как-то могла снять эти боли—главную боль она снять не могла: Лиза понимала, что она навеки изуродована, что не встанет, и знала, что должна вернуть слово своему жениху.

Но жених так не думал.

Вряд ли ему так уж легко далось это решение: взвалить себе на плечи подобную ношу, да еще на всю жизнь! Я не знаю, что в нем было сильнее—любовь или чувство долга (думаю, что и то и другое в равной мере), только он свое решение принял и от него не отступил.

То, что он был рядом, что рядом была «служба спасения», все это, конечно, сильно помогло врачам, которым удалось поставить Лизу не совсем на ноги, ноги ее самостоятельно переступать не могли, и костыли ей не помогали,—на специальные аппараты. И вот, представьте, на этих тяжелых, неуклюжих аппаратах она вошла в жизнь. И институт окончила и диссертацию защитила. И даже ребенка родила. Вот что может мужество, если ему помогать!

Этой светлой истории я, увы, должна противопоставить другую, темную, когда девушка, примерно в той же степени искалеченная, осталась одна на руках матери и медицины, никто из ее товарищей к ней не пришел, и днем и ночью она была одна со своими мыслями (мать сбивалась с ног: работа, хозяйство, уход за больной). В обеих этих историях меня заботят не столько больные, сколько здоровые. Я думаю, можно сказать, не боясь ошибиться: те ребята, которые создали «службу спасения», с каждым днем духовно обогатили сами и на всю жизнь это богатство сохранили (то время—одно из лучших их воспоминаний, хотя и была тогда катастрофа, тяжелая работа, бессонные ночи). А у Лизинго мужа было свое счастье, только заключалось оно не в веселых развлечениях, а в радости видеть, как постепенно идет выздоровление, как его жена делает первые шаги, как возвращается к жизни, начинает снова ей верить. Труден был каждый шаг—зато какова победа!

Вот вам история о мобилизации душевных сил в случае опасности, душевный подъем, от которого люди богатеют. Но ведь люди вообще богатеют от взаимоотношений друг с другом. Дело совсем не только в высокоинтеллектуальных беседах на уровне ума и образования, но и в общении на уровне простой сердечности, и тут идут приобретения. Ну, а на склочной коммунальной кухне, возразят мне, или в скверной, грязной компании, тут тоже богатеешь? Нет, тут можно последнее потерять. А впрочем, все зависит от того, какова внутренняя позиция: если ты, вступив в склоку, поддался ей, тогда худо дело. Но если ей внутренне противостояшь, если вступил в борьбу с ней—это другое дело. Духовная, душевная работа на любом уровне—вот основа жизни, и нет человека, который был бы чужд этой работе. Конечно, встречаются люди очень неразвитые, лишенные понимания, но не о них у нас речь. Наташа, она-то как раз все понимает—вообще она, судя по всему, девочка одаренная. Почему же она, одаренная и понимающая, когда ей протягивают стакан, берет его и пьет из него? Откуда такая обреченность?

Я прекрасно понимаю, что рассуждать «вообще» легко, а противостоять окружающим, да еще своим друзьям (да еще в пятнадцать лет), очень трудно. Действительно, что практически делать Наташе? Гордо отстранить стакан? Будут пить без нее, а ей остается либо присоединиться, либо уйти—в обоих случаях, казалось бы, поражение. На самом деле поражение только в одном случае—если взять и выпить.

Ей придется копить силы, какие-то потребуются сразу же: сила воли, например, чтобы отказаться, когда поднесут стакан. А если в результате окажется в одиночестве, не надо его бояться. Одиночество одиночеству рознь: бывает бесплодное и тоскливое, а бывает живое и деятельное, очень интересное—необходимое. Да и не бывает одиночества, серьезно-то говоря, мир полон литературы, музыки, мысли. Есть, например, на свете русская классическая литература, она тоже жизнь. Толстой, Достоевский, Чехов отвечают нам на многие мучительные вопросы. Вы думаете, у людей прошлого были другие проблемы? Те же самые. Или: и другие и те же самые. Да и наши современные писатели—можно назвать многих—тоже говорят с нами о главном. О смысле жизни, о способе жизни, о счастье.

Наша общая ошибка состоит, я думаю, в том, что мы ждем от жизни счастья в виде веселья, развлечения, а когда их нет (или развлечения уже не развлекают), впадаем в негодование и тоску. Мы вообще живем в ожидании счастья и с требованием к нему—чтоб было! А жизнь нам таких обещаний не давала, в ней всякое бывает: и счастье, и несчастье, и просто более или менее ровная повседневность.

Счастью весьма способствует любимая профессия, но, ясное дело, жизнь к ней одной сведена быть не может. Самое важное—вообще делать интересное дело, в ценности которого не сомневаешься, и получать интересные результаты. И, уж во всяком случае, нельзя от жизни отвлекаться (каким бы то ни было видом «балдежа»). И чтобы помочь человеку, совсем необязательно ждать, пока ему сломают позвоночник. Тут, кстати, призыв Наташи С. к парням не лишен смысла.

Я знаю: не проповедей ждет юная душа, она жаждет дела. Но ведь о деле я как раз и говорю. Юности хочется (и это—законное желание), чтобы кругом все было бы живо, весело. И чтобы пришла любовь. Но в том-то и дело, что к добросердечным и трезвым она обязательно приходит, счастливая или несчастная, это в данном случае значения не имеет (люди, прошедшие путем неразделенной любви, потом, бывает, всю жизнь вспоминают ее как богатство), но будем все же надеяться, что счастливая. Между двумя стаканами вина она не приходит никогда. Приходит ее эрзац, от которого потом мулит.

Мир капитала: политический террор

Владислав ЧИРКОВ

ПАПАША

Банан от бананового дерева недалеко падает. Диктатор Гаити Франсуа Дювалье, захвативший власть в 1957 году, заблаговременно принял меры, чтобы его отпрыск Жан-Клод пошел по накатанной стезе.

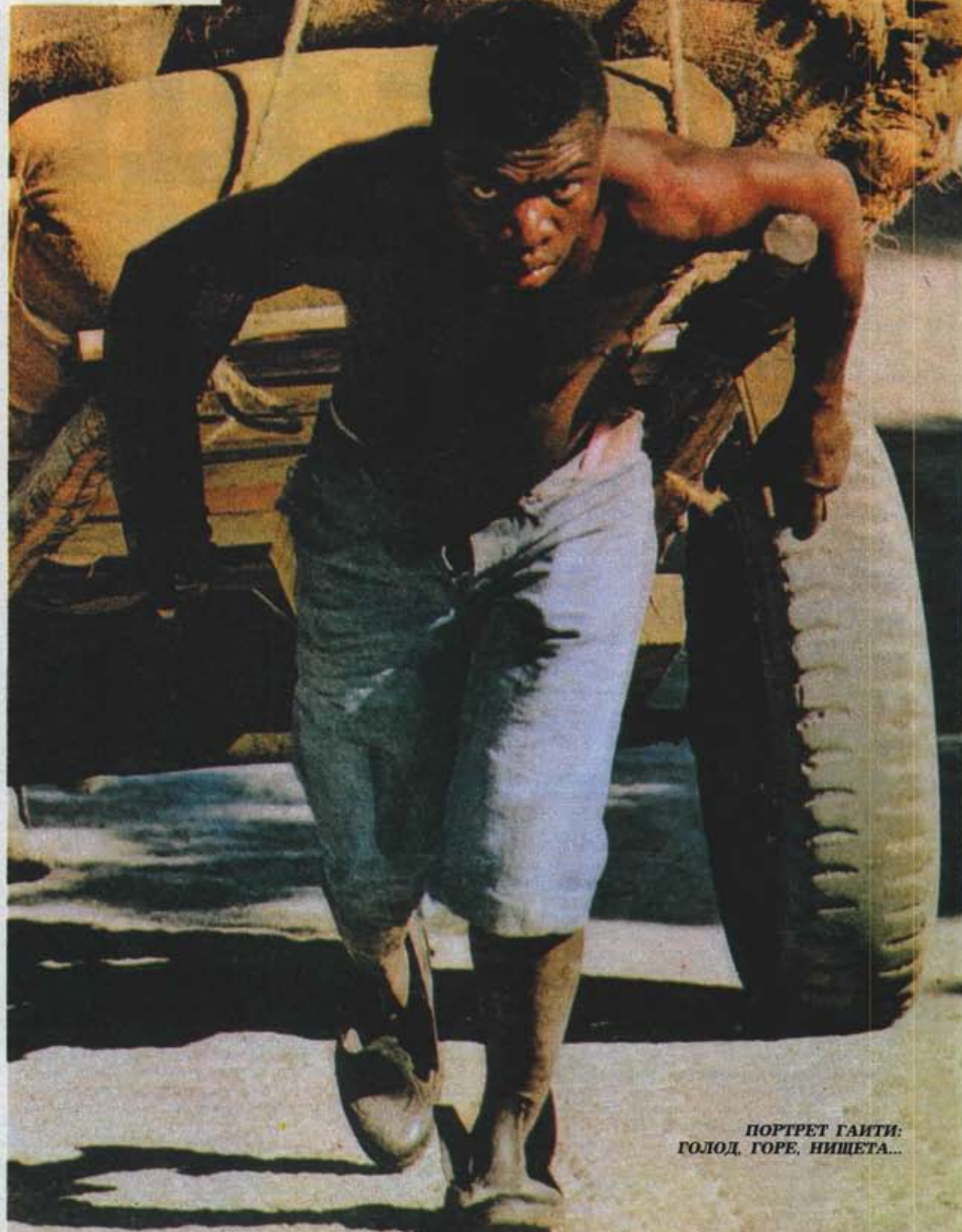
Сначала, правда, «папа Док» обещал передать президентский пост своей жене. Его зятя тоже горели желанием занять кресло главы государства. Но всем им пришлось расстаться со своей мечтой: «пожизненный президент» официально назначил своим преемником 19-летнего сына, студента Жан-Клода. Парламент заставили изменить конституцию и снизить возрастной ценз для кандидатов в президенты с 40 до 20 лет. Законодатели не учли, что отпрыску диктатора еще не исполнилось двадцати, а «папа Док», измученный диабетом, перенесший три инфаркта, мог в любой момент отправиться в мир иной. Тогда правительство издало декрет, устанавливающий, что Жан-Клоду не 19, а 21 год.

Назначение «бэби Дока» наследником престола было оформлено в январе 1971 года с помощью весьма нехитрой процедуры. На референдуме избирателям вручили бюллетень с вопросом: «Отвечает ли данный кандидат вашим чаяниям и устремлениям?» и единственным ответом: «Да». Не оказалось ни одного голоса против. Вариант «Нет» попросту не был предусмотрен.

В апреле 1971 года «папа Док» испустил дух, и его место занял «бэби Док». К тому времени Жан-Клод, здоровенный детина, прозванный одноклассниками Сундуком, изучал право на первом курсе университета. Впрочем, он напрасно растрачивал время и молодые силы. Грамота в Гаити вообще не в моде. Даже министру достаточно уметь расписаться в платежной ведомости.

С юных лет «бэби Док» обзавелся безобидным хобби — коллекционированием лимузинов. Когда Жан-Клоду было 16 лет, папаша подарил ему роскошный «бьюик» последней модели — в дополнение к «кадиллаку», «линкольну» и «ягуару», которые у того уже были. У Жан-Клода целый парк спортивных автомашин, который он время от времени обновляет. Однако интересы его шире. Если, скажем, подвернется симпатичная яхта, он, не колеблясь, выкладывает за нее миллион долларов.

Одна из насущнейших забот диктатора — внешность, приличествующая столь высокой должности. Единственное, что можно с определенностью сказать о физиономии Жан-Клода Дювалье, — это то, что она, как говорится, не отмечена печатью мысли. Но он не огорчается. Ведь были времена, когда и изрытое оспой лицо «папы Дока» тоже ни у кого не вызывало почтения. А потом дела поправились. Помогла великая сила — ауто-

ПОРТРЕТ ГАИТИ:
ГОЛОД, ГОРЕ, НИЩЕТА...

О НАСЛЕДСТВЕ

тренинг. Вот что писал о «папе Доке» бывший президент соседней с Гаити Доминиканской Республики Хуан Бош: «Дювалье — это человек, который по мере того, как приобретает власть, переполняется надменностью и высокомерием, и это высокомерие день ото дня меняет даже его физический облик. Он деревенеет, становится похожим на чучело, которое вытягивается, вытягивается и, кажется, вот-вот взлетит на небеса... Параллельно с внешней метаморфозой меняется и характер таких людей, и они уже невосприимчивы к человеческим чувствам, превращаясь в простоеместище неконтролируемых страстей».

Пусть не блещет мыслью облик Дювалье-младшего — это не страшно. Как полагал Фейхтвангер, «даже лишенный собственных мыслей и собственной индивидуальности, человек в ту самую минуту, когда его наделяют властью, приобретает сущность и содержание. Функция властвования меняет нутро носителя власти. Власть, кредит, слава создают индивидуальность и лицо тому, кого природа лишила этих свойств». Если «бэби Док» до сих пор не читал романа «Лже-Нерон», откуда мы взяли эту цитату, то зря. Лжепрезидентам надо бы читать книжки про лжеимператоров. «Он самый молодой в мире руководитель государства... Он не пьет алкогольных напитков, бросил курить, регулярно занимается спортом... В своем дворце молодой президент ведет тихую жизнь, смотрит кинофильмы, слушает пластинки, перечитывает книги своего отца». Так живописал времяпрепровождение «бэби Дока» французский журнал «Пари-матч».

Мы же постараемся привести некоторые факты из его жизнедеятельности, которые, допуская, несколько омрачат эту буколическую картинку.

«Я — это демократия»

Побыстрее освоить профессию диктатора неискушенному отроку помог бесценный опыт его отца.

Прежде всего Жан-Клод хорошенько усвоил следующий нетленный афоризм Франсуа Дювалье: «Я — это демократия».

Диктаторы — самые большие поклонники демократии. И чем меньше демократии, тем больше о ней говорят. Напрасно, например, Дитрих Дзнен, один из деятелей западногерманской неонацистской национал-демократической партии, с прямолинейностью солдафона ляпнул: «Я вижу врага в лице демократа. Его физиономии следовало бы хорошо запомнить». Дювалье-младший, как и его папаша, не стесняется признавать себя демократом.

В Гаити создан высший тип демократии, не обремененной такими архаическими институтами, как правосудие. Суды практически бездействуют. Профсоюзов не существует в природе. Распустить парламент здесь так же легко, как уволить служаку, а большинство кандидатов в депутаты Жан-Клод подбирает сам.

«Папа Док» приучил сына со всей серьезностью относиться к процедуре выборов. Хотя, полагал он, порой излишне привнести в избирательный процесс элемент импровизации. Так, однажды дата выборов родилась сама собой в беседе Франсуа Дювалье с корреспондентом американского журнала «Тайм».

Опытный журналист начал разговор издали: — Как называется правящая партия Гаити? Дювалье повернулся к секретарю по вопросам печати.

— Как она называется? И вы не знаете? Партия Дювалье!

— Когда состоятся следующие выборы?

«Папа Док» снова выразительно посмотрел на секретаря, но тот беспомощно развел руками.

— Не в марте? Нет? — Дювалье почесал в затылке. — Ну, тогда в апреле. Тоже нет? Ну, тогда... Да, точно, в январе. Они будут проведены в январе.

10-го числа. Так можете и записать... Что? В каком году? Какое это имеет значение?..

11 февраля 1978 года Жан-Клод Дювалье устроил частичные выборы в Национальное собрание. Программы у соискателей не было и быть не могло, так как за парламентариев все решают Дювалье и его родня. Но каждому все же хотелось выглядеть «другом народа». Вот как, по описанию корреспондента Ассошиэтед Пресс, выглядела предвыборная кампания одного из кандидатов: «Пажот проводит свою кампанию, разъезжая по дорогам в открытом лимузине в сопровождении мотоциклистов и разбрасывая толпе мелкие моне-

«БЭБИ ДОК» — ПАЛАЧ «ОСТРОВА ЧУДЕС» С ХРОМИРОВАННЫМ РЕВОЛЬВЕРОМ В РУКЕ.

ты, яблоки, консервированную ветчину и рубашки с надписью: «Я люблю Пажота».

Голосование проходило по отработанной схеме. Национальная гвардия силой загоняла гаитянцев на избирательные участки и бдительно следила, чтобы не было «случайностей». Солдаты на грузовиках перебрасывали группы избирателей с места на место, чтобы все урны были заполнены бюллетенями.

Для организации «народного ликования» — свои приемы, отработанные еще «папой Доком». Уличные манифестации в поддержку диктатора, по свидетельству французского журнала «Демокраси нувель», устраивают так: «Государственные служащие приглашаются» в обязательном порядке участвовать в манифестации, если они хотят остаться на своей должности. Главари отрядов гвардии и их приспешники отправляются в окраинные районы города, раздают там немного денег и спиртных напитков и выгоняют людей из домов. Другие вооруженные до зубов агенты отправляются в деревни, провинциальные города и окрестности столицы. Им поручено сгонять крестьян на манифестацию. В лесах происходят облавы, идет настоящая охота на людей, и захваченных крестьян

яв везут в столицу. Демонстрировать свою преданность «вождю наций» заставляют даже умалишенных, слепых, нищих и калек».

Сначала убивать — разбираться потом...

Это правило Жан-Клоду освоить было нетрудно. Еще в тринадцать лет, привыкая к оружию, он использовал в качестве мишени офицера дворцовой охраны, что, нетрудно догадаться, стоило последнему жизни...

В том, что касается жестокости и насилия, «бэби Док» прошел отличную выучку у отца. Дювалье-старший в свое время пригрозил оппозиции «Гималаями трупов». И добился-таки, что в Гаити, как писал Грэм Грин, насильственные смерти стали считать естественными. Газеты помещали фотографии отрубленных голов, а изрешеченные пулями трупы вывешивали на балконах, пока это не стало смущать некоторых слабонервных американских туристов.

Чтобы выловить одного противника режима, агенты Франсуа Дювалье хватили человек пятьдесят. Гаитянский публицист Жерар Пьер-Шарль в своей книге «Рентгеновский снимок одной диктатуры» рассказал, как была вырезана семья лейтенанта Бенуа...

Оппозиция предприняла попытку похищения несовершеннолетнего тогда Дювалье-младшего. Телохранители, ехавшие в автомобиле, были сражены выстрелами паразитично меткими. Диктатор вспомнил, что именно Бенуа в свое время на соревнованиях по стрельбе в Панаме получил приз. Этого для президента было более чем достаточно.

Ищейки не застали лейтенанта дома. Тогда они перебили всех, кто оказался в доме, — членов семьи, заглянувших на чашку кофе знакомых, слуг. Дом сожгли. Лейтенант вовремя укрылся в одном из посольств. А вскоре выяснилось, что с покушением он никак не был связан...

В Гаити действует закон, введенный еще при «папе Доке» 28 апреля 1969 года, предусматривающий смертную казнь за «коммунистическую деятельность», то есть за малейшее проявление недовольства режимом.

Власть семейства Дювалье охраняет могущественный и разветвленный репрессивный аппарат, насчитывающий около 50 тысяч человек. Он состоит из «тонтон-макутов» («оборотней») — головорезов, выпестованных еще «папой Доком», «леопардов» — корпуса карателей, созданного «бэби Доком», секретной полиции и президентской гвардии. О «тонтон-макутах» написано достаточно. «Леопарды» — это специальное военное формирование типа американских «реинджеров» для борьбы с партизанами. Подчиняется непосредственно президенту. Президентская гвардия — корпус, снаряженный новейшим оружием. Сюда принимаются наиболее верные режиму люди, чьи семьи издавна служили клану Дювалье. По традиции кадеты при получении офицерского диплома должны встать на колени перед президентом. Для поддержания лояльности гвардейцев им нередко преподносятся дорогостоящие подарки, такие, как автомобили «вольво» или «мерседес-бенц» стоимостью до 50 тысяч долларов.

О том, что Гаити — сугубо полицейское государство, говорят такие данные: здесь на каждую школу приходится 35 тюрем, на каждого учителя — 189 солдат.

Уходя на работу, никто из гаитян не может быть уверен, что вернется домой. Схватить могут в любом месте, среди бела дня. Жертву окружают десяток-другой «тонтон-макутов» или «леопардов», вооруженных автоматами и дубинками. Человека избивают на глазах у толпы, связывают по рукам и ногам и, словно мешок, швыряют в

«джип». В тюрьме его подвешивают за ноги и держат в таком положении с перерывами для многочасовых допросов в камере пыток.

16-летнюю Маргарит Фенелон заточили в тюрьму и подвергли пыткам только потому, что ее родственники бежали за границу, опасаясь попасть под подозрение в оппозиции к режиму. Маргарит чудом удалось вырваться из лап «леопардов». Вот что она рассказала мексиканскому журналисту:

— Четыре месяца я провела в тесном каземате, где нельзя было ни сесть, ни повернуться. Над моей головой постоянно горела мощная электрическая лампа. Голова раскалывалась от боли, волосы начинали дымиться, кожа лопалась от жары. Когда я теряла сознание, меня обливали холодной водой и снова ставили под лампу. Не знаю, как я не сошла с ума.

На владельца одного из ресторанов в столице страны Порт-о-Пренсе кто-то донес, что он критически высказывается о Дювалье. Ресторатора схватили, а спустя некоторое время выбросили за порог тюрьмы с переломанными ребрами и сотрясением мозга.

Узников в гаитянских тюрьмах относительно мало — «всего» несколько тысяч. Диктатор предпочитает побыстрее отправлять противников режима на тот свет. Английская газета «Гардиан» писала, что в тюрьме Форт-Диманш однажды было казнено 200 человек. Среди расстрелянных 19 рабочих-строителей. Их арестовали после того, как они пожаловались, что им не заплатили за работу. Жалоба была расценена как бунт. Об этом свидетельствовали бывшие узники. Они же рассказали о судьбе еще 176 человек, большинство из которых умерли от туберкулеза, тифа, от голода, многие сошли с ума.

В сборнике «Гаити: политические узники обвиняют», выпущенном в Канаде, приводится рассказ одного из бывших заключенных. Он вспоминает:

— Однажды ночью пришли за 250 заключенными. После того как их расстреляли на наших глазах, мне и еще 12 узникам приказали их закопать. Среди расстрелянных был один мой одноклассник. Меня заставили засыпать его землей, хотя он был еще жив...

Выходящий в столице Гаити Джорджтауне журнал «Карибиан контакт» писал, что за четверть века господства династии Дювалье в Гаити казнено около 40 тысяч человек, 3 тысячи «исчезли».

Люди охвачены страхом, боятся обмолвиться о царящих в стране порядках. Корреспондент агентства Рейтер писал из Порт-о-Пренса: «Один из множества гидов, которые слоняются перед гостиницами в надежде заработать несколько долларов, показывая туристам достопримечательности, отказался принять участие в разговоре о положении дел в его стране. «Креольская поговорка гласит, что лучше иметь пустой желудок, чем дырку в голове. Лучше поговорим о девочках», — сказал он одному клиенту».

Некоторые радиостанции, опасаясь разгневать правительство Дювалье-младшего, отказались от передачи местных новостей. Другие передают сообщения на французском языке, на котором говорит только элита. На те радиостанции, которые пытались было робко поднять голос в защиту прав человека в Гаити, обрушилась волна погромов. Молодчики «бэби Дока» уничтожили оборудование радиостанций «Радио-интер» и «Радио-кастик» и арестовали всех их работников. Журналист Гаснер Реймон, написавший репортаж о забастовке рабочих-цементников, был убит. Когда газета «Гаити жён пресс», принадлежавшая пастору Люку Нере, выступила с некоторыми демократическими требованиями, на священника было совершено покушение, в результате которого он был тяжело ранен.

Страх перед возмездием преследует диктатора, который на публичных церемониях появляется не иначе как с хромированным револьвером в руке. А возмездие неизбежно. На «пожизненного президента» 20 декабря 1981 года было совершено покушение. На этот раз он отделался ранением в ногу.

Боясь заговоров, Дювалье-младший то и дело перетряхивает кабинет министров, дабы помешать подручным набрать силу и, быть может, превратиться в угрозу для него самого. С 1971 по 1981 год

он 17 раз формировал новое правительство. Каждый из министров в среднем продержался восемь месяцев. Лишь немногим удалось остаться на своем посту хотя бы два года. «Возможно, он ленивый и бездарный администратор, но он ловкий интриган, и ему удалось натравливать одну фракцию на другую при помощи распределения государственных должностей» — так высказался о Дювалье-младшем один аккредитованный в Порт-о-Пренсе дипломат. Впрочем, отставка того или иного министра порой была вызвана тем, что он начинал уж слишком откровенно воровать.

Придя к власти, Жан-Клод решил пустить всему миру пыль в глаза и изобразить дело так, будто в Гаити воцаряется демократия. Прибегнув к услугам агентств, специализирующихся на рекламе и «связях с общественностью», «бэби Док» развернул широкую международную пропагандистскую кампанию. В печатных изданиях разных стран появились статьи и комментарии, создававшие «новый образ» дювальеризма. «Нью-Йорк таймс», лондонская «Таймс», «Пари-матч» и другие органы буржуазной печати усиленно рекламировали молодого президента, якобы стремившегося изменить положение в стране. Кульминацией этой комедии стало обещание Ж.-К. Дювалье создать... «национальную комиссию по правам человека». Однако «либерализация» так и застыла на следующей «радикальной мере»: «тонтонамакуты» отказались от традиционных солнцезащитных очков и несколько изменили фасон одежды. Аресты, пытки, убийства продолжают по сей день.

Жить без жизни...

От «папы Дока» Дювалье-младший унаследовал кое-какие навыки в бухгалтерии, в частности правило: «Обкрадывать государство — не значит воровать».

Схема дювальеристской политэкономии проста, как апельсин: государство грабит население, диктатор и его камарилья грабят государство. Дювалье-старший разработал множество способов заграбастывания денег. Один из самых надежных — «лотерея экономического освобождения». Поголовно все рабочие и служащие должны были приобретать облигации на определенную сумму без шансов выиграть что-либо.

Время от времени урезывалась зарплата. А обставлялось это как «воля масс»: просто группа прихлебателей направляла президенту письмо, изъявляя желание отдать часть жалованья «на благо общества».

Жан-Клоду Дювалье не было особой нужды изобретать новые налоги. «Папа Док» не обложил налогом разве дождевую воду. За проезд по шоссе стали брать деньги. В кинотеатрах недостаточно было входного билета — заставляли платить еще и «зрелищный налог». Дювалье-старший ввел налог в 10 сантимов на... каждый стол, стул и кровать. В некоторых районах нельзя было даже бесплатно умереть. Это обходилось родственникам в 3 гурда 25 сантимов. Крестьянина, писала французская газета «Круа», у которого обнаружат «слишком крупную сумму» — 10—15 гурдов, считали преступником.

Правда, всего этого Жан-Клоду показалось мало, и он в 1982 году ввел специальный сбор в «фонд вдовы Франсуа Дювалье».

Жан-Клод получил от отца 20 миллионов награбленных долларов и за десять лет довел свое состояние до 200 миллионов, которые хранятся в швейцарских банках. Сделать это было не очень сложно, если учесть, что 40 процентов государственных поступлений, как писала французская газета «Монд», семейство Дювалье переводит на свои личные счета.

Диктатор фактически продает людей в рабство местным латифундистам, которые платят ему «сходную» цену — 10 долларов за человека. За батраков, «экспортируемых» в Доминиканскую Республику, Жан-Клод берет несколько больше — по 11 долларов за душу. В докладе, представленном ООН Обществом по борьбе с рабством, находящимся в Лондоне, говорилось, что в Доминиканской Республике гаитяне попадают в руки торговцев живым товаром, которые направляют их плантациям. Хозяева заставляют бесправных иммигрантов работать по 14 часов в сутки

без выходных. Они живут впроголодь, получая в лучшем случае по 2,8 доллара в неделю.

Самый прибыльный для диктатуры бизнес — это бизнес на крови. Этим гешефтом руководит лично Дювалье. «Тонтон-макуты» под страхом пыток заставляют обессиленных людей становиться донорами, платя им лишь по три доллара за литр крови. Затем «Доу кемикл», «Эрмур фармацевтикл», «Лэбораториз каттер» и другие фирмы США сбывают этот литр в американские больницы за 50—80 долларов.

Диктатура стрижет купоны и с контрабанды наркотиков. Одна из последних реорганизаций кабинета связана с арестом в Пуэрто-Рико родственника Дювалье Франца Беннета по обвинению в контрабандном провозе наркотиков. В Порт-о-Пренсе распространился слух, что в этом скандале, возможно, были замешаны самые высокопоставленные лица. Министр внутренних дел Эдуард Беруз и министр по делам канцелярии президента Анри Байяр (оба они являются близкими друзьями Дювалье) были немедленно уволены после ареста Беннета. Корреспондент агентства Рейтер сообщил из гаитянской столицы, что по этому поводу не было дано никаких объяснений, но высказывалось предположение, что оба экс-министра знали о подпольной деятельности Беннета, и их принесли в жертву для того, чтобы скандал не коснулся президента.

Клан Дювалье совершил своеобразное «экономическое чудо». Как сказал американскому журналисту Герберту Гоулду один житель Порт-о-Пренса, еще «папа Док» научил нас жить без денег и питаться без пищи. Но это не все. Дювалье научил нас жить без жизни».

По данным, приведенным «Монд», в Гаити кучка богачей — около 1 процента населения — присваивает свыше 44 процентов национального дохода. Среди приближенных диктатора более 200 миллионеров. А тем временем страна прозябает в нищете. Организация Объединенных Наций относит к категории «наименее развитых стран» мира 30 государств, и Гаити — единственная страна этой категории в Америке, писал бюллетень «Интернэшнл кооперейшн досье», издаваемый Программой развития ООН. Чтобы попасть в эту категорию, годовой доход страны на душу населения не должен превышать 125 долларов, доля обрабатывающей промышленности в валовом национальном продукте должна быть крайне низкой, а уровень грамотности не превышать 20 процентов.

Гаити вполне укладывается в эти рамки. Неграмотно около 80 процентов гаитян. Вклад промышленности в валовой национальный продукт составляет всего 13 процентов. В Гаити самый высокий в западном полушарии уровень детской смертности — до одного года не доживает 150 детей из каждой тысячи. Более 80 процентов населения страдает от недоедания. Причина почти половины смертей в Гаити — недоедание и желудочно-кишечные заболевания. За последние шесть лет от голода умерли 500 тысяч человек. Валютные запасы Гаити, по разным оценкам, колеблются от 2 до 4 миллионов долларов. (Для сравнения: на свою свадьбу, которую диктатор отпраздновал осенью 1981 года, «бэби Док» ассигновал 3 миллиона долларов.)

В поисках средств к существованию и спасаясь от физической расправы, более миллиона гаитян, то есть каждый пятый, были вынуждены покинуть страну. Тысячи людей, большей частью нищих, неграмотных негров, на самых примитивных лодках бегут в Соединенные Штаты. Но там их ожидают концентрационные лагеря, тюрьмы или насильственная высылка обратно, в Гаити, где их ждет смерть.

Условия содержания беженцев из Гаити в так называемых «центрах заключения» в США бесчеловечны, заявила корреспонденту американского журнала «Ньюсуик» гаитянка Мари Глэдис Гелами. «Мы живем в безнадежности, мы просто медленно погибаем», — сказала она. «Мы не воры, не убийцы», — приводит журнал слова другого гаитянина, Рузвельта Сент-Флера. — Почему же они бросили нас сюда?»

Есть веская причина, по которой гаитяне обречены на «жизнь в безнадежности» в Соединенных Штатах или подвергаются депортации, — это очевидная благосклонность Вашингтона к диктатуре Дювалье.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ПОХИТИТЕЛИ ГРУЗОВИКОВ

Шофер грузовика дальних перевозок Луджи Люггерер из Цюриха утром пересек итальянскую границу, остановил свой контейнеровоз в 150 метрах от таможи и, приняв все меры предосторожности по части угона, пошел оформлять таможенные документы. Когда он через 15 минут вернулся, грузовика и след простыл. Машина Луджи была загружена телевизионной аппаратурой стоимостью в 175 000 швейцарских франков. Через день полиция нашла пустой грузовик в Монца, небольшом городке неподалеку от Милана.

По данным западноевропейского управления Интерпола, ежедневно исчезают около 30 грузовиков, большинство — в Италии и Франции. На Аппенинах наиболее опасны в этом отношении районы Милана, Турина и Неаполя. По данным страховых компаний, в 1982 году в Италии было угнано более 7000 контейнеровозов. А во Франции область, лежащую между Парижем, Марселем и приграничным городком Модан, называют «Бермудским треугольником для грузовиков».

Похитители предпочитают бытовую электронику и предметы домашнего обихода, медикаменты и продукты, одежду. Однако они не обходят своим вниманием и скоропортящиеся продукты: грабители имеют хорошо организованную и разветвленную сеть складов.

Альманах транспортников «Трекер» полагает, что бандиты с большой дороги — это единая организация преступников, которая располагает самой современной информационной системой и большим капиталом для ведения всего дела: добычи, переработки и сбыта. По данным «Трекера», ежегодный оборот этого дела в Италии составляет 300—400 миллиардов лир, что позволяет преступникам иметь своих людей там, где нужно, например, в полиции и на таможе.

«НБИ», ГДР

НАШЕСТВИЕ МУРАВЬЕВ

В США ежегодно расходуются миллионы долларов для борьбы с так называемыми «огненными муравьями». Их родина — тропические джунгли Южной Америки. В США эти ярко-красные муравьи проникли в 1918 году с торговым судном. Насекомые приспособились к новому месту обитания и начали быстро размножаться. Их укусы вызывают сильное воспаление кожи. Каждый год жертвой «огненных муравьев» становится около двадцати тысяч человек. Зарегистрировано немало смертных случаев.

Опасность нависла и над уникальным животным миром Галапагосских островов — сюда неожиданно нахлынули «огненные муравьи» и сейчас угрожают всей местной фауне. Жители одного из островов были вынуждены сжечь всю растительность на большой площади, чтобы справиться с агрессивными пришельцами.

«НАУКА И ТЕХНИКА ЗА МЛАДЕЖТА», БОЛГАРИЯ

Кто курит больше всех?

По свидетельству Японской табачной ассоциации, японцы являются самыми заядлыми курильщиками в мире. Согласно сообщению ассоциации, в прошлом году было выкурено 310,3 миллиарда сигарет, что на несколько сот миллионов превышает уровень 1981 года. Если выкуренные сигареты уложить в одну линию, она 600 раз опоясала бы земной шар.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

СВЯТОЙ ЭЛВИС?

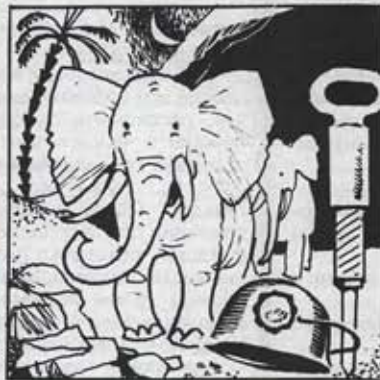
Элвис Пресли, «король» рок-н-ролла, умерший несколько лет назад вследствие злоупотребления лекарствами и наркотиками, стал кандидатом... в святые. Такое невероятное сообщение поступило из США. Как известно, могила Пресли в Мемфисе является местом паломничества его поклонников. Однажды туда пришли две 23-летние девушки, Джуди и Джени Керролл, которые после какой-то болезни (какой, конкретно не говорится) лишились зрения. Подойдя к могиле певца, они якобы вдруг опять обрели зрение, что засвидетельствовал местный священник. «Элвис творит чудеса!» — возликовали поклонники Пресли. И обратились с петицией к Ватикану, требуя рассмотреть вопрос о его причислении к лику тех, кому положен соответствующий нимб...

«КОБЕТА И ЖИЦЕ»,
ПОЛЬША

ЧЕТВЕРОНОГИЕ «ГОРНЯКИ»

...Днем они задерживаются в лесах, а когда опускаются вечерние сумерки, собираются у водопада и группами направляются в шахты. Каждый из необычных «горняков» весит несколько тонн и имеет только один «рабочий инструмент» — мощные белые бивни. Шахты этих слонов из кенийско-угандийской пограничной области находятся в недрах горы Элгон; там много пещер, которые просто магически притягивают их, а также обитающих здесь газелей и антилоп. В этих пещерах — месторождения соли, а соль для животных, как известно, жизненно необходима. Слоны входят в пещеру по узкому коридору: впереди слон-вожак, за ним остальные животные стада. Внутри, в шахте, крошечная тьма и слоны хоботами нащупывают стены пещеры. Из-за больших бивней и хоботов слоны не могут слизывать соль со стен, как, например, газели и антилопы, поэтому мощными бивнями выламывают куски камня, содержащего соль, размалывают их и поедают. Насытившись, они остаются на несколько часов в пещере и спят, но еще до рассвета возвращаются наружу... Ученые, которые лишь недавно открыли секрет слонов-«шахтеров» из окрестностей горы Элгон, склоняются к мнению, что десятки глубоких пещер этой горы, собственно, созданы слонами, которые уже тысячелетия ходят сюда за солью.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕМЬЕРА

В Эфиопии выпущена серия марок, в которой показана история кофе, имеющего большое значение для экономики страны. Название этой ценной культуры происходит от слова «каффа», так называется область, расположенная к югу от Аддис-Абебы. На почтовых миниатюрах изображены районы, где имеются кофейные плантации, а также одежда сборщиков кофе и традиционные орудия труда. Новую серию завершает марка с кофе-тижиной, в которой этот ароматный напиток подается с соблюдением древнего ритуала.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Рисунки
Олега ВУКОЛОВА

Сколько стоит демонстрация?

Правительство христианских демократов земли Баден-Вюртемберг (ФРГ) приняло решение, по которому впредь участники демонстраций должны «сами оплачивать все затраты на полицию, которая понадобится для их разгона». ХДС намерен добиваться введения этого драконовского правила на всей территории Западной Германии.

«ЭЛАН», ФРГ

РУКОПИСИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Готовится издание свыше тысячи неопубликованных рукописей Жюль Верна. Они были приобретены муниципалитетом города Нанта у наследников писателя за 6,6 миллиона франков. Большую часть рукописей намечено передать в мемориальный музей Жюль Верна, а с оставшихся будет сняты микрофильмы, и специалисты получат их в пользование в 1985 году. Кроме того, принято решение публиковать ежегодные сборники литературного наследия писателя.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Подтверждение легенды

Жители Помпеи и Геркуланума не стали жертвами извержения Везувия, происшедшего 2000 лет тому назад, а были заблаговременно эвакуированы — до того, как эти два города засыпало вулканическим пеплом. К такому выводу пришли итальянские археологи после детального изучения части корпуса судна и останков воина, найденных в ходе археологических раскопок. Судно, утверждают ученые, входило в состав флота, осуществлявшего эвакуацию людей, а воин погиб, спасая своих сограждан.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

АНОНИМНЫЕ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

4

Полковник Корнилов принял Леонида Ивановича радушно. Усадил в глубокое мягкое кресло у маленького столика, сам сел в такое же кресло напротив. Вынул из кармана пачку сигарет, зажигалку. Молча подвинул Колокольникову. Когда Леонид Иванович закурил, полковник сказал:

— А я вас помню. Когда бы ни приезжал к Грановскому, всегда вы с удочками мне навстречу попадались. Но без рыбы. Не слишком балует Финский залив рыбаков?

— Вы в неудачное время приезжали,— смутился Колокольников.— Скоро вот судак пойдет...— Он махнул рукой.— Ну, да что я вас отвлекаю! Дело у меня и так какое-то несерьезное. Может быть, и не по вашей части...— Он внимательно посмотрел в лицо Корнилову, стараясь уловить хоть тень недоверия или снисходительности. Но глаза у полковника были серьезные и внимательные.

Совсем успокоившись, Леонид Иванович подробно и обстоятельно рассказал Корнилову обо всем, что произошло вчера на шоссе.

Когда Колокольников закончил рассказывать, Игорь Васильевич встал и, не проронив ни слова, задумчиво прошелся по кабинету. Потом подошел к столу, сказал по селектору:

— Варя, соедини меня с Сестрорецким ГАИ. И попроси звать Бугаева.

«Да, мужик серьезный,— проникаясь доверием к полковнику, подумал Колокольников.— Зря словами не бросается». Он не жаловал болтунов. В присутствии красноречивых всегда сникал и замыкался. От любителей поговорить у него разбаливалась голова. В кабинет вошел темноволосяный, смуглый мужчина. Моложавый, подтянутый, даже чуть-чуть франтоватый.

— Вызывали, товарищ полковник?

— Знакомся, майор.— Корнилов показал на Колокольникова.— Леонид Иванович интересные вещи рассказывает...

— Бугаев,— протянул руку майор. В это время в динамике раздался голос секретаря:

— Игорь Васильевич, дежурный из Сестрорецкого ГАИ у телефона.

— Семен!— кивнул Корнилов на телефонный аппарат.— Переговори. Выясни, что они знают о происшествии на Приморском шоссе. Какие меры предприняты?

Бугаев снял трубку, а полковник снова сел в кресло напротив Колокольникова. Сказал:

— Не волнуйтесь, Леонид Иванович. Сейчас мы во всем разберемся. Кстати, не хотите сигару? Кубинские чекисты в гости приезжали, подарили коробку.

— Нет. Крепкие они очень,— отказался Колокольников.

— А я иногда балуюсь.

Колокольников разговаривал с Корниловым, а сам поглядывал на Бугаева, пытался уловить по выражению его лица, что там нарасказывают ему сестрорецкие гаишники. Наконец майор закончил разговор и положил трубку.

— Присаживайся, Сеня,— пригласил Корнилов.— Чего узнал?

Бугаев сел, пожал плечами:

— Говорят, что был вызов на происшествие, но ни пострадавшего, ни следов наезда не обнаружили.

— Больницы обзванивали?

— Даже в Ленинград позвонили. Считают, что ложный вызов.

— Да как же ложный вызов!— горячо воскликнул Леонид Иванович.— Что я, разве на сумасшедшего похож?!

— Не волнуйтесь,— Корнилов дотронулся рукой до ладони Колокольникова.— Все встанет на свои места. Лучше уточним некоторые детали...

Колокольникову показалось, что Бугаев посмотрел на него с недоверием.

— Вот вы говорили про чемоданчик,— продолжал Корнилов.— Он тоже пропал?

— Все пропало. Как корова языком слизнула.

— Что было в чемоданчике?

— Инструменты.— Колокольников сердито покосился на майора, который смотрел скупящимися глазами в окно и тихонько барабанил пальцами по облезлой обивке кресла.— Какие-то слесарные инструменты. Наверное, мужик этот был водопроводчик.

— Куда же мог идти водопроводчик среди ночи?— спросил Бугаев.

— Ты, Семен, подумай, прежде чем вопросы задавать,— строго сказал Корнилов.— А если он работает где-нибудь в санатории, в котельной? Там ведь не как в уголовном розыске, не в девять работа начинается. Майор вдруг улыбнулся, и Колокольников увидел, что улыбка у него добрая, мальчишеская.

— В угрозыске, товарищ полковник, работа зато никогда не кончается...

— Ладно,— примирительно сказал Корнилов.— Надо поручить местным товарищам проверить всех, кто в поселке может по роду профессии с инструментами ходить...

Бугаев вынул из кармана маленький блокнотик, шариковую паркерскую авторучку и что-то записал, не удержавшись от комментария:

— Теперь, Игорь Васильевич, столько халтурщиков развелось... Машины чинят, крыши кроют, ограды на кладбищах делают...

— В поселке люди на виду. Каждый знает о своем соседе все... Можно выяснить. Кстати, Леонид Иванович, расскажите поподробнее, что за инструменты лежали в чемоданчике.

Задача эта оказалась Колокольникову не по силам.

— Ну... такие все блестящие. Каждый в своем гнезде... Потом сверла... Да вот же!— Он вдруг вспомнил про сверло, лежащее в кармане, торопливо вытащил, развернул платок. Сверло медленно покатилося по допированной поверхности стола.— Хотел первым делом показать,— виновато улыбнулся Леонид Иванович,— да заговорился. Я его потом нашел. Увидел, что мужчина там один на обочине шарит...

Корнилов осторожно взял сверло и стал внимательно разглядывать его наконечник. Потом показал Бугаеву. По тому, с каким интересом они рассматривали его, Колокольников понял, что находку сделал непростою.

— Леонид Иванович,— Корнилов поднялся,— мы сейчас устроим небольшой эксперимент.— Он посмотрел на часы.— У вас еще найдется минут тридцать? Колокольников кивнул.

— Прекрасно. Мы вас потом домой на машине отправим. А сейчас пошли к нашим криминалистам. кое-что вам покажем.— Он весело посмотрел на Бугаева.

В научно-техническом отделе пожилой лысоватый крепыш положил на большой стол несколько кожаных поясов и чемоданчиков. Все чемоданчики были разные — новенький «дипломат», скромные, ничем не примечательные, с которыми ходят в баню, один с чуть закругленными углами. Колокольников вспомнил, что до войны у них был такой чемоданчик, который почему-то называли «балеткой».

— Раскрой, Николай Михайлович,— сказал Корнилов крепышу.

Теперь Леонид Иванович все понял. Перед ним лежали наборы воровских инструментов — разных размеров, сделанные топорно и мастерски, некоторые так даже похожие на инструменты из зубокабинета, темные и хромированные, маленькие и громоздкие, они аккуратно покоились в кармашках и специальных пазах.

— Попробуйте отобрать хотя бы приблизительно то, что вы видели,— попросил Игорь Васильевич.— Или, наоборот, отложите то, чего не было в том чемоданчике.

— Будет сделано!— согласился Колокольников. Он чувствовал, что сейчас это ему удастся.

Минуты две он стоял, молча разглядывая все эти пока непонятные ему приспособления. Потом закрыл глаза и даже прикрыл их ладонью. Кто-то, наверное, опять Бугаев, нервно барабанил пальцами по столу. Это мешало Леониду Ивановичу, но он напрягся и услышал мерно сеющей по кустам дождь, жесткий шорох шин удаляющейся машины. Ему показалось, что он даже почувствовал запах мокрой хвои. И на мгновение представил себе валяющийся на асфальте чемодан и ряд неправдоподобно сверкающих в это раннее дождливое утро инструментов.

Открыв глаза, он быстро стал вытаскивать из всех чемоданчиков большие и маленькие инструменты, откладывая в сторону.

— Товарищи!— обиженно сказал Николай Михайлович.— Мы же потом не разберемся.

— Разберемся, разберемся,— успокоил его полковник. Он так и впился в эту растущую горку.

Многие инструменты были одинаковые, но Колокольников откладывал и дубликаты. Наконец он остановился. Еще раз внимательно оглядел внутренности чемоданов. Потом повернулся к Корнилову и, улыбаясь своей извиняющейся улыбкой, сказал:

— Ну вот, Игорь Васильевич... Отобрал что-то похожее.

— Очень похожее!— удовлетворенно сказал Корнилов.— Набор для вскрытия сейфов. Ты понял, Бугаев? Ну и Леонид Иванович! Ну и мастер! С ним можно любую кассу брать.

Все рассмеялись, и Корнилов дружески обнял Колокольникова за плечи.

Они зашли еще на несколько минут в кабинет к Игорю Васильевичу, оставив Николая Михайловича в одиночестве рассортировывать свой «инструментарий». Поговорили о том, что лето слишком жаркое, в городе не продохнуть, и о том, что от ночных дождей никакой пользы нет, одна влажность. Леонид Иванович пригласил Корнилова к себе на дачу порыбачить.

— Приглашение принимаю,— сказал полковник.— Места у вас красивые. Бугаев, я думаю, теперь зачатит в ваши края. Да и я как-нибудь воспользуюсь приглашением.

— Конечно,— обрадовался Колокольников.— Порябачим. Организуем шашлык...— Он умолк на полуслове, с запозданием уловив интонацию Корнилова, посмотрел внимательно на него и спросил:— Думаете, это серьезно? Не просто наезд, как выражается старший лейтенант Орехов?

— Взломщик с набором инструментов не бегаёт ночью сломя голову на свидание. Не правда ли?

— Да, наверное,— согласился Колокольников.— Вы все-таки думаете, взломщик?

Корнилов улыбнулся:

— Инструменты-то вы опознали. И сверло... Непростое сверло. Такие сверла на особом учете.— Он нахмурился и мягко, но решительно сказал:— Большая к вам просьба, Леонид Иванович. Не занимайтесь больше никакими розысками.— Он улыбнулся.— Очень хорошо, что вы нашли это сверло. Но ведь в случае чего ни один суд не примет его как вещественное доказательство.

— Почему же?— удивился Колокольников.

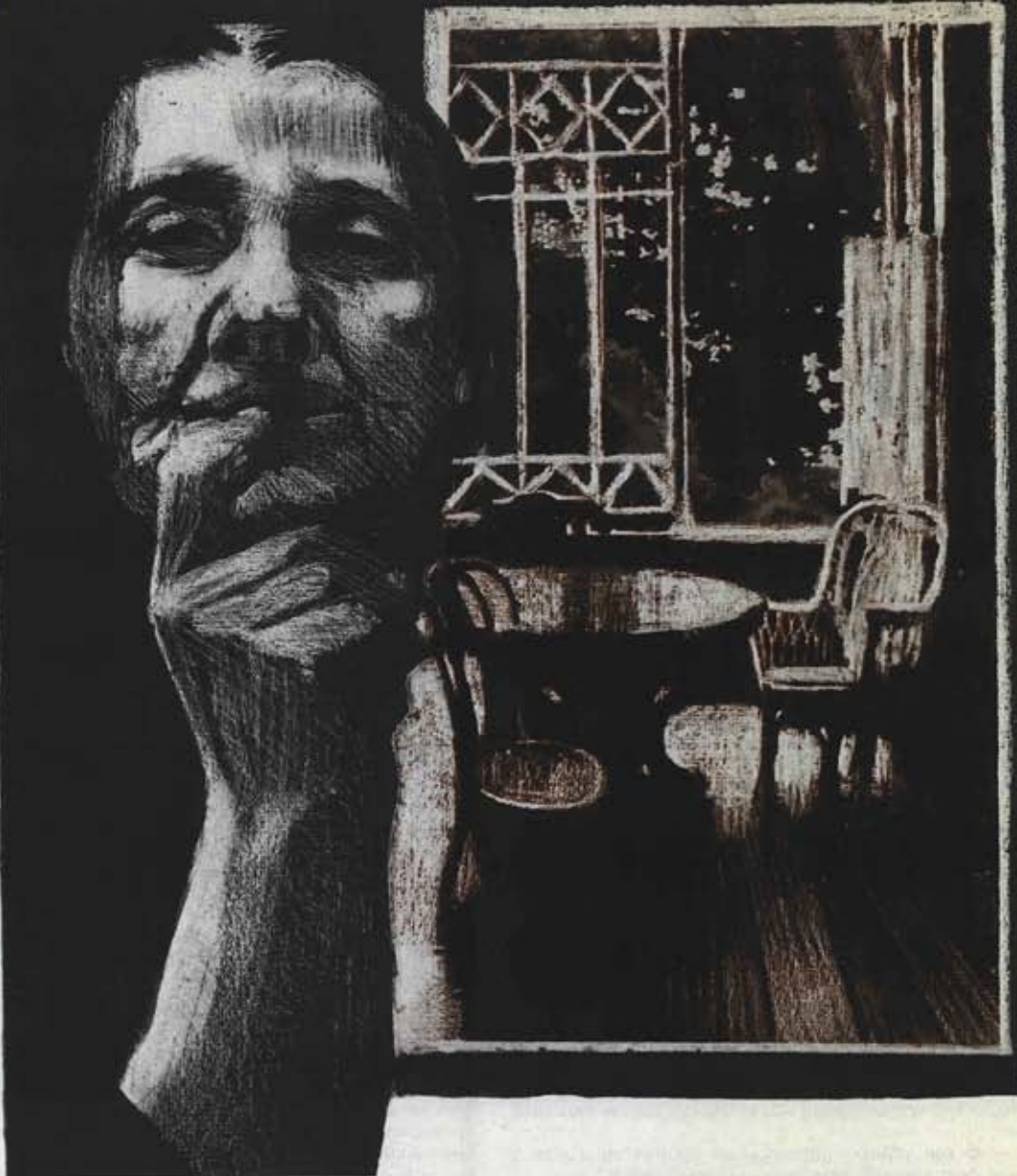
— Да потому, что заинтересованная сторона скажет во время судебного процесса: может быть, свидетель и не находил ничего на месте происшествия, а сверло принес из дома.

— Этак все можно отместить!— сердито проворчал Колокольников.— И никому не верить!

— Нужно верить.— Корнилов чувствовал, что разговор на эту тему может приобрести затяжной характер, а ему хотелось скорее начать действовать.— Нужно верить,— повторил он.— От слова, сказанного в суде, зависит судьба человека. И поэтому слово следует подкрепить объективными доказательствами.

А Колокольников не торопился уходить. Ему было интересно сидеть в этом просторном кабинете и вести задушевную беседу с опытными сыщиками, которые никак не бравировали своей опытностью, а разговаривали с ним на равных.

Продолжение. Начало в № 14.

— Знаете, Игорь Васильевич, в жизни бывают случаи, когда нет никаких других доказательств, кроме честного слова...

— Вы меня извините, Леонид Иванович,— прервал Колокольникова Корнилов,— но случай, ради которого пришли к нам вы, требует от нас максимальной оперативности. Сутки уже упущены... Так что извините! — Он поднялся из-за стола, протянул Колокольникову руку.

— Да, да, конечно,— смутился Леонид Иванович и поспешно вскочил.— Я вас в это дело втравил и сам же отвлекаю разговорами.— Он ответил на дружеское рукопожатие и, виновато улыбаясь, сказал:— Спасибо. Еще раз извините.

— Телефоны наши у вас есть. Если что— сразу звоните,— попросил полковник.— И никаких расследований. Обещаете?

— Конечно.— Колокольников пожал руку Бугаеву и направился к дверям. Корнилов отметил, что Колокольников сутулится. И костюм сидит на нем мешковато.

— Леонид Иванович,— сказал он ему вдогонку,— как что-нибудь прояснится, я вам позвоню. А сейчас садитесь в приемной и подробно опишите все, что видели. И все приметы человека, шарившего вечером на месте происшествия.

Колокольников обернулся и согласно кивнул. Как только за ним закрылась дверь, Корнилов сел в кресло перед маленьким столиком и сказал задумчиво:

— Дело, Семен, непростое.

Бугаев улыбнулся:

— Я, Игорь Васильевич, еще с университета помню ваши слова: «Простых дел в милиции, товарищи студенты, не бывает».

— Помнишь?— хитро сощурился Корнилов.— Неужто? Это когда я у вас практику вел?

— Так точно. И еще помню: «В уголовном розыске не только голова, но и ноги должны работать».

Полковник скептически покачал головой:

— Помнить-то помнишь, да что-то на практике плохо мои советы применяешь.— И, посерьезнев, оборвал воспоминания:— В этой истории достоверно известно, что в ночь со второго на третье августа на Приморском шоссе неизвестный водитель на автомашине «Жигули» сбил неизвестного прохожего.

— Получившего неизвестно какие повреждения,— сказал Бугаев.

— Правильно. Скорее всего он даже скончался от полученных травм. Что нам еще известно?

— На месте происшествия пропали удочки и весла свидетеля.

Бугаев любил такие быстрые и острые беседы у полковника, беседы, которые велись перед тем, как составить план розыскных мероприятий, помогали четче представить положение дела, взвесить все «про» и «контра»¹ и не упустить ни одной мелочи.

— Вот эти удочки...— поморщился Корнилов.

— И весла,— добавил майор.— Стал бы виновник катастрофы совать их к себе в машину?

— Вот именно,— согласился Корнилов.— Когда происходит такое несчастье— сбивают внезапно выскочившего на дорогу человека,— даже закоренелый подлец может растеряться. Допустим, водитель возвращается и берет пострадавшего в машину. Зачем? Один— чтобы доставить в больницу, другой— чтобы скрыть преступление. Но с ходу сообразить, что надо забрать еще и весла с удочками?..

— Но ведь логика в рассуждениях этого инженера есть,— сказал Бугаев так, словно не он еще десять минут назад скептически качал головой, когда Колокольников высказывал свои предположения.— Трудно нам будет выйти на такого догадливого автомобилиста.

— А может быть, никакого автомобилиста и не было?

Бугаев удивленно уставился на полковника.

— Я хочу сказать, что не было наезда,— спокойно продолжал Корнилов.— Этого человека— взломщик он или нет, мы пока точно не знаем,— кто-то подстерг на шоссе и избил...

— А скрип тормозов? Удар? «Жигули», наконец, которые видел Колокольников?

— Проезжала машина, водитель увидел лежащего человека, резко затормозил, хотел помочь, но потом испугался и уехал.

— Прихватив удочки и весла?

— Дались тебе эти удочки!— сердито бросил Корнилов.— Если хочешь знать, эти удочки могли прихватить случайные прохожие. Какие-нибудь рыболовы вроде Колокольникова. То, что их пропажа близка по времени с обнаружением пострадавшего, еще ничего не доказывает.

¹ За и против (лат.).

— Я и хочу сказать, что в этом непростом деле пока ничто ничего не доказывает.

— Кроме того, что мертвый человек на дороге все-таки лежал!— раздражаясь, сказал Корнилов.— Допустим, что он взломщик. Честные люди по ночам с таким набором воровских инструментов не ходят. Могли свои сбить? Чего-то не поделили. Поссорились.

— В такую минуту счеты не сводят!— возразил Бугаев.

— Маловероятно,— с нажимом произнес полковник,— но исключать нельзя.— И, нарисовав на листе квадратик, написал: «Свои». Потом нарисовал еще один квадратик и написал: «Случайный проезжий».— Случайный проезжий, Семен, самая перспективная версия. Но вот тут-то начинаются вопросы. Он мог сбить и уехать. А потом испугался и вернулся. Погрузил в машину и увез в неизвестном направлении. Бросил где-нибудь подальше в лесу, закопал, кинул в озеро... Это одно направление. Второе— сбил и не возвращался. Третье— у погибшего могла быть назначена встреча на шоссе со своими. Колокольников побежал звонить, а в это время подошли дружки...

— И унесли на кладбище?— усмехнулся майор.— Похоронить? Если это дружки, которых мы имеем в виду, то похороны не в их традициях. Чемодан бы забрали, а погибшего бросили.

— А может быть, они подумали, что он еще жив? И в больнице проболтается?— возразил Игорь Васильевич.

— Он мог быть жив и в самом деле, Колокольников не врач...

Корнилов вздохнул:

— Ты прав, что сомневаешься. Но давай сомневаемся и в другую сторону.— Он усмехнулся, покачал головой.— Наверное, нельзя сомневаться в разные стороны, а?

Бугаев промолчал.

— Так вот— дружки посчитали, что он был слишком заметной фигурой. Для нас. И они испугались: найдут труп. Выяснение личности. Пальчики. А пальчики о многом расскажут.

— Интересно, товарищ полковник,— с наигранной меланхолией сказал Бугаев и даже вздохнул.

— Что интересно?

— Дело вообще интересное. Чисто теоретически. Наверное, может в «Следственную практику» по-

пасть. Только на нас уже столько висит! Грубо, зримо, как говорится. А тут что? Тупа нет, следов нет. Даже тормозного следа на асфальте нет.

Корнилов нахмурился.

— Я, товарищ полковник, чувствую, что вы это дело мне хотите поручить, и ничего против не имею. Но ведь происшествие автодорожное — пускай им и занимаются те, кому положено. А у меня, — загнул один палец Бугаев, — ограбление в Стрельне...

— Не трудись, — остановил его Корнилов. — Сейчас ты загнешь все пальцы. После того, как Колокольников разобрался в инструментах, я считаю, что он дал объективную картину. Значит, погибший...

— Или пострадавший, — вставил Бугаев.

— Или пострадавший, — согласился полковник, — это не меняет дела — опытный взломщик. Не новичок. Ты сам знаешь — такие наборы теперь редкость. А значит, готовилось преступление. — Увидев, что Бугаев хочет возразить, Корнилов остановил его: — Все, Семен, прения сторон закончены. Делом заниматься надо. На сегодня задача такая — поиски «Жигулей» белого цвета, проезжавших около трех часов ночи по Приморскому шоссе. И еще: надо предупредить все сберкассы и предприятия Сестрорецкого и Ждановского районов, чтобы были более внимательны. Улучшили охрану. Запроси данные, кто из известных медвежатников может предположительно быть сейчас в городе.

Бугаев ушел. Полковник достал из сейфа папку с ежедневными сводками происшествий. Внимательно перечитал их за весь последний месяц. Никаких ограблений или попыток ограбить кассы предприятий или сберегательные кассы в сводках не значилось. Он отложил папку. Недовольно подумал о разговоре с Бугаевым. «Не слишком ли я миндальничал с сотрудниками? Все со мной спорят, доказывают свои точки зрения». Полковник был человеком мнительным, знал это хорошо, но ничего поделать с собой не мог. И вдруг ему пришли на память слова, прочитанные недавно в одной из книг, он только никак не мог вспомнить, в какой: «Мы заслуживаем уважения лишь постольку, поскольку умеем ценить других».

5

Бугаеву хотелось представить, как шел погибший из поселка к шоссе в три часа утра. Он позвонил в Зеленогорск участковому инспектору и попросил, чтобы тот его встретил на пятьдесят пятом километре.

— В три утра? — переспросил инспектор. Голос у него был мягкий, молодой. — Я не ошибся?

— Нет, не ошибся! — не желая вдаваться в подробности, коротко ответил Бугаев.

Семен попросил шофера доехать до пятидесяти шестого, а сам пошел не спеша на встречу с инспектором пешком. Справа за редкими соснами виднелся залив. Тихий, словно придавленный густым слоем тумана, висевшим в метре над зеркальной водой. Лишь изредка доносился свист крыльев и тяжелый всплеск — утки уже вылетели на кормежку.

Ни одна машина не проехала по шоссе, ни один человек не встретился по пути.

Инспектора Бугаев заметил издали. В стороне залива, среди дюн, на толстом бревне, наверное, выброшенном морем, сидел человек и смотрел на залив. «Не иначе, как он, — решил Семен. — Кто еще по доброй воле будет рассиживаться здесь в такую рань?»

Майор пересек шоссе, перепрыгнул неглубокую, заросшую пыльной травой канаву и пошел по вязкому, сыпучему песку. Песок чуть скрипел под ботинками, и сидевший на бревне обернулся. Увидев Бугаева, он встал и двинулся навстречу. Так и сошлись они среди песчаных дюн, оставив за собой прямые стежки осыпавшихся следов.

— Товарищ майор? — спросил инспектор и, еще не дождавшись ответа, протянул руку.

Бугаев пожал ее и кивнул.

— Он самый. Бугаев Семен Иванович.

— Лейтенант Аникин, — представился инспектор. — Павел Сергеевич.

— Заливом любуетесь?

— Да, товарищ майор, — вздохнув, ответил инспектор. — Я им всегда люблю. В любую погоду. — И тут же добавил, пряча улыбку: — В свободное от службы время.

Инспектор понравился Семену. Был он молод, высок, держался очень естественно, без суеты, которую так не терпел Бугаев.

— Тут у вас где-то есть тропинка с пятьдесят пятого километра в поселок, — сказал майор. — Знаете ее?

— Знаю, — кивнул инспектор. — Я по ней и пришел. Вы, наверное, в связи с этим случаем? С заявлением Колокольникова?

— Слышали об этом?

— Да. Замначальника просил меня навести справки о Леониде Ивановиче. — Он поднял руку, приглашая Бугаева пойти. — Тут рядом. Видите просвет в кустах?

— Вижу. Ну, и что вы о нем узнали? — Бугаев

пропустил вперед Аникина, сам тронулся за ним, ступая след в след.

— Приличный мужик. Интеллигентный. Инженер. Рыбак заядлый.

— Последнее вы к достоинствам или к недостаткам относите? — усмехнулся майор.

— К достоинствам. Когда-то сильно пил. Даже лечился от запоя.

— А теперь и в рот не берет?

Аникин обернулся и весело посмотрел на Бугаева.

— Берет. И это, товарищ майор, я тоже к достоинствам отношу. Боюсь тех, кто слишком крепко завязывает — срываются легко.

— Правильно! — поддержал его Семен. — Я тоже так считаю.

На шоссе инспектор показал место, где, по словам Колокольникова, он нашел сбитого автомобилем мужчину.

— Ничего удивительного, — сказал Аникин. — Тропинка, видите, прямо на шоссе выскакивает.

— В это время кто же по лесу сломя голову бегают? — засомневался Бугаев.

Инспектор пожал плечами.

— Ну что ж, двинулись, — предложил Бугаев и первым сошел с обочины на тропинку. Тропинка была узкая, но хорошо утоптанная. Корни от сосен перекрестили ее вдоль и поперек. Бугаев несколько раз споткнулся и вспомнил, как в детстве ездил по таким трясским тропинкам на велосипеде.

Только сейчас он услышал с шоссе шум первой машины. Это был даже не шум, а какое-то жужжание. Так может жужжать только машина ранним утром или ночью на пустой дороге.

— Откуда по этой тропинке мужик мог идти? — спросил Семен.

— Скорее всего из поселка. — Участковый инспектор вдруг нагнулся и сорвал в траве небольшой подберезовик на длинной тонкой ножке. — Я все эти тропинки хорошо знаю. Со станции сюда незачем идти, есть дорога покороче. Этот мужик или местный, или дачу тут снимал, или в гостях у кого-то был. Из местных никто не пропал. А вот с дачами сложнее.

— А что же, дачники не прописываются на лето? — поинтересовался Бугаев. — Порядок ведь есть. Аникин вздохнул.

— Если мне дачниками заниматься, то ни на какое другое дело меня не хватит.

Они вышли на небольшую поляну, где стояло несколько засыпных финских домов. Участковый показал на небольшой, выкрашенный красивой темно-вишневой краской домик.

— Колокольников здесь снимает. У старухи одной.

— Начальник мой считает, что весла и удочки Колокольникова просто кто-то украл, — сказал Бугаев, рассматривая домик. Среди начинающих желтеть берез домик выглядел симпатично. — И что с происшествием на шоссе это не связано. Вы бы, лейтенант, проверили такой вариант. Поинтересовались бы в поселке, мальчишек порасспрашивали. Они все знают.

— Хорошо, товарищ майор, — кивнул Аникин.

— А с проверкой гостей и дачников дело сложное. Есть у нас подозрения, что те, у кого этот мужчина гостевал, могут и не признаться. Если только хорошо знали его.

— Вот как? — удивился участковый. — У вас есть данные о нем?

— Не данные, — поморщился Бугаев, — а пока только подозрения. Похоже, что в своем чемоданчике носил он набор воровских инструментов. А честный человек ранним утром с таким багажом по лесу разгуливать не станет. Но проверять все равно надо. Дружинников привлечь придется.

— Значит, искать надо дом, из которого ранним утром ушел мужчина средних лет с маленьким чемоданчиком? — спросил Аникин.

— Про чемоданчик упоминать не надо. Если повеет и выясним про мужчину, с чемоданчиком разберемся.

Метров через сто они вышли на асфальтированную дорогу. Начался сам поселок, но осталось ощущение, что все еще идешь по лесу, — дома стояли хоть и плотно друг к другу, но все в осадку, среди сосен и густых зарослей сирени. Нигде еще не было признаков жизни, только где-то в глубине поселка не переставая горланил хрипчатый петух.

— Я думаю, что сначала надо проверить тех, кому уже приходилось иметь с законом дело, — сказал Бугаев, с удовольствием разглядывая аккуратные, один к одному, домики. Здесь они были уже не такие хлипкие, как тот, где обитал Колокольников. — Есть у вас такие?

— Хватает, — махнул рукой участковый инспектор. — Только за последний месяц двое из заключения вернулись.

— Что за люди?

— Торговые работники. Вот, кстати, слева видите домик?

Бугаев посмотрел туда, куда показал Аникин, и присвистнул. За невысоким палисадником красовался двухэтажный, с огромными окнами дом из темного обливного кирпича. Четырехскатная крыша была

покрашена темно-зеленой краской. «Как памятник архитектуры», — подумал майор и сказал:

— А кирпич-то дефицитный, частнику такой не продают.

— А что директору мебельного магазина дефицит?! Что ему фондовые материалы?! Знаете, Семен Иванович, — вдруг с горечью сказал Аникин, — у нас в доме газ проводили, кусок оцинкованного железа потребовался для вентиляционной трубы. Я все хозмаги объездил — нигде нет. «И не ищите, — продавцы говорят, — фондовый материал». А этот голубчик себе всю крышу оцинкованной жестью покрыв.

— Так ведь и посадили, — усмехнулся Бугаев.

— Посадили, да только за другие делишки. И даже дом не смогли конфисковать. Он его на деда записал.

— С этим все ясно. Он хоть и из тюрьмы вышел, а воров, наверное, пуще честного человека боится. А еще кто из заключения вышел?

— Молодой парень. Герман Алексеев. За драку сидел.

— С ножичком?

— Так точно.

— Этого надо проверить. Молодежь в колонии такого поднабраться может...

— Да. Вот меня и мучает вопрос: что хуже — посадить парня за драку, за хулиганство и через год-полтора получить вполне оформившегося бандита или простить на первый раз?

«А он философ, этот участковый, — с некоторым разочарованием подумал Бугаев. — Интересно, как он в работе? Дело делает или только философствует?» И спросил с ехидцей:

— А вы, лейтенант, как же с оцинкованным железом вывернулись?

Аникин понял и рассмеялся.

— Товарищи выручили. Шепнули, где дом на слом идет, так я оттуда старую водосточную трубу привез.

Они вышли на небольшую площадь. Среди цветника стоял бюст Ленина. Пожилая женщина выкладывала из цветов дату: «Пятое августа 1982 года».

— Первый живой человек, — сказал Бугаев, и посмотрел на часы. — От центра поселка до шоссе — двадцать одна минута, а где ваша контора? Посидим, картину битвы нарисуем. А там, может, ты и кофейком меня угостишь?

— Могу и кофейком, — улыбнулся участковый. — Озябли, наверное?

— Да нет, не замерз. Я вот шел и думал: какое хорошее время — раннее утро! Воздух какой! Отравить еще не успели.

Лейтенант промолчал. Только подумал: «Вам бы, товарищ майор, каждое утро в пять или в шесть вставать да в город на работу ездить, как многие поселковые...»

...В маленьком кабинетике участкового было тепло и уютно. Чистый, до блеска натертый пол, хорошие стулья, идеальный порядок на крошечном письменном столе, на стене — цветная фотография в рамке: поле спелой пшеницы, а за полем — маленькая деревушка в полукруге радуги. Даже сейф в этом кабинете не выглядел как символ бюрократической власти. Он был покрашен светло-серой краской, а на нем стоял в красивой вазочке букет засушенного спелого овса. «В этом кабинете, наверное, и люди чувствуют себя спокойнее. И держатся откровеннее», — думал Бугаев, глядя, как лейтенант заваривает кофе в кофеварке. Когда Аникин поставил чашки с кофе на журнальный столик, Семен спросил:

— Это вы сами все так разделили?

— С помощью дружинников.

— Нет, Аникин, здесь не дружинники, здесь наверняка дружинницы постарались.

— И дружинницы тоже, — подтвердил участковый. — В нашем поселке парней-то неоткуда взять. Знаете, Семен Иванович, — неожиданно перевел он разговор, — что меня сейчас больше всего волнует? Двойная мораль.

«Сюда бы моего шефа, — подумал Бугаев и улыбнулся, — они бы на эту тему поговорили». Корнилов не раз затрагивал этот вопрос на совещаниях.

— Вы не смеётесь, Семен Иванович, — сказал Аникин. — Возьмите тех же Новиковых. Из кирпичного дома. Я вам показывал.

Бугаев кивнул, отхлебнув кофе.

— У них трое детей. Представьте, кем они вырастут? В школе им говорят о честности и порядочности, о наших прекрасных законах, дома ведь их тоже, наверное, воровать не учат. Не убий, не укради, говорят. Но дети-то видят, что отец ворует, покупатель грабит. Кем они вырастут? Во что верить будут?

Бугаев молчал.

— Молчите? Считаете, что я утопист?

«Я бы тебе кое-что похлеще мог про двойную мораль рассказать», — подумал Бугаев, начиная потихоньку раздражаться от философских пассажей инспектора. Он был по натуре человек деятельный, горячий. В тех случаях, когда знал, что его вмешательство, его энергия помогут делу, бросался очертя голову и работал самозабвенно. Но жизнь научила его не ставить перед собой неразрешимые задачи. И не тратить слов там, где он не мог помочь делом сам и не мог убедить сделать это дело других.

И сейчас он не нашел, что ответить участковому. Только пошутил мрачно:

— Утопист от слова «утопиться».

Они молча допили кофе, и Семен сказал:

— Давайте, «утопист», займемся делом. Для начала составим список людей, с кем надо побеседовать в первую очередь. В том числе выберите тех, кто занимается слесарными работами. Может быть, есть и такие, кто ремонтирует автомобили.

Лейтенант открыл свой шикарный сейф и достал две толстые большие тетрадки в черных коленкорových обложках...

Через час они составили три списка—в одном, самом коротком, было семнадцать фамилий людей, которых следовало проверить в первую очередь. Это были вернувшиеся из заключения, спившиеся туеядцы, люди, имевшие приводы в милицию. Во втором—те, о ком были сведения, что они пускают жильцов, и в третьем—те, кто имел дело с обработкой металлов: слесари, водопроводчики, токари, ремонтники. Их Бугаев насчитал больше пятидесяти.

— Привлекай, Павел Сергеевич, дружинников,— сказал он участковому.— Я попрошу в райотделе парочку оперативников.

— А сроки?

— Чего я тебе про сроки буду говорить? Чем скорее, тем лучше. Только по совести.

Аникин кивнул.

— Вы тоже пойдете?

— А куда ж я денусь? Пойду. Давай мне пяток адресов из первого списка.

Пока участковый писал, Бугаев вдруг вспомнил женщину, выкладывающую из цветов сегодняшнюю дату. «Вот кого надо спросить в первую очередь,— подумал он.— И прикинуть, что еще так рано встает».

— Павел Сергеевич,— остановил он Аникина,— пожди писать. Есть одно соображение...

Участковый поднял голову от бумаги.

— Знаешь пословицу: кто рано встает, тому бог подает?— спросил Семен.

— Нет,— мотнул головой лейтенант и улыбнулся.— Это вы про нас?

— И про нас тоже. Но сначала про них,— Бугаев показал на списки.— Надо прежде всего опросить тех, кто встает в поселке раньше всех.

— В три, в четыре вряд ли кто встает...

— Вряд ли, вряд ли! А тетку ты видел, что с цветами занималась?

— Видел. Она, наверно, случайно так рано поднялась. Может, какие-то дела заставили.

— Ладно, гадать не будем,— строго сказал Бугаев.— На станции билеты когда начинают продавать? Когда у кассиров смена? Шоферы и кондукторы автобусов у вас живут? Когда они встают, если в первую смену? Поливалки всю ночь работают.

— Да откуда у нас поливалки...— начал было Аникин, но осекся.— Нет, и правда одна поливалка у нас есть.

— То-то же. Если поднапрячься, еще что-нибудь вспомним. Одни рыбаки чего стоят!— И заметив, как Аникин свел в гармошку лоб, сказал весело:— Да не морщи ты лоб! А то состаришься рано.

Еще через три часа пожилой неразговорчивый кочегар Устинов из санатория «Приморье» рассказал Бугаеву, что видел позавчера рано утром средних лет мужчину с маленьким чемоданчиком. Приметы этого мужчины сходились с теми, что сообщил Колокольников.

Каждое слово из кочегара приходилось вытягивать клещами. Сказав, что столкнулся с мужиком почти нос к носу, Иван Андреевич только пожимал плечами на вопрос Бугаева, в каком месте это произошло.

— Да в поселке ж. Иду— и он шагает. А где?...— Он хмурился, напрягая память.— Нет, не помню. Вроде бы закурил я тогда. Затынулся, гляжу, мужик навстречу идет. И тоже курит.

Пришлось Бугаеву объясняться с ним, как с маленьким.

— Иван Андреевич,— вкрадчиво говорил Семен,— вот вышли вы из калитки...

— Нет у нас калитки.

— Ну, ладно. Калитки нет. Но из дома-то вы вышли? На улицу. Вы ведь на Железнодорожной живете?

— На Железнодорожной,— меланхолично кивал Устинов.

— Вышли вы на Железнодорожную улицу...

— Нет, на Морскую вышел. Мне по Морской ближе. По тропке через сад.

— Прекрасно. На Морскую,— радовался Бугаев и рисовал на листочке прямые линии.— Вот так они проходят, Морская и Железнодорожная? Правда?

— Правда,— соглашался кочегар.— Здесь наш дом,— ткнул он пальцем в план.

От пальца кочегара на бумаге осталось черное пятно. «Очень даже наглядно»,— подумал Бугаев и продолжал шаг за шагом двигаться вместе с Иваном Андреевичем по Морской улице на встречу с неизвестным мужиком. Оказалось, что встретились они на пересечении Морской и Песочной. Незнакомый с чемоданчиком шел по Песочной в сторону Приморско-

го шоссе. Это уже было кое-что. Хоть и с большим трудом, но майору удалось выудить из Устинова еще некоторые подробности. Мужчина шел быстро и, как показалось кочегару, слегка прихрамывая. Лицо загорелое, «сурового вида», как выразился Иван Андреевич. Одет он был в темный костюм и кеды. Кроме «сурового вида», других примет кочегар не вспомнил.

Когда Бугаев с Аникиным вернулись в комнату участкового и прикинули по плану поселка, то вышло, что неизвестный мог идти только от одного из девяти домов, расположенных на дальнем от центра отрезке Песочной улицы. Сектор поисков значительно сузился.

6

Из девяти подлежащих проверке домов на Песочной два уже значились в составленных Бугаевым и Аникиным списках. Один принадлежал пенсионерке Зинаиде Васильевне Блошкиной, сдававшей несколько комнат жильцам, другой— слесарю-водопроводчику Тагиеву.

Аникин торопливо переписал на маленькую бумажку адреса, покачал головой и улыбнулся.

— Чего веселишься?— заинтересованно спросил Семен.

— Знакомая бабуля, Блошкина. Две недели назад заходил к ней, обещал штрафануть за то, что жильцы без прописки живут. Так ведь такая притвора! И сердце у нее колет и печенка ноет. Пять раз капли принимала, пока со мной разговаривала. Клялась и божилась, что ни одного человека без прописки не пустит.

— А ты спросил, кто живет?— поинтересовался Бугаев.

— Спросил.— Аникин безнадежно махнул рукой.— У нее разве добьешься толкового ответа?— Он встал, спрятав бумажку с адресами в карман кителя.— Пошли, товарищ майор?

Бугаев, сидя в кресле, потянулся и почувствовал, что хочет спать. Лейтенант заметил и сказал:

— Может, я один схожу? А вы часок вздремнете?

— Издеваешься, что ли?— Семен с трудом сдержал зевок и тряхнул головой.— Это все ваш воздух. Слишком озонистый. Мне бы сейчас у выхлопной трубы подышать.

Они вышли на улицу. Машина, на которой Бугаев приехал, стояла теперь рядом с домом. Шофер спал, нагнувшись лохматую серую кепку на глаза.

— Пешком пойдем?— спросил майор у Аникина.

— Как скажете. Тут недалеко.

— Тогда пешком. Незачем нам внимание привлекать.

Бугаев подошел к машине, открыл дверцу. Шофер вздрогнул и проснулся. Щегольская кепка съехала на затылок.

— Кемаришь, Саша?— усмехнулся Семен.

— Наше дело такое,— сказал шофер, поправляя кепку.

— Начальство на связь выходило?

— Нет,— шофер посмотрел на радиотелефон.— Молчит. Что, Семен Иванович, едем?

— Нет. Мы с участковым еще прогуляемся по поселку. Сейчас на Песочную улицу пойдем. Если что срочное—там разыщешь.— Он обернулся к лейтенанту.— Какие дома?

— Сорок первый и сорок третий.

— Соседи?!— удивился Бугаев. И сказал шоферу:— Подъедешь, гудни.

Шофер кивнул.

Они пошли по пешеходной асфальтовой дорожке, проложенной через основную рощу. Деревья росли здесь густо, тянувшись к свету молодая поросль, и домов почти не было видно. Только слышались крики и веселый гомон детей, звуки музыки. Ветерок наносил горьковатый запах чуть подгорелой каши.

— Пионерский лагерь?— спросил Бугаев, прислушиваясь к напоминавшим детство звукам.

— Детский сад. У нас каждое лето не поселок, а республика ШКИД. И детсады и лагерь.— В голосе Аникина слышались недовольные нотки.— Работки подваливают— один сбегал, другой заблудился. Да родители еще...

— А что родители?

— Ну как что? Приедет в воскресенье папаня дите проведать, встретит другого папаню... А третьего найти— пара пустых.

— Вот ты про что! Пьют, значит?

Лейтенант пожал плечами и вдруг сказал со злостью:

— Я бы этих пьяниц!— И показал крепко сжатый кулак.

— Здоровенный у тебя кулак,— подмигнул Бугаев лейтенанту.

— Да нет, я серьезно... Побывал недавно в одном интернате. Для дебильных детей. Там такого шума не услышишь.— Аникин кивнул в ту сторону, где за соснами гомонил детский сад.— Забор двухметровый. А дети! И дебилы и уроды. Как в кошмарном сне. Главврач мне рассказывал— большинство в пьяном грехе зачаты. Два парня...

— Хватит тебе, Павел Сергеевич, душу травить.

Лейтенант обиженно замолчал. Бугаеву стало неловко за свою резкость, и он сказал:

— Потом мне как-нибудь доскажешь. А сейчас забивать себе голову уродами не время. У нас свои уроды. Почисти этих.

Некоторое время они шли молча. Потом Бугаев сказал:

— А зря ты, Павел Сергеевич, у этой Мышкиной жильцов не проверил прошлый раз.

— У Блошкиной,— поправил Аникин.

— Ну, у Блошкиной. Какая разница?

Аникин засмеялся.

— Блошкина— это феномен!

— Ты чего заливаешься?

— Сами увидите.

Остальную дорогу они опять молчали. И только перед большим двухэтажным домом Аникин остановился и сказал тихо:

— Ее дом. Блошкиной,— и кивнул на густые заросли сирени в отдалении.— А там домик Тагиева.

— Пойдем в этот,— хмуро сказал Бугаев, разглядывая сильно обветшавший дом Блошкиной. Похоже, что строили его еще до революции. Весь он был вычурный, с балкончиками, с двумя башенками, с остатками ажурных деревянных кружев под крышей. Но старые бревна кое-где подгнили и были залатаны кусками фанеры, полосками жести.

— Ничего себе домина,— проворчал Бугаев под нос, поднимаясь вслед за участковым на зыбкое деревянное крыльцо.— Он что же, весь твоей Блошкиной принадлежит?

— Весь, Семен Иванович.— Аникин постучал в дверь и, обернувшись к майору, хотел еще что-то добавить, но дверь тут же раскрывалась и выглянула невысокотая круглолицая старуха.

— Здравствуйте, гражданин Блошкина,— поздоровался Аникин.

Старуха прищурилась подслеповато, но Бугаеву показало, что она и так все хорошо видит. Глаза у нее были с хитринкой.

— Милиционер, никак?

— Участковый инспектор Аникин.

— Слышу, слышу, Аникин. Меня, кроме вас, никто гражданкой не называет.— Она прищурилась теперь на Бугаева.— А этот чернявый с вами не врач?

— Старший инспектор Бугаев,— молодцевато, с некоторым даже наигрышем представился Семен, пропустив мимо ушей слишком уж фамильярный эпитет.

— Проходите, милые, проходите,— пригласила Блошкина, распахивая дверь.— На веранду проходите. Да поосторожнее ступайте, не провалитесь. Рушится дом-то мой. Как и я, старая, рухнет...

Аникин, видать, уже бывал на этой веранде, потому что пошел уверенно по темному коридору. Старуха шла следом и сетовала сокрушенно:

— Ай-я-я-я. Не врач, значит! А я-то решила— врач.

— Да зачем вам врач, Зинаида Васильевна?— спросил Бугаев.

— Ух ты! И по имени-отчеству знаешь?— удивилась Блошкина.

На огромной веранде стоял старинный, красного дерева овальный стол, накрытый клеенкой, и четыре стула. Стулья тоже были очень приличные, но все совершенно разные.

— Садитесь, милые, садитесь,— ласково пригласила старуха.— Я только капелек себе накапала. Сердце третий день жмет и жмет.— Она раскрыла маленький дубовый шкафчик, висевший на стене, и Бугаев увидел великое множество пузырьков и пакетиков.

— А ты, миленький, спрашиваешь, зачем мне врач?— Блошкина ловко накапала в красивую, с сиреневыми лилиями рюмочку капелек, плеснула туда воды из графина и выпила. Села и, уже не шуряя, посмотрела внимательно сначала на Бугаева, потом на Аникина.— Болею я, молодые люди, болею. Недолго мне осталось. А вы с чем пришли? По моему заявлению?

— Нет, Зинаида Васильевна. Мы бы хотели узнать о ваших жильцах,— сказал Аникин, но старуха словно и не слышала его вопроса.

— Я уж месяц как заявление написала. Про автобус. До остановки-то мне два километра идти...

— Зинаида Васильевна,— мягко сказал Бугаев,— автобус— это не по нашей части. Скажите, кто у вас снимает комнаты?

— Как это не по вашей части?— удивилась Блошкина.— Аникин-то мне в прошлый раз говорил— милиция, ей до всего дело есть. Милиция, она с любым беспорядком борется, а если до автобуса два километра идти, какой же это порядок?

— Ну хорошо, хорошо,— согласился Бугаев.— Аникин разберется с автобусом. Завтра разберется. А сейчас ответьте на наш вопрос. Это очень важно.

— Важно? Ох!— она схватила за сердце.— Такая я трусиха. Сердце прямо падает. Может, врача бы вызвать?— Она с испугом посмотрела на лейтенанта.— Аникин, вы знаете, где тут телефон? Прошлый раз вызывали...— Она шагнула к Бугаеву и, неожиданно качнувшись, стала оседать. Семен едва успел ее подхватить.

Продолжение следует.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги третьего задания — «Физкультура и спорт»

На этот раз жюри сочло возможным присудить почетные дипломы многим участникам. Победителей в третьем туре нашего конкурса — двадцать человек. Самым удачным оказался вариант решения задания читателем **Б. Додатко** из Читы. Составленный им и присланный в редакцию кроссворд мы и публикуем. Кроме того, удостоены почетных дипломов «Смены»: **Г. Смолянинова** из Липецка, **В. Ветухова** из Харькова, **Г. Медведев** из Свердловска, **А. Семенов** из Днепропетровска, **В. Свитаев** из Москвы, **И. Блинов** из Жданова, **Х. Борхаджиев** из Гудермеса Чечено-Ингушской АССР, **М. Тагиров** из башкирского города Сибай, **П. Галактионов** из Ленинграда, **В. Борисов** из Коврова, **Е. Леонтьев** из Тюмени, **Р. Галявин** из Казани, **Л. Кузьм** из Нарьян-Мара, **К. Кнапп** из Москвы, **Н. Ларионова** из Мурманска, **В. Сазонов** из Пензы, **В. Генерцев** из г. Тосно, **Л. Флуг** из Гусь-Хрустального, **И. Гельфман** из Минска. Поздравляем победителей!

К сожалению, свыше двухсот участников конкурса не смогли справиться с заданием, внося зачастую неточные слова. Надо было бы воздерживаться и от терминов устаревших или выходящих из употребления. Все давно знают, что, к примеру, сейчас шахматная фигура «тура» называется ладьей, турник — гимнастический снаряд — именуется перекладиной. Нигде в центральной печати вы не встретите «ватерполо», а лишь «водное поло» (хотя название спортсмена — ватерполист — сохранилось). Некоторые участники конкурса ошибочно вместо имен существительных внесли другие части речи (бесспорно, браво, десять, грунтовая, завтра). Правда, зачастую читатели объясняли эти отступления от наших требований поспешностью, слишком короткими сроками конкурса. Редакция нашего журнала постарается эти пожелания учесть.

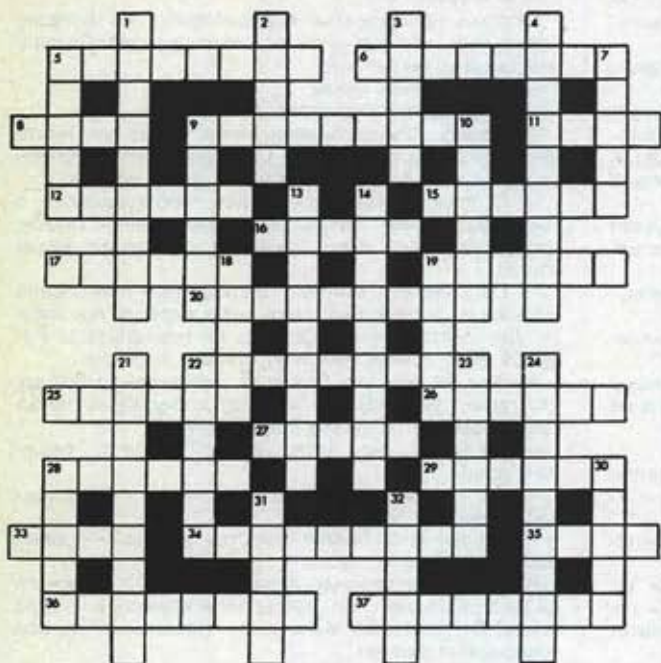
И строки из писем:

«...Сам процесс составления кроссворда на мою любимую тему спорта доставил мне немало приятных минут, хотя я выполнял редакционное задание в условиях моря, надеясь только на память», — пишет моряк дальнего плавания **В. Ветухов**.

«Спасибо. Самое главное, что эти занятия привлекли к чтению моего внука-пятиклассника, а ведь до сих пор он плохо и мало читал», — пишет **А. Ковалева** из Саратова. «Мне 2 июня исполнилось 53 года, — сообщает сварщик **В. Спицын** из Уфы. — Здоровьем похвастаться не могу, но ваша «оздоровительная нервотрепка» заставила меня пошевелиться». «Я систематически покупаю журнал «Смена» и всегда рада встрече с ним, — пишет из Ярославля **А. Романова**. — Пусть не выиграю конкурса, но все-таки рада, что участвую в творческом процессе». С нею согласен и **В. Бавлович** из поселка Опалиха Московской области: «...Я не претендую на приз, но буду ждать следующего задания...»

Редакция сообщает читателям, что конкурс кроссвордистов на этом заканчивается. Спасибо за деятельное участие. Ждем от вас новых пожеланий и предложений.

КРОССВОРД «Физкультура и спорт»
Составил **Б. ДОДАТКО**,
Чита

По горизонтали:

5. Спортивный инвентарь для выступлений в художественной гимнастике. 6. Советская волейболистка, чемпионка XIX и XX Олимпиад. 8. Период времени, часть некоторых спортивных игр. 9. Экипаж для спортивных состязаний у древних греков и римлян. 11. Белорусский спортсмен, олимпийский чемпион в метании молота. 12. Ковер для борьбы дзюдо. 15. Композиция из чурок в игре в городки. 16. Советский борец, бронзовый призер XV Олимпиады в полутяжелом весе. 17. Вид верховой езды. 19. Город, центр XXII Олимпийских игр. 20. Советский спортсмен, чемпион мира по современному пятиборью. 22. Первый советский олимпийский чемпион по велоспорту. 25. Морская рыба, объект спортивного рыболовства. 26. Эстонский баскетболист, неоднократный чемпион мира и Европы. 27. Спортивная игра, входившая в программу II и III Олимпиад. 28. Спортивная игра с мячом и ракетками. 29. Советский деятель физкультуры и спорта, один из организаторов советского футбола. 33. Обманное движение в спортивных играх. 34. Советская баскетболистка, неоднократная чемпионка мира и Европы. 35. Международный гроссмейстер, экс-чемпион мира. 36. Участник все-

мирых спортивных соревнований. 37. Стрелковое оружие, применяемое в спорте.

По вертикали:

1. Участник настольной спортивной игры. 2. Программа обязательных упражнений в фигурном катании. 3. Советский судья международной категории по боксу. 4. Элемент парного катания, разновидность поддержки. 5. Начало спортивных состязаний на скорость. 7. Центр зимних видов спорта в Румынии. 9. Прибор туриста для ориентировки. 10. Советский спортсмен, чемпион XX Олимпиады по десятиборью. 13. Советский конькобежец, первым удостоенный звания «заслуженный мастер спорта». 14. Спортивные комплексные соревнования. 18. Вид пули для стрельбы из охотничьего ружья. 19. Легкоатлетический снаряд для метания. 21. Заслуженный мастер спорта, председатель Федерации футбола СССР. 22. Неоднократная чемпионка СССР в стрельбе из лука. 23. Сооружение на футбольном поле. 24. Специальное приспособление в некоторых моделях спортивной обуви. 28. Спортивный костюм. 30. Тактический прием в фехтовании. 31. Крупнейший зимний спортивный комплекс в Казахстане. 32. Советское спортивное общество.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

5. Бисер. 8. Чинара. 10. «Варнак». 11. Крапива. 12. Хребет. 13. Лучник. 14. Ильмень. 15. Жаров. 18. Смола. 22. Фиорд. 26. Тольятти. 27. Индукция. 28. Натяг. 29. Нагасаки. 30. Увертюра. 31. Шквал. 34. Палас. 37. Пьеро. 40. Тангенс. 41. Адажио. 42. Каджий. 43. Кардано. 44. Эллипс. 45. Вовчок. 46. «Шкода».

По вертикали:

1. Вивальди. 2. Дециметр. 3. Витраж. 4. Тамбур. 6. Гречко. 7. Рапира. 9. Актив. 10. Вальс. 16. Альпака. 17. Острава. 19. Медведь. 20. Локатор. 21. Топаз. 22. Финиш. 23. Остов. 24. Дигул. 25. Цитра. 32. Контракт. 33. Алебарда. 34. Пудель. 35. Лыжник. 36. Стокс. 37. Псков. 38. Ендова. 39. Осипов.

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

— Этой головоломкой и стар и млад, а особенно молодежь, увлекаются не первый год. Почему же за ее изготовление промышленность взялась только теперь?

— Кубик Рубика и раньше продавался в магазинах. К сожалению, за ним действительно выстраивались большие очереди. Ведь в продажу поступали ограниченные партии, приобретенные внешнеторговыми организациями за рубежом.

Параллельно с закупками велись переговоры о продаже нам лицензии на производство популярной головоломки. Как вы понимаете, такие торговые сделки требуют всесторонней подготовки, а значит, и определенного времени. Не так давно переговоры успешно завершились, и сейчас мы располагаем

лицензией из Венгерской Народной Республики.

— Когда же начнется изготовление кубиков?

— Оно уже началось. Задание делать кубики дано одиннадцати предприятиям нашего министерства: на Урале, в Новосибирске, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Москве и Подмоскovie... Однако самым нетерпеливым следует учесть, что новые технологические линии вводятся в строй постепенно. И тем не менее все они в течение третьего квартала должны войти в строй.

Хотел подарить на день рождения своему сыну кубик Рубика. Но в магазинах постоянно отвечают: «Нет, и неизвестно когда будет». В чем тут дело? Будут ли наши предприятия выпускать эту модную игрушку?

Д. КОЗОДОЕВ, Свердловск

«ПОЛТОРА МИЛЛИОНА КУБИКОВ РУБИКА ВЫПУСТЯТ В ЭТОМ ГОДУ НАШИ ПРЕДПРИЯТИЯ», — говорит начальник управления развития производства игрушек Министерства местной промышленности РСФСР **Иван Петрович КУГОЕВ**.

— А хватит ли полутора миллионов кубиков для всех желающих?

— Видимо, нет. В будущем году мы планируем увеличить их производство в два-три раза. Ну, а дальше — в зависимости от спроса...

Беседу вел **Петр ВОЛКОВ**

Рисунок **Андрея ПОМОЗКОВА**

Музыка Юрия АНТОНОВА Стихи Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

КРЫША ДОМА ТВОЕГО

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Дорогие читатели! Сегодня мы начинаем очередной конкурс: решение шахматных задач и этюдов. Конкурс проводится в 8 туров, в каждом туре по 2 задания — задачи и этюды известных шахматных композиторов, в том числе ранее нигде не публиковавшиеся, составленные специально для конкурса «Смены».

Условия таковы. За выполнение каждого задания, в зависимости от степени его трудности, участнику присуждаются баллы, которые затем суммируются. Пять участников, набравших наибольшую сумму баллов, станут победителями, их ждут призы и дипломы журнала. Участники, занявшие последние двадцать мест, будут награждены книгами из библиотеки шахматной литературы.

Каждый участник конкурса должен прислать ответы на задания первого тура в письме, где, кроме решений, указываются фамилия, имя и отчество, возраст, профессия, спортивный разряд (если он

имеется) и домашний адрес. На конверте, в верхнем левом углу, необходимо сделать пометку «Шахматный конкурс-83. 1 тур».

Первый тур

Белые: Крс7, Фг8, Се8, Сг7, Кf3 5).
Черные: Крб4, п. а6 (2).
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

II
Н. Кралин (Москва)
Публикуется впервые.

Белые: Крб8, Фс5, Кб4 (3).
Черные: Кра3, Фf1, п. е5, е7, f2 (5).
Белые начинают и выигрывают (4 балла).

Последний срок отправления ответов на задания первого тура — **1 октября** (по почтовому штемпелю).

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Дорогие любители игры в шашки! Редакция «Смены» объявляет новый конкурс. Принять в нем участие могут все желающие. Форма ответа: фамилия, имя, отчество, адрес, возраст, профессия, разряд по шашкам (указать, если разряда нет), номер задания, затем привести короткий и точный анализ основных вариантов. И обязательно сделать пометку: «Шашечный конкурс-83. 1-й тур».

Предметом вашего размышления и анализа станут композиции, специально составленные для на-

шего журнала. Среди авторов — как известные мастера, так и дебютанты. Некоторые композиции дебютантов еще нуждаются в доработке, и все же жюри конкурса решило их вынести на ваш суд, дорогие читатели. В них есть главное: красота, оригинальность решения, логическая завершенность игрового фрагмента. И мы надеемся, что с помощью нашего творческого союза начинающим композиторам удастся освоить многие «секреты» мастерства.

Конкурс проводится в 8 туров, в каждом — по два задания. Участники, решившие все 16 заданий, выполнят норматив второго разряда, решившие 12 заданий — третьего и получат соответствующие удостоверения.

Пять участников, добившихся лучших результатов, станут победителями и получат призы. Занявшие последующие двадцать мест, а также наиболее активные пропагандисты шашек будут награждены книгами. К участию приглашаются и команды коллективов физкультуры. Капитаны должны указать в заявке число членов команды, должность или место учебы, адрес. Членом команд разряды, понятно, не присваиваются. Пять лучших команд будут награждены библиотечками шашечной литературы.

В течение конкурса мы ответим на ваши вопросы, касающиеся правил игры, участия в различных соревнованиях.

Ждем также составленные любителями композиции задачи, которые жюри рассмотрит и, по возможности, предложит к публикации.

Вмиг огорчения любие
Исчезнут все до одного —
Лишь вспомнишь звезды голубые
Над крышей дома своего.

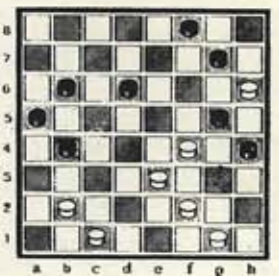
Мир полон радости и счастья,
Но край родной милей всего...
И так прекрасно возвращаться
Под крышу дома своего!

Первый тур
1. М. Бень (Киев)
Публикуется впервые.

Белые начинают и запирают черную простую.

2. М. Левандовский (с. Ланівка, Львовская область)
Публикуется впервые.

Белые начинают и выигрывают. Последний срок отправления ответов на задания первого тура — **1 октября** (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.06.83. Подписано к печати 30.06.83. А 02722. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 1882. Заказ № 955. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Знакомый
голос

Талант и признание

София Ротару рождена для песни. Голос ее удивителен, раскован и волнующе хорош. В нем сила и широта, необычайная звуковая насыщенность. И еще обаяние и страсть. София Ротару каждую песню поет так, будто это самая главная песня в ее жизни. Казалось, она долго копит душевные силы, чтобы сегодня, сейчас выразить всю свою страсть, всю радость и боль без остатка. За одиннадцать лет нашего знакомства

меня всегда поражала ошеломляющая творческая «щедрость» певицы. Я не помню случая, чтобы она отказалась выступать и по два и по три раза в день. «А как же иначе?» — удивляется певица...

Звезда Софии Ротару вспыхнула сразу и необычайно ярко. Это произошло летом 1972 года в Москве, во время гастролей ансамбля «Червона рута».

Самое поразительное, что молодая

молдавская певица предстала перед слушателями не робким новичком, а вполне сложившимся мастером: ее голос безраздельно властвовал над слушателями.

Особенно ей удалась тогда песня М. Блантера и М. Исаковского «Враги сожгли родную хату», в которой Ротару обнаружила незаурядный драматический талант актрисы. Смогла найти, быть может, единственно верный тон, соединивший воедино пронзительный трагизм памяти с философским раздумьем-обобщением о торжестве жизни. Яростный протест звучал в темпераментном и вдохновенном пении Ротару — матери, Ротару — дочери солдата.

София Ротару сразу же заняла лидирующее положение на нашей эстраде. Михаил Федорович Ротару, бригадир виноградарей из буковинского села Маршенцы, любил после работы собирать в кружок шестерых своих детей — для «спевки». Смолоду считавшийся хорошим певцом, он и детей приучал любить народную песню — молдавскую, украинскую, русскую. Может быть, те домашние концерты и привели на профессиональную эстраду четверых детей старого виноградаря.

Маленькая Соня не только охотно пела, но и жадно училась играть на домре, на баяне. Позднее занималась в вокальном кружке Дома культуры райцентра Новоселице.

В старших классах Соня всерьез увлеклась легкой атлетикой — дома появились грамоты за успехи на районных и областных соревнованиях. Но музыка все же брала свое: после победы на республиканском конкурсе художественной самодеятельности в Киеве София поступает в Черновицкое музыкальное училище на дирижерско-хоровое отделение. В 1968 году выпускницу училища Софию Ротару посылают в Болгарию на IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Среди исполнителей народной песни Софии не

оказалось равных. Она завоевывает золотую медаль, о которой многие почитатели таланта певицы и не подозревают.

Потом будут годы учебы в Кишиневском институте искусств... В свободное время София будет петь со студенческим оркестром Черновицкого университета и... втайне мечтать о своем эстрадном коллективе, солисткой которого она охотно бы стала. И лишь когда на одну из репетиций оркестра студент-медик Владимир Ивасюк принесет свою песню «Червона рута» и отдаст ее Ротару, только тогда она вместе с мужем Анатолием Евдокименко решится создать свой ансамбль — «Червона рута». И зазвонит, закружится в современных ритмах мелодичная песня о чудесном алом цветке, принесет известность и молодому автору, и ансамблю, и, разумеется, его солистке. Лишь после этого певица предстанет перед московской публикой в Центральном концертном зале, ставшем ее стартовой площадкой к высотам всенародного признания и любви.

И в начале пути и позднее наибольшие творческие успехи Ротару связаны с песнями гражданского звучания. Для каждой из них она выбирает самые необходимые краски. Ее ощущение песенного образа всегда точно и цельно.

На концертах певице не удастся, как правило, спеть только одну песню — зрители не отпустят. И вот что интересно, показательно: такое впечатление, что песни «на бис» всегда подобраны Ротару тщательнейшим образом. Каждая из них — именно ее, не просто мастерски исполняемая, а песня Софии Ротару. «Край родной», «Стара печаль моя...», «Красная стрела»... Прекрасно, что этот список можно продолжать еще очень долго, и это — свидетельство того, что певица, не побоюсь сказать, именно режиссирует свой репертуар. Как обстоятельно и по-режиссерски точно «делает» свой образ на сцене: эффектная и в то же время говорящая о тонком вкусе, чувстве меры одежда; мягкая пластика и великолепно развитое чувство ритма, гарантирующие от сумбурных, псевдоритмических подергиваний, которые так часто приходится наблюдать на эстраде.

Конечно, Ротару ищет, экспериментирует, не всегда добиваясь реальных удач, но ведь на то и поиск, а требовательность к себе, верю, не даст Софии выйти к слушателю с сырыми вещами.

В творческой биографии талантливой певицы легко прослеживается ее страсть к песне, славящей силу и красоту человеческих чувств, любовь к отчужденному дому и родной земле. Именно за такие песни мы, слушатели, и любим народную артистку Украинской ССР, лауреата премии Ленинского комсомола Софию Ротару. И недаром сама Ротару как-то призналась мне, что она хочет петь о сегодняшнем дне, жить его радостями и заботами. А питает ее и дает силы неиссякаемый источник вдохновения — фольклор, народная песня. Ей она всегда верна.

Павел ЕРМИШЕВ,
композитор

Фото
Александра
Зудина

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820